

НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ МОЖНО ВЕРНУТЬ.

ДРУГИЕ — **НЕТ.**

ДЕМОФОН

АНДРЕЙ РЕНЬЕ

Андрей Ренъе

Демофон

«Автор»

2026

Ренье А.

Демофон / А. Ренье — «Автор», 2026

Все началось год назад, когда дочь Терентьева сорвалась со скейта и впала в кому. С тех пор его жизнь превратилась в ад. Он готов на все, лишь бы она открыла глаза. Готов продать душу, полагая, что она уже ничего не стоит. Когда к нему приходит некто по имени Яал и предлагает демонический телефон, Терентьев не колеблется. Теперь в его руках устройство, способное ломать человеческие жизни одним нажатием. Телефон не просто исполняет желания. Он выворачивает людей наизнанку, вспарывает и вытаскивает наружу все самое темное и мерзкое. С каждым новым заданием Терентьев понимает: грань, которую он так боялся переступить, осталась позади. Он все еще говорит себе, что делает это ради дочери. С каждым днем становится все сложнее отличить, где заканчивается отчаянный отец и начинается чудовище. История о цене любви, о демонах без рогов и с рогами.

© Ренье А., 2026

© Автор, 2026

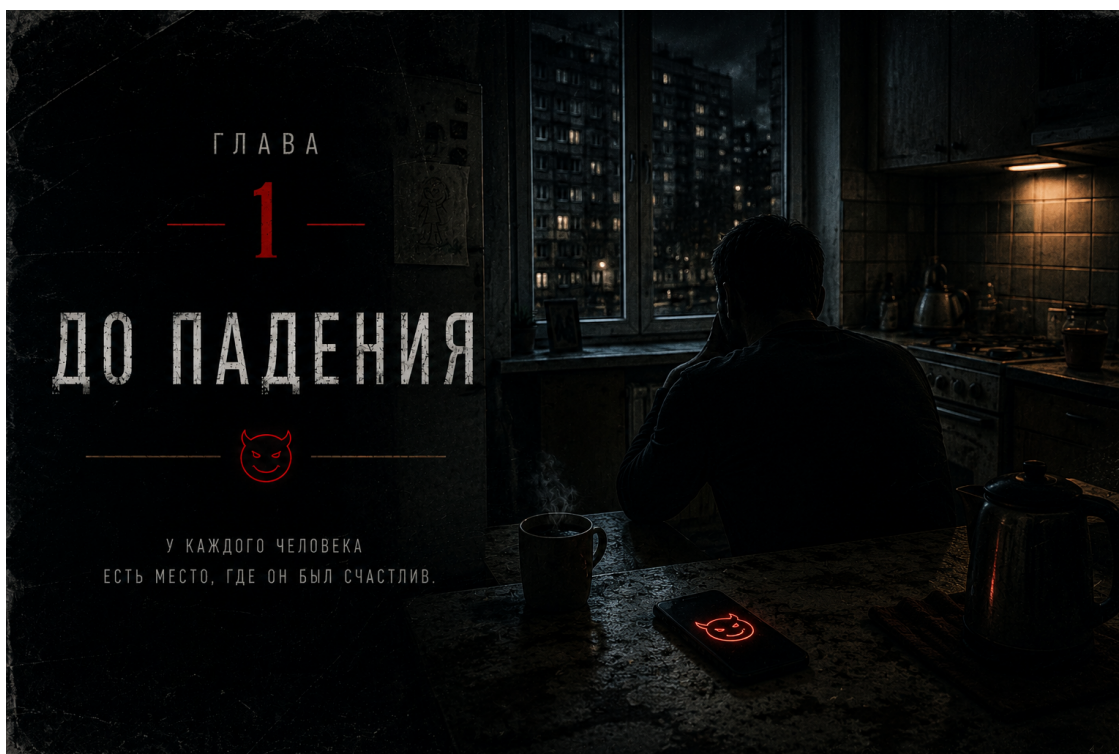
Содержание

Глава 1 Как рушатся королевства	6
Глава 2 Неизвестный номер	12
Глава 3 Телефон дочери	16
Глава 4 Тот, кто пришёл	19
Глава 5 Всё пучком, принцесса	21
Глава 6 Башня	25
Глава 7 Амфир	29
Глава 8 Три комнаты	35
Глава 9 Последний пассажир	36
Глава 10 Все для перемен	42
Глава 11 Обменная монета	48
Глава 12 Троица	51
Глава 13 Больница	53
Глава 14 Пока бьется сердце	55
Глава 15 Новый хозяин	59
Глава 16 Не сегодня	60
Глава 17 Точка невозврата	62
Глава 18 Заговор обреченных	64
Глава 19 Последняя прогулка	68
Глава 20 За дверным глазком	69
Глава 21 Скрип карусели	76
Глава 22 Первый вестник	78
Глава 23 Между точкой «А» и точкой «Б»	80
Глава 24 Запасной	83
Глава 25 Где прячутся неудачники	87
Глава 26 Особо ценные кадры	90
Глава 27 Стрекоза	92
Глава 28 Вратарь	95
Глава 29 Перелом	98
Глава 30 Маленькая месть	101
Глава 31 Время для разговоров	106
Глава 32 Фейерверк	109
Глава 33 Попался	111
Глава 34 Номер девять	114
Глава 35 Спорткомплекс	117
Глава 36 Адрес	120
Глава 37 Звонок	122
Глава 38 Большой босс	124
Глава 39 Пока все спят	126
Глава 40 Тайник	129
Глава 41 Стадион "Заря"	131
Глава 42 Перед бурей	134
Глава 43 Беркуты	136
Глава 44 Хот-доги	138
Глава 45 Супергерой	140
Глава 46 Цербер по кличке Вейден	142

Глава 47 Бомба	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андрей Ренье Демофон

Глава 1 Как рушатся королевства

— Подсудимый Аляпов Сергей Петрович полностью оправдан. Немедленно освободить Аляпова Сергея Петровича изпод стражи в зале суда, — лениво продекламировал судья. Создавалось впечатление, что он просто зачитывал список покупок: хлеб, сахар, молоко и — освободить Аляпова.

В тишине зала щёлкнул замок. Слабый металлический звук, но от него зал судебного заседания будто бы треснул пополам. Всё вмиг поменялось: лица людей — потерпевшего, подсудимого, прокурора. Даже свет в окне, и тот, казалось, потускнел. Лишь адвокат пребывал в том же состоянии: ни один мускул его лица не дрогнул, поскольку именно такого результата он и ждал. Уверенный в себе, спокойный и отрешённый, в дорогом чёрном костюме при галстукке, он выглядел как ворон — угрюмый тридцатилетний ворон, который просто наблюдал за результатом своих действий.

Адвокат Терентьев не сразу обернулся. Знал, что ему предстоит увидеть, поэтому медлил.

Какихто полчаса назад его подзащитный стоял ссутулившись, с опущенной головой и жадно хватал каждое его слово. Мысленно тот уже примерял тюремную робу и считал месяцы.

Терентьев заставил себя посмотреть через плечо. Теперь перед ним стоял совсем другой человек — тот, который знал, что ему опять сошло всё с рук: прямой и высокомерный здоровяк с мерзкой влажной ухмылкой. Именно с этой ухмылкой он и перекинул потерпевшего через парапет. Не переживал — просто стряхнул букашку с одежды. Смеялся, когда тот барахтался в снегу и корчился от боли, ещё не осознавая, что его нога сломана и он будет хромать до конца жизни. Улыбка хищника, осознавшего своё превосходство.

Не без помощи добрых друзей и дополнительной экспертизы Терентьев сумел доказать, что Аляпов причинил вред здоровью не умышленно, а по неосторожности. Именно это спасло ранее судимого подзащитного от реального срока.

Он коротко кивнул Аляпову, собрал бумаги со стола — они шуршали громче обычного. Не смотрел на судью и других участников. Ручка покатила и упала на пол.

«Чёрт с ней», — подумал он, скомкал все свои вещи в портфель и поспешил к выходу. Единственное, чего действительно хотелось, — уйти и проверить свой банковский счёт. Возможно, он уже пополнился кругленькой суммой.

У выхода из суда его поймал за локоть младший коллега:

— Саш, обмоем это дело? — Глаза блестели от предвкушения. — Такого поворота я сто лет не видел!

— Нет, — отрезал Терентьев на ходу, застёгивая портфель. — Не пью. Мне нужно домой. Дочь ждёт.

***

Дома он наспех приготовил макароны пофлотски, и они с дочерью уселись за стол. Скромный ужин на двоих, без изысков, но который устраивал обоих.

— Ну и как в нашем королевстве? — зазвенел голос дочери.

Она ловила макароны и пережаренный фарш, аккуратно помогая себе куском хлеба, пережёвывала и вновь тянулась за макаронами. Всем своим видом пыталась показать, что еда вполне себе сносная и даже очень вкусная — словно перед ней стояла тарелка наваристого борща, который она очень любила.

Дочь внимательно смотрела на него большими скандинавскими глазами, которые напоминали ему о её матери. Рыжие волосы рассыпались по футболке, на которой отчётливо выделялись только два расправленных крыла на фоне какойто цветной кляксы. Одну ногу она подогнула под себя, в очередной раз забывая обещания не делать так за столом.

— Всё пучком, принцесса, — коротко бросил он.

Он не смотрел на неё, а кудато мимо. Перед ним всё ещё стоял образ ухмыляющегося Аляпова, растерянное лицо потерпевшего.

— А мы с Танькой собираемся покорить Руины. Будем кататься там на скейтах. Прикинь! Она умотала на две недели на море с родаками! Не помню, куда точно. Короче, она всё время спамит фотками. Такая: «Здесь я на пляже, а здесь — у пальмы». Выпендрёжница та ещё. Главное, в статус выкладывает — хочет, чтобы мальчишки из класса тоже были в курсе. Ага, а мне такая говорит, что, типа, это для подруг. Канешна, ага! Так я и поверила! Везёт же ей. Пап?

Терентьев нанизывал на вилку макароны и возил их в кетчупе, размазывая по всей тарелке.

— Па, может, и нам рвануть на море? — с надеждой спросила она.

— Обязательно съездим, принцесса. Только нужно разобраться с делами. Может, на следующий год.

— Окей, — она обречённо пожала плечами.

Теперь её глаза смотрели только в тарелку, плечи опустились, и былая энергичность кудато улетучилась. Терентьев поднял на неё взгляд:

— Извини, принцесса. Много всего в последнее время. Давай и правда на следующий год запланируем поездку.

— В выходные мы сможем погулять?

— Не знаю, у меня там одно дело

— Окей, — повторила она.

После этих слов она встала изза стола, молча убрала свою тарелку и пошла к себе в комнату. Через минуту оттуда уже звучал AC/DC — верный знак того, что папа в очередной раз не смог наладить общение с дочерьюподростком и в ближайшее время лучше к ней в комнату не соваться.

Он глубоко вздохнул. В очередной раз что-то кольнуло его под самый бок, да так, что перехватило дыхание. С тех пор, как они остались вдвоём, он который раз упрекал себя в том, что является плохим отцом — худшим, если верить громкости динамиков из комнаты дочери. Посвоему он старался, но работа и домашние дела его просто пожирала. С трудом ему удавалось балансировать между успешной карьерой адвоката и чуть менее успешной ролью отца. Причём этот баланс уже давно был нарушен.

Чтобы отогнать от себя дурные мысли, он прошёл в свою комнату и уселся за стол, где его ждало ещё одно дело — на этот раз гражданское, но тоже денежное. Надеялся, что работа над ним поможет ему отвлечься от мыслей о дочери и этом жулике Аляпове. Решил, что посидит часок за бумагами, а потом, когда музыка в её комнате утихнет (если утихнет), обязательно пойдёт к ней и извинится. Может, проведут вместе время.

Час растянулся в два. Он погрузился в дело, перестал слышать «долбёжку» AC/DC. Потом услышал, как хлопнула входная дверь. Это был не хлопок протеста, когда закрывают её со скандалом, не громкий щелчок — так, словно она отсекла от себя нить, которая их связывала.

Он оторвался от текста. В тишине квартиры этот звук прозвучал громче голоса судьи в зале судебного заседания.

— Какой же ты придурок, Терентьев, — произнёс он и ударил кулаком по столу.

Папка и ноутбук подпрыгнули, пара листов слетела на пол. Он откинулся на спинку кресла, провёл руками по лицу. Вспомнил обвиняющий взгляд, которым она его наградила, когда полгода назад он так и не пришёл на родительское собрание. Она сидела одна, а он задержался изза очередного допроса. Она не плакала, просто смотрела в окно. Он долго оправдывался, а она только и произнесла своё: «Окей».

Благодаря его работе у них есть крыша над головой и еда в холодильнике. Какое только это имеет значение, когда ваше семейное королевство сыплется прямо на глазах? Работа могла подождать, а вот принцессе нужен был отец. Сейчас.

Он нашёл её на площадке у дома. Она сидела на скейте, поджав разодранные колени, и что-то яростно чертила мелом на асфальте — похоже на дугу и траекторию скейта пунктиром.

— Всё, — сказал он, приближаясь. — Король в полном твоём распоряжении.

Она не подняла голову.

— Па, ну реально. Я же вижу, что занят. Без обид. Я всё понимаю. В конце концов, не маленькая уже.

Он улыбнулся, рассматривая её. Какая потрясающая у него дочь!

— Занят тем, что просто был идиотом. Прости.

Она посмотрела на него снизу вверх. В её глазах совершенно не осталось места для детской обиды — только взрослое и понятное разочарование, которое копилось, как грязное бельё в корзине.

— Ладно, — наконец сказала она, стирая рисунок носком кроссовка. — Только если понастоящему.

— Понастоящему. В знак подтверждения мы сейчас должны куда-то поехать. Решай! Хочешь на «Руины», в автоматы, ещё куда?

— Фу, нет. Это я как-нибудь без тебя. Давай в — она прищурилась, и в её глазах мелькнул тот самый озорной огонёк, которого он даже побаивался и который так любил, — в «Вертикальный мир»!

— По рукам!

***

Солнце садилось медленно, лениво опускалось за горизонт. Тёплый свет стекал по зданиям, расплзался широкими рыжеватыми лужами по асфальту. В этих лужах гремели велосипеды и самокаты, где-то недалеко смеялись дети, играла музыка.

На парковке перед Терентьевым предстала почти идеальная картинка с открытки, на которой запечатлён городской пейзаж. Вероятно, именно это вызвало в нём плохое предчувствие, посеяло сомнение.

Он захлопнул дверцу машины и на несколько секунд задержался, осматривая салон через окно — будто проверял, всё ли на месте, всё ли он взял: он, дочь, сегодняшний вечер. Мысленно собрался и повернулся к Ане, которая недоумённо смотрела на него.

— Па, ну ты чего тормозишь? — спросила Аня.

Он моргнул, будто его только что выдернули из сна.

— Да, извини.

— Ты что-то потерял или что?

— Уже нашёл.

Он засмеялся и обнял её.

— Всё отлично, правда, — заверил он.

Они зашагали к зданию, которое напоминало огромную металлическую коробку, чуть смятую с одного края и с круглыми дырками вместо стандартных окон.

— А ты когданибудь лазил? — спросила Аня.

— Давно. В прошлой жизни. Здесь и сравнивать нечего — сейчас всё совершенно другому.

— И как? Понравилось? Должно же было понравиться. Стопудова.

— Я помню, что несколько раз упал, но в целом всё было весело.

— Весело падать? — усмехнулась она. Он подмигнул ей.

— Откуда ты вообще узнала про это заведение?

— Короче, Лена была здесь пару раз. Говорит, что просто улёт. Ощущения просто бомбические. Постоянно сюда гоняет.

— Лена?

— С параллели. Ты не знаешь, — отмахнулась Аня. — Так вот, она реально помешана на этой штуке. Постоянно о ней рассказывает. Я тоже захотела попробовать.

У самого входа она взяла его за руку, и они вместе вошли внутрь. Здесь он сразу ощутил волну энергии, которая исходила от спорткомплекса: всё буквально сочилось ею — начиная от цветных трасс и заканчивая гулом детских голосов. Дети и взрослые карабкались — кто выше, кто ниже.

Он посмотрел на Аню и понял, что она тоже это почувствовала. Широко раскрыв глаза, она смотрела на зал и улыбалась. Создавалось ощущение, что она вот-вот сорвётся и начнёт карабкаться на ближайшую стену. Он осторожно положил ладонь ей на плечо, давая понять, что поддержит.

У стойки регистрации их встретил молодой парень в красной футболке с надписью «Инструктор». Он оценивающе взглянул на Терентьева и на Аню:

— Впервые?

— Нет, — тут же выпалила Аня.

Терентьев легонько толкнул её.

— Ладно, в первый раз, — согласилась она.

Инструктор с улыбкой кивнул.

Он выдал снаряжение и быстро, уверенно объяснил, как держаться, пристегиваться, что можно, а что нельзя. Аня слушала, выпрямившись, как на линейке. Крутила в руках карабин, болтала ремнями, словно хотела прощупать каждую деталь перед применением.

Когда они подошли к первой стене, предназначенной для новичков, Аня замерла, глядя на её вершину. Боулдеринг уходил вверх метра на четыре, не меньше. Цветные зацепы смотрелись уже не игрушками, а чемто настоящим, пугающим.

Аня тихо выдохнула.

— Пап, — сказала она, — это высоко. Лена, конечно, говорила, что тут реально можно высоко забраться, но это

— Угу, — согласился он. — Но ты же не обязана лезть до самого верха. Думаю, Лена тоже не с первого раза дошла до вершины и облазила все эти — он запнулся, подбирая слова, — стены.

— Боулдеринги, — поправила Аня.

— Чего?

— Я зауглила. Это называется боулдеринг. Здесь ещё много всяких таких словечек. Прикольню.

— Боулдеринг, — повторил Терентьев.

— Я хочу, — отрезала она.

При этих словах она сделала шаг навстречу боулдерингу, но остановилась. Терентьев приобнял её за плечи.

— Смотри, — сказал он спокойно. — Тебе не надо думать про всю стену сразу, про все эти зацепы. Только про первую штуку. Найди первую точку, за которую возьмёшься. Только одну. Другие потом увидишь.

Она посмотрела на боулдеринг. Её взгляд метался по всей его поверхности, а потом зацепился за нижний угол. Терентьев понял, что она выбрала свой первый зацеп. Её лицо немного прояснилось.

— Эту штуку? — спросила она, указывая на зелёный зацеп на уровне груди.

— Эта подойдёт, — согласился он. — Она хорошая и, к тому же, твоего любимого цвета.

Аня шагнула ближе. Рука её легла на зелёный зацеп. Она оглянулась на него — не за разрешением, а за поддержкой. Он кивнул.

Она поставила ногу на самый низкий выступ и подтянулась. Движение вышло чуть неловкое, но верное. Аня поднялась на второй уровень зацепов, вновь оглянулась, будто хотела убедиться, что он всё ещё здесь, никуда не исчез. Терентьев заметил, что её лицо засветилось гордостью и восторгом. Он поднял большой палец. Она кивнула в ответ и продолжила.

С каждым шагом её движения становились увереннее и быстрее. Теперь она интуитивно выбирала зацепы, находила новые опоры — словно она действительно уже не раз проходила этот боулдеринг. Гдето на половине дистанции она остановилась, повисла на руках, разглядывая дальнейшее направление трассы.

— Пап! — крикнула она сверху. — Смотри, я реально могу! Он смотрел. Ещё он гордился ей, любил её и радовался вместе с ней.

— Можешь, — крикнул он. — Давай, принцесса!

Она забралась ещё выше — на уровень, где трасса стала сложнее, и приходилось внимательно выбирать следующий зацеп. Несколько секунд она просто постояла и с сомнением смотрела вверх, потом поднялась ещё на два уровня. До верха оставалось всего ничего — может, метра два.

Терентьев смотрел на дочь, которая опять остановилась на месте. Он буквально физически чувствовал её тревогу, понимал, что дальше для неё будет только труднее.

— Пап, — позвала она. — Я думаю, хватит.

— Всё хорошо, — сказал он без тени разочарования. — Спускайся. Я здесь.

Она начала спускаться — сначала аккуратно, потом быстрее, словно уже знала все зацепы наизусть. Когда ступила на мат, её ноги чуть дрогнули от напряжения. Он подскочил к ней, готовый поддержать, но она тут же распрямилась, встряхнула руками и посмотрела на него так.

— Всё пучком, пап. Он улыбнулся уголком губ.

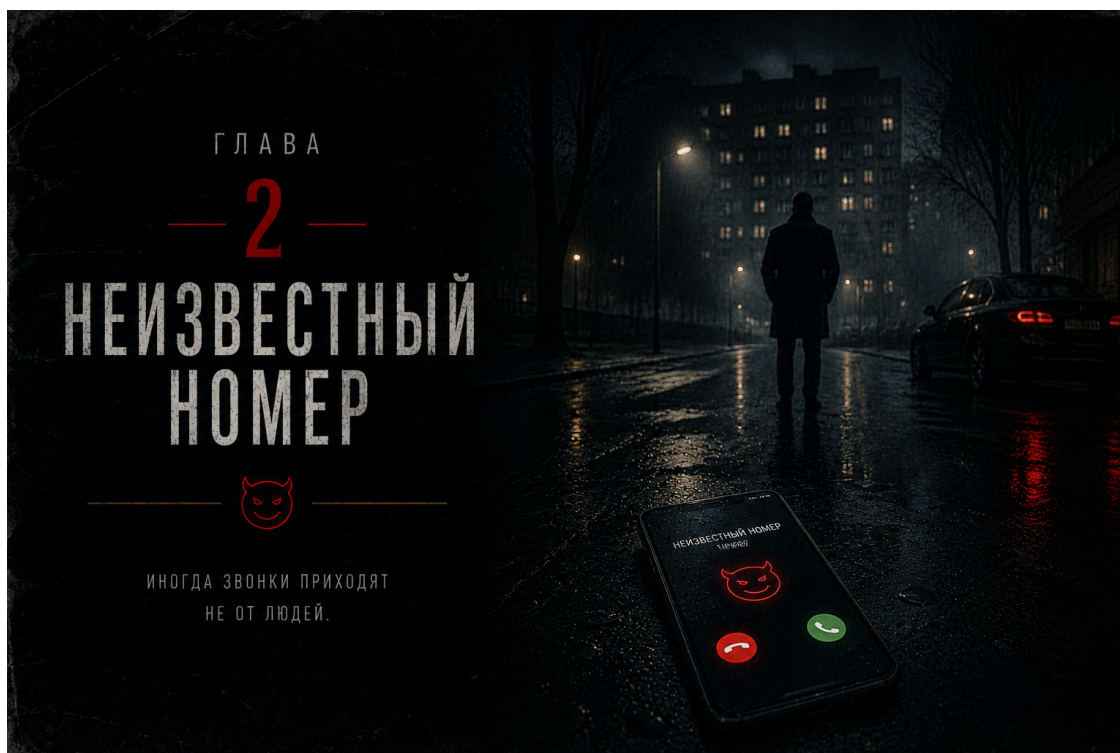
— Ну и как тебе?

— Ваше круто! Ну прям огонь! Она расправила плечи, как маленький спортсмен, которому вручили медаль.

— Пап, — сказала она, — можно ещё разок?

И он понял, что этот вечер только начинался. Со второго раза она покорила боулдеринг для начинающих. Потом опробовала другой, более сложный. Одно оставалось неизменным: она каждый раз смотрела вниз в поисках него, а он был рядом, готовый броситься на помощь в любой момент.

Глава 2 Неизвестный номер

Прошло две недели. Четырнадцать «Привет, па» и «Доброй ночи», четырнадцать вечерних чаепитий за разговорами, два похода в кино, один – в парк и одна ссора изза беспорядка в ванной. Терентьев ещё не знал, что будет вспоминать эти последние четырнадцать обычных дней как самые счастливые в своей жизни.

Он вернулся с работы чуть позже обычного, чувствуя себя усталым, но готовым к очередной порции вечерних разговоров. Поднимаясь в лифте, он представлял, как Аня встретит его: «Как дела в нашем королевстве?» – и поделится результатами своего нового кулинарного эксперимента. Она ещё не стала мастером, но пицца из магазинного теста, смазанного кетчупом, с колбасной нарезкой выходила съедобной.

Подойдя к двери, он нажал кнопку звонка. Примитивная мелодия проиграла полностью – сначала один раз, затем второй. Он прислушался: ни топота ног по паркету, ни звука музыки. Только тишина – сплошная, густая тишина, и ничего больше.

Он открыл дверь и прошёл в квартиру, которая теперь принадлежала только ему одному, хотя он ещё об этом не догадывался. В воздухе не пахло подгоревшим тестом. Пахло беспокойством.

— Аня, я дома! — крикнул Терентьев, скидывая с себя потяжелевшие ботинки.

Он уже понимал, что никто ему не ответит, но всё равно сообщил о своём прибытии – будто, если он станет соблюдать обычный порядок вещей, Аня окажется дома.

Место для её кроссовок на полке оставалось пустым, скейт, который таился в углу коридора, исчез. Похоже, она совсем забыла про время, раз не вернулась к ужину.

Он перевёл дух, ещё раз посмотрел на часы и взялся за ужин. Щелчок. Жужжание вытяжки над плитой разрежало тишину. Кусочки мяса плясали в сковородке под аккомпанемент шуршания деревянной лопатки. Он выполнял механические, привычные движения, а потом на пару секунд замер. Щёлкнул вытяжкой ещё раз и прислушался. Ему показалось, что

он отчётливо слышит шаги в соседней комнате, — но теперь ничего подобного не было. Просто показалось.

В восьмом часу он закончил возиться с мясом, приготовил две пустые тарелки и две вилки, расставил их по обе стороны стола. Сел на своё место у окна и уставился на пустой стул в противоположной стороне. Глядя на него, он взял мобильник и набрал номер.

Случилось то, чего он больше всего боялся: никто не ответил. Длинные гудки – один за другим. Сам того не замечая, он начал их считать: «Два три Аня, возьми трубку! Четыре пять Аня, да где ты? Шесть»

Отправил очередное сообщение в мессенджере: «Принцесса, где ты? Позвони».

Отметка «Прочитано» в виде второй галочки так и не появилась.

В полдесятого он продолжал звонить, слушал гудки и смотрел на пустой стул в противоположном конце стола: «Шесть семь Абонент не отвечает». Безуспешно искал телефоны её подруг: «Восемь Абонент не отвечает».

Очередное отправленное сообщение: «Доченька, перезвони, ладно? Я волнуюсь».

Опять гудки: «Один два» Однако посередине гудков он отчётливо услышал: «Папа!» «Четыре пять»

Потом он много раз возвращался к этому моменту, убеждал себя, что голос Ани только послышался ему – как и звуки из детской комнаты раньше. Болезненная слуховая галлюцинация, вызванная переживаниями. Тогда же, на краткий миг, он воспылал надеждой.

— Принцесса! Где ты? Ты меня слышишь?

«Шесть семь»

— папа — голос оборвался, стал слабее и вовсе растворился в гудках.

Терентьев бросил телефон на середину стола – и тот завертелся, точно барабан в какой-нибудь телеигре. Он встал, прошёлся по кухне, посмотрел в окно в надежде увидеть её. Думал о том, чтобы собраться и идти куда-то искать. Куда он пойдёт? Она могла быть где угодно.

В десять он уже оделся, чтобы выйти на улицу, когда его телефон зазвонил. Его бросило в дрожь при виде неизвестного номера на экране.

— Аллю, — послышался осторожный голос девочки.

— Слушаю.

— Здравствуйте, это Таня. Ну, подруга Ани.

Голос её казался неестественно высоким и натянутым.

— Таня, прошу тебя, ты знаешь, где Аня?

— Я как раз пыталась искать ваш номер

И тут же, словно перебивая её, на его телефоне появилось сообщение о новом входящем вызове. На экране сияло родное, любимое прозвище: «Принцесса».

— Таня, подожди, мне дочь звонит! — почти выкрикнул он, отправляя её вызов на удержание.

Облегчение хлынуло горячей волной, смывая весь страх. Конечно! Просто задержалась у подруги!

— Аня, ты где?

— Добрый вечер, это отец Ани? — прозвучал в трубке мужской голос, лишённый каких-либо интонаций.

Облегчение оборвалось, как будто кто-то резко перерезал провод и выключил всё электричество.

— Да, — он напрягся. — Да, я её отец. Вы кто?

— Городская клиническая больница 7, отделение реанимации и интенсивной терапии. Врачреаниматолог Старлов Виктор Степанович.

— Откуда у вас телефон моей дочери? — сорвался Терентьев, голос неожиданно взвился. — Где она?! Что с ней?!

— Прошу вас, постарайтесь сохранять спокойствие, — тем же бесцветным тоном произнёс врач. — Ваш номер был указан в контактах как «папа», телефон разблокировали с помощью отпечатка пальца. Это позволило нам с вами связаться.

— Где Аня?! — он едва дышал. — Что с ней?!

— Ваша дочь поступила к нам с тяжёлой черепно мозговой травмой. На данный момент она находится в состоянии сопора, ближе к коме. Сознание отсутствует, реакций на речевой и тактильный контакт нет.

У Терентьева на миг потемнело в глазах.

— Что что это значит? Вы можете сказать почеловечески?

— Она без сознания, ни на что не реагирует. Сейчас говорить о прогнозах преждевременно, — отчеканил Старлов. — На данный момент её состояние стабилизировано.

Слова обрушивались на него чужим языком, словно говорил не человек, а инопланетянин. Смысл прорывался лишь обрывками. Кома. Он понимал, что она в коме.

— Как как это случилось?

— По информации, полученной от бригады скорой помощи, имело место падение со спортивного сооружения, — безэмоционально продолжал врач.

— Я я к ней приеду. Сейчас.

— Да, ваше присутствие желательно, — тот же ровный голос. — Необходимо будет оформить ряд документов, дать согласие на возможные оперативные вмешательства, если в этом возникнет необходимость. Отделение реанимации Седьмой городской больницы, приёмное отделение работает круглосуточно.

— Она вообще не приходила в себя хоть ненадолго?

— По данным бригады, кратковременный контакт при транспортировке отмечался, но на момент поступления в приёмное отделение пациентка уже была без сознания, — сухо ответил Старлов.

— Боже — выдохнул он.

В трубке повисла короткая пауза, в которой слышалось только шипение аппаратов где-то на заднем плане.

— Мы исходим из того, что шанс есть всегда, — произнёс врач, явно пытаясь подбодрить. — На этом этапе наша задача – стабилизировать жизненно важные функции и предотвратить прогрессирование отёка головного мозга. Через несколько часов у нас будет больше данных для оценки динамики. Рекомендую вам выехать к нам как можно скорее.

— Я я сейчас же выезжаю. Что за больница?

Врач тяжело вздохнул.

— Седьмая городская клиническая больница, приёмное отделение, регистратура стационара. Назовите свою фамилию и фамилию дочери – вас проведут, — сообщил Старлов. — Запишите, пожалуйста, мою фамилию: Старлов. Слышите меня? Дежурный реаниматолог.

— Да да, понял — он сам слышал, как хрипит его голос.

— Не советую садиться за руль в состоянии стресса, — спокойно добавил врач. — До встречи.

Он на секунду застыл, вцепившись в телефон, и только потом с мучительной медлительностью вспомнил про Таню на второй линии. Пальцы дрогнули, когда он нажал на переключение вызова.

— Таня?..

Она уже плакала, всхлипывая так, что слова прерывались.

— Простите я я не знаю как так вышло

— Где вы были? — он с трудом сдерживал себя, голос звенел от напряжения. — Что вы делали, Таня?!

— Мы были на Руинах То есть в скейтпарке, — выдохнула она. — Всё было нормально, правда. Аня пошла кататься, как всегда. Выпендривалась. Сначала – маленькая рампа, потом сказала, что хочет попробовать большую. Думала, что справится.

Он слушал, чувствуя, как каждое слово словно ввинчивается в виски.

— Она поехала вниз набрала скорость — Таня закашлялась от рыданий. — Я я даже не поняла, как она потеряла равновесие Просто как будто воздух вырвали изпод доски Она ударилась головой об край очень сильно

У него свело живот.

— Она встала? Говорила чтонибудь?

— Она она сначала попыталась приподняться, — Таня задышала чаще. — Сказала, что всё нормально, только кружится голова Я хотела усадить её на лавку, но она както обмякла глаза закатились Она перестала мне отвечать Просто лежала и дышала Я её трясла, звала Она не реагировала.

Он сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— И вы вызвали скорую? Сразу?

— Через не сразу, — захлебнулась Таня. — Сначала мы думали, что она сейчас придёт в себя, просто потеряла сознание. Ребята подбежали, кто то плеснул ей на лицо воду. Но она не открывала глаза. Тогда я позвонила в скорую. Они приехали быстро, минут через десять, наверное Забрали её Сказали, что состояние тяжёлое

В голове у него звенело одно слово: «кома».

— Я еду к ней, — жёстко сказал он, сам удивившись, откуда в голосе взялась сталь.

Он понимал, что ещё немного – и уже может сорваться.

***

Старлов встретил его хилым рукопожатием и усадил на диван.

— Я могу констатировать, что сейчас жизни вашей дочери ничего не угрожает.

Морщины на лице Терентьева разгладились, а нервные пальцы перестали теревить ворот рубахи. Казалось, что тяжкий груз, с которым он пришёл в больницу, стал немного легче.

— Должен также повторить, что у неё тяжёлая черепномозговая травма. В настоящее время она в состоянии комы. Мы сделали всё необходимое. Я не могу делать дальнейшие прогнозы относительно того, когда она придёт в сознание. Не знаю, придёт ли вообще. Дело в том, что характер повреждений и её состояние

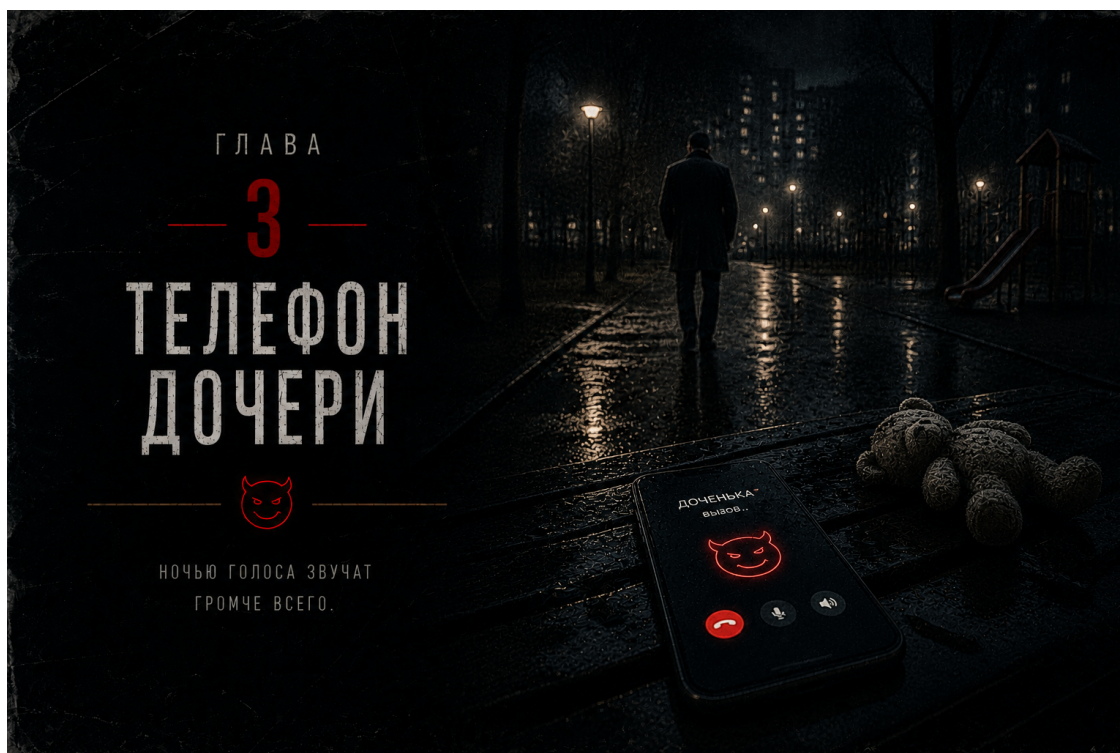
Старлов сыпал медицинскими терминами, рассказывал о проведённых мероприятиях, возможных перспективах и наблюдал, как тучи сгущаются на лице Терентьева. Видел, как перед его глазами открывается печальное настоящее и ещё – безнадёжное будущее, полное забот о любимой дочери, превратившейся в овощ.

Он сидел на диване, уставившись в маленькую трещину, которая рассекала плитку в кабинете. Осознавал, что ему следует теперь подняться к Ане. Вместе с тем он будто совершенно забыл, как двигаться. Ноги вросли в пол, а взгляд был полностью сфокусирован на трещине, которая, казалось, значительно выросла в размерах.

Кома.

В тот день по пути домой Терентьев купил бутылку вина.

Глава 3 Телефон дочери

Следующие несколько дней Аня так и не пришла в себя.

Она лежала неподвижно, а аппараты дышали за неё. Только они и оставались живыми в палате. Всё остальное превратилось в неряшливую декорацию к детскому спектаклю. Даже он сам. Иногда Терентьеву казалось, что стоит им замолчать – и всё вокруг исчезнет.

Он тряхнул головой и снова опустил взгляд на колени. Там лежала раскрытая книга.

Гдето между строк Гарри Поттер и Рон Уизли устраивались в поезде и делились сладостями. Терентьев сбился и пытался нащупать то самое место: вёл дрожащим пальцем по странице, возвращался назад, снова терялся.

Он глубоко вдохнул и прочитал вслух:

— Ты не возражаешь? — спросил Рон, указывая на половину шоколадной лягушки, лежавшую перед Гарри. — Что? Нет, конечно, — сказал Гарри, отодвигая лягушку.

Аня, должно быть, читала эту книгу десятки раз. А может, и вовсе не читала. Он точно не знал. Книга просто лежала у её прикроватной тумбочки, словно чего-то ждала.

Он продолжил, спотыкаясь на словах:

— «Вроде того», — сказал Гарри, глядя на лягушку, которая пыталась упрыгать у него изо рта.

Слеза сорвалась и упала на страницу. Чёрные буквы расплылись, превратившись в мутное пятно. Он долго смотрел на него, будто не понимая, откуда оно взялось, и потёр пальцем.

Потом быстро вытер глаза ладонью и закрыл книгу.

— Прости. Я думаю думаю, мне сегодня уже пора, — произнёс он, глядя на свою дочь.

Он посидел ещё немного, не двигаясь, — просто смотрел на её лицо, слишком спокойное, слишком детское. Потом поднялся неловко, будто ноги отвыкли слушаться и налились свинцом. Пришлось схватиться за спинку стула, чтобы не упасть.

Потом он поправил одеяло, выровнял его складки. Так он почувствовал себя немного спокойнее.

В коридоре, как всегда, оказалось холодно, но дышать здесь всё равно было легче. Понемногу и ноги приходили в порядок, поэтому он ускорился: спустился по лестнице, пересёк холл – и только на выходе понял, что сжимает в руке книгу.

Ему следовало вернуть её обратно на тумбочку – оставить рядом с аппаратами и Аней. Но он понимал, что не сможет этого сделать. Ещё раз за вечер он просто не выдержит.

В эти дни Терентьев перестал выходить на работу. Утром он ехал в больницу, днём бесцельно слонялся по парку, а на обратном пути каждый раз заходил в магазин и покупал вино. Таким стал его ежедневный маршрут: лавочка у больницы, палата, лестница, улица, магазин.

Дом встречал его пустотой, которая пахла пылью и испорченными продуктами. Он возвращался туда не для того, чтобы жить, а чтобы провести где-то ночь.

Он бросил книгу на тумбочку в прихожей. Там же оказались ключи от машины и бумажник. Прошёл на кухню, поморщившись от запаха гнили. В сковородке на плите попрежнему оставался приготовленный им гуляш.

Он приподнял крышку – и запах усилился. Испытав тошноту, он быстро накрыл сковородку и открыл окно, впустив свежий воздух. Обессиленный, сел на своё место, оглядывая стол. На нём всё так же стояли две пустые тарелки и лежали столовые приборы.

Рука сама потянулась вниз, к пакету, нащупала горлышко и вытащила бутылку красного вина. Он нашёл бокал с красными засохшими следами вчерашней посиделки и вновь наполнил его.

Есть совсем не хотелось. Организм словно отказался от этой ненужной функции, лишив его необходимости следить за этой частью себя. Поэтому Терентьев просто пил вино и слушал звуки за окном.

Гудели машины, где-то у соседей хлопало окно, люди во дворе разговаривали. Очень удобный мир, которому было совершенно всё равно, что происходило с Аней. Безразличный. Он ненавидел его за это.

Свободной рукой он вытащил из кармана телефон. Сотни пропущенных звонков и сообщений: с работы, по работе, для работы. Аляпов опять что-то натворил и засыпал его мольбами о помощи. Обращались и другие его подопечные.

Его меньше всего сейчас интересовала работа, поэтому он просто скрыл все уведомления, а вместо них открыл единственное, что действительно хотел посмотреть, – чат с Аней, чтобы оживить мгновения их общения.

На кухне стало заметно прохладнее. Он налил ещё бокал вина и читал мессенджер. Всплывали картины подготовки к пятничным отрывкам с сериалами, школьным собраниям, поездкам к стоматологу. Вскрывалась и другая сторона их переписки:

«Па, можешь мне купить на ДР»

«Пожалуйста»

«Сегодня у Тани. Буду к ужину».

«Ты скоро приедешь?»

«Сегодня хоть не удержишься?»

«Просто я не хотела есть одна».

«Опять дела?»

«Окей».

Он дошёл до того злополучного дня, когда она оказалась в больнице, и замер. Лента сообщений дальше не скроллилась: экран телефона словно упёрся куда-то, остановился на непроходимом препятствии. Палец замер.

Под ним оказалось непрслушанное голосовое сообщение – сообщение, которое он не мог не заметить. В тот день он проверял телефон с десятков раз, но это сообщение видел впервые.

Он нахмурился, проверил дату. Да, ошибки быть не могло. Почему он не видел его раньше, он не понимал. На ум пришло только плохое качество связи, перебои, магнитные бури – и это объяснение показалось ему вполне разумным.

Немного поколебавшись, он нажал на воспроизведение.

Сообщение длилось, таймер шёл, но вместо голоса – сплошной белый шум. Через пару долгих секунд сквозь него послышался треск, а следом за ним он услышал тихое «Папа». Сообщение тут же оборвалось, будто там, на другом конце, кто-то дёрнул рубильник.

Он ещё несколько секунд сидел, уставившись в телефон, словно пытаясь осознать, что произошло. Экран телефона успел погаснуть, и теперь в его темноте отражалась часть винного бокала.

После активации экрана он снова нажал на «воспроизведение». Опять тишина, треск – и снова сквозь помехи прозвучал знакомый, родной голос, а после сообщение оборвалось.

На этот раз тело среагировало моментально. Он резко поднялся и прошёл в комнату дочери. Свет не включал: он прекрасно знал о вечном беспорядке на кровати и на полу, но не прикоснулся ни к чему. Словно здесь ничего не изменилось.

Телефон Ани лежал на столе – там, где он его оставил после больницы. Теперь он надеялся, что найдёт это самое голосовое сообщение, которое ушло с её телефона в тот ужасный день.

Он подключил зарядку и сел у её кровати, ожидая, когда телефон загрузится. Это время казалось вечностью, которую он провёл в комнате, всё ещё сохранявшей присутствие Ани.

Экран телефона наконец загорелся, и он нашёл то же сообщение – сообщение, которого не должно было быть. Нажал воспроизведение. Снова шум, треск.

Он прижал телефон к уху, почти вдавил его в кожу. Дышал неглубоко, стараясь не пропустить ни звука. Голоса Ани не было.

Треск.

Ещё слышались шаги: сначала далёкие, как эхо в пустом подъезде, потом ближе и ближе. Среди шума и треска кто-то шёл уверенно и неспешно. Потом они оказались совсем рядом и остановились.

Терентьев даже поднял глаза, всматриваясь в темноту комнаты. Он явно ожидал кого-то увидеть – настолько ясно и отчётливо они звучали через динамик мобильного телефона.

Он убрал телефон от уха и вновь посмотрел на экран. Сообщение не прерывалось, попрежнему шли секунды. Тогда он вновь прислонил телефон к уху. Шум исчез, а вместо него прозвучал голос – отчётливо, словно говоривший стоял прямо рядом с ним:

— Некоторые вещи можно вернуть, а другие – нет. Знаешь, у меня тут коечто есть, что поможет тебе. Жди встречи.

Телефон выскользнул из его рук и ударился о пол. Звук показался чужим, ненастоящим.

Терентьев остался сидеть. Спина больно упиралась в кровать, пальцы дрожали, но он этого почти не чувствовал. Тихие слёзы текли по щекам – без всхлипов и рыданий.

Он не пытался убедить себя, что это галлюцинация. Как раз напротив: где-то в подкорке сознания отчётливо засели слова незнакомца – единственного, кто действительно обещал помощь.

— До встречи, — сказал Терентьев.

Глава 4 Тот, кто пришёл

Город дремал в тишине – нервно, как дремлет человек, который так и не смог заснуть ночью, а под утро с нетерпением ждал звонка будильника. Он чувствовал его. Знал, что он придёт, а после него придёт нечто ещё более худшее.

Терентьев сидел в парке на мокрой скамейке и пил вино. Какойто животной частью своего сознания он тоже ощущал, что надвигается что-то неотвратимое – как землетрясение или смерч. Что-то смертельно опасное и безжалостное.

Воздух был влажным и свежим, хотя он всё равно чувствовал запах протухшего мяса из своей кухни. Куда бы он ни пошёл, запах всё равно оставался – будто приклеился к нему, пропитал всю одежду, кожу и волосы. Самое худшее, что в последнее время он как-то с ним свыкся.

Прошло почти десять месяцев. Десять месяцев, в течение которых Аня не просыпалась, и надежды на благополучный исход почти не оставалось. В глубине души он почти смирился с её утратой. Там, внутри, он уже готовился бросить горсть земли на её могилу. Потом опять возвращался в больницу, читал книгу – и всё повторялось, как в заколдованном лабиринте, в котором он ходил по кругу.

Он поморщился, вытащил из пакета нитку сыракосички и, подставив её под нос, глубоко вдохнул. Следом осушил бокал вина – редкостная кислятина, но своего эффекта всё же достигала. Сделал ещё глоток, но уже прямо из горлышка.

В этот момент он услышал чьи-то шаги. Они приближались – быстро и уверенно, стучали по плиточной дорожке прямо по направлению к нему. Он не обернулся, не бросил взгляд в его сторону, но как-то весь сжался, двумя руками сдавил бутылку так, что казалось, она лопнет.

— Тактактак, господин хороший. Чем это вы тут занимаетесь? — прозвучал голос рядом с ним.

Голос оказался чересчур бодрым для такого утра и к тому же каким-то знакомым.

— Иди к чёрту, — хрипло сказал Терентьев, продолжая пялиться на бутылку. — Мне не нужна компания.

— Уверены? Люди пошли такие грубые. Я ведь всего лишь хотел предложить помощь. Терентьев усмехнулся – криво, болезненно.

— Помощь? — Он поднял бутылку. — Вот всё, что мне сейчас нужно. Ещё немного – и я смогу пойти поспать.

Незнакомец фыркнул.

— Поверьте мне, если что и способно помочь, то только не это. Это только всё усугубляет.

— А ты эксперт, я смотрю.

— Именно, Александр. Эксперт. Причём во многих вопросах. Что касается твоего Я както предлагал тебе коечто, способное помочь с твоей проблемой.

Холодок пробежал по спине Терентьева. Бутылка выпала из его рук, со звоном упала, ударилась о пол и покатила под лавочку, расплескивая остатки вина. Он медленно повернулся.

В тени дерева стоял мужчина в синем деловом костюме – высокий, может, под два метра. Лица почти не было видно, но Терентьев прекрасно знал, кто перед ним: существо из мобильника, чьи шаги он слышал в своей квартире, которое отправило ему голосовое сообщение от имени его дочери – существо, сотканное из тканей самого потаённого ужаса и страха.

— Меня зовут Яал.

Терентьев замер.

— Помнишь? — спросил Яал.

Мир качнулся. Перед глазами вспыхнула детская комната, утопающая в темноте, белый прямоугольник телефона и мужской голос, звучащий словно у него над ухом.

— Это — Он сглотнул. — Это был ты.

Он опустил взгляд на свои руки – они дрожали. Он сжал их в кулаки.

— Ты говорил — Он запнулся. — Ты говорил, что можешь помочь.

— Я не говорил, — мягко возразил Яал. — Я сказал, что дам тебе одну вещь, которая может помочь. В этом огромная разница.

— Что за вещь?

Яал поднял указательный палец и покачал им – как взрослый, который воспитывает несмышлёного ребёнка.

— Всему своё время, — сказал он. — Ты должен понимать, что это не подарок и не милость.

Терентьев поднял голову. В его глазах было всё сразу: страх, надежда, ярость.

— Она както может помочь моей дочери? Хоть чтото в этом мире ещё способно ей помочь? — спросил он.

Яал улыбнулся.

— Знаешь что? Я вернусь позже, когда ты будешь готов понастоящему. Когда эта вещь будет готова к тебе, а ты – к ней. Тогда мы и поговорим.

— А если я не буду готов? — спросил Терентьев.

Яал пожал плечами.

— Тогда ты просто продолжишь пить вино по утрам в парке.

Он развернулся и пошёл прочь. Шаги его были тихими, почти неслышными. Через несколько секунд он словно растворился между деревьями.

Терентьев остался один. Он посмотрел на горлышко бутылки, торчавшее изпод лавки, потом – на серое небо, в котором начинал проступать утренний свет.

— Я уже готов, — прошептал он.

Глава 5 Всё пучком, принцесса

Терентьев стоял на кухне, наблюдая, как первые капли дождя заставили горстку детей на детской площадке броситься врассыпную. Сегодня ему исполнилось тридцать семь лет, и хотя для своего возраста он выглядел вполне неплохо, небритое лицо, круги под глазами и поношенная рубашка с парой пятен на животе выдавали в нём старика, измотанного жизнью.

Прохладный ветер ворвался в комнату, обдувая нахмуренное лицо и трепля редующие волосы. Терентьев стоял, погружённый в тяжёлые мысли, которые мучили его последний год – год с тех пор, как его дочь взяла скейтборд и вышла из дома, помахав на прощание рукой. Он хотел ей сказать, чтобы она была осторожней, а ещё – чтобы вернулась к ужину. Однако она не вернулась домой ни к ужину, ни к завтрашнему дню. Встретил он её только в больничной палате, в состоянии комы.

С тех пор спокойствие и радость покинули жизнь Терентьева. Она стала бессмысленной, полной отчаяния и тревог.

Он взял бутылку и наполнил винный бокал. Затем поднял его на уровень глаз, всматриваясь в бордовую глубину напитка, и одним махом опрокинул в себя. По телу разлилось тепло, которого было ещё недостаточно. Выпивая бокал за бокалом, Терентьев надеялся довести себя до такого состояния, когда сможет наконец заснуть.

Наполнив очередной бокал, он чокнулся со стоявшей на столе бутылкой и прислушался к звукам в соседней комнате. Всего лишь показалось. В последнее время ему стало мерещиться, будто кто-то там тихонько шепчется. Постояв секунду, может, минуту в полной тишине, Терентьев выпил второй бокал.

Ни детского смеха, ни пиликанья телефона, который не умолкал в руках дочери. Только стук капель о подоконник.

Она приходила из школы и добрых полчаса не отрывалась от гаджета. Лишь потом, наболтавшись с подругой, появлялась в дверном проёме, улыбалась и спрашивала:

— Как дела в нашем маленьком королевстве?

— Всё пучком, принцесса, — отвечал он. — Сейчас заканчиваю с моим фирменным соусом, так что предлагаю занять свой трон!

— Круть! — отвечала она, усаживаясь с ногами на громоздкий деревянный стул. — А что за соус?

— О, это будет нечто особенное! Я добавил немного секретных ингредиентов, которые придают волшебный вкус.

— М-м-м, — дочь с сомнением взглянула на кастрюлю. — Ты уверен, что это съедобно?

— Конечно, принцесса! — Терентьев улыбнулся.

Дочь попробовала соус и закрыла глаза от удовольствия.

— Всё пучком, принцесса, — повторил Терентьев, стоя в пустой кухне и наполнив очередной бокал. — Всё пучком.

Терентьев взглянул на настенные часы. Они отсчитывали секунды, которые могли стать последними для его дочери. Всего двадцать часов вечера. Часы вроде показывали правильное время. Однако в комнате резко потемнело.

Он подумал о сделке, которую ему предложили на днях. Странный тип повстречался ему на пустынной парковой дорожке и тут же пристал с вопросами о дочери. Говорил, что видел статью в интернете и очень хочет помочь. Точнее, что поможет, если он выполнит свою часть сделки. Так оно должно было работать.

Предложение казалось совершенно идиотским – как заговор на свечах, шаманские обряды или волшебный оберег. Но не теперь. Когда уже не осталось другого выхода. Когда традиционная медицина оказалась бессильна, а времени оставалось всё меньше.

Звали проходимца Яал. Так и должны были звать чудаков, которые рассказывают о призыве тёмных сил и чудодейственных свойствах магических шаров.

Опять тихое шуршание из соседней комнаты. На этот раз Терентьев почти уверен, что слышал это наяву.

— Аня?

Ответа не последовало. Принцессы не было дома. Он это прекрасно знал и тем не менее чувствовал себя идиотом. Она в больнице и вряд ли сможет когданибудь вновь говорить. Их королевство разрушилось до основания, оставив после себя лишь догорающие руины, а он пытается разговаривать с призраками.

Он подошёл ко входу в кухню и нащупал выключатель на стене. Люстра над головой загорелась, но както странно: сначала ярко вспыхнула, а потом начала затухать. Терентьев подумал, что вино в нём творит странные штуки.

Теперь предложение Яала не казалось ему уже таким абсурдным. Заключить сделку, несмотря на последствия. Быть может, этот тип действительно сможет помочь.

Его мысли прервала чёрная кожаная папка, которая прилетела изза спины и звучно шлепнулась о стол, опрокинув бокал вина. Кровавокрасное пятно растекалось по белой скатерти, огибая дно бутылки.

Люстра опять сходила с ума: начала истерически мигать, затем вовсе отключилась. Терентьев оказался в полной темноте. Он слушал, как дождь продолжает барабанить за окном. Других звуков не было.

Он моментально отрезвел. Виски бешено пульсировали, отдавая болью во всём теле. По спине стекала капля пота, а руки заледенели. Гдето в другом мире, за окном, он ещё услышал, как нервно лаяла собака.

Терентьев повернулся. Перед ним – оживший кошмар: Яал стоял у противоположного конца комнаты и рассматривал его. Глаза, лишённые белков и зрачков, светились в темноте.

Испугавшись, Терентьев невольно отступил назад. Его сердце забилося в унисон с тревожными мыслями. Он напрягал глаза в тщетной надежде разглядеть в чертах Яала хоть крупицу человечности. Страх плотно перемешался с надеждой и сомнениями. Какаято часть Терентьева знала, кто перед ним.

Люстра над головой в последний раз мигнула, как умирающий солдат после смертельного ранения. Удалось увидеть лишь крючковатый нос и кривую ухмылку с белыми острыми клыками под ним. А ещё уши – два торчащих маленьких уха на макушке. Они вполне могли оказаться рогами, но Терентьев решил, что это именно уши: чересчур подвижными и слишком короткими они казались.

Он почувствовал, как тьма сгущается вокруг него и Яала. Будто бы не было ни кухни, ни квартиры, а лишь одна сплошная тьма, и он был в ней один на один с Яалом. В этой темноте было невыносимо холодно. Холод забирался под одежду, под кожу, проникал в самую его душу.

— Привет, Александр! Как дела у моего старого друга?

«Он всё знает! — думал Терентьев. — Этот сукин сын всё знает! И не только про мою дочь. Он словно всегда был здесь и ждал. Терпеливо ждал, пока я не откажусь окончательно».

Яал видел его насквозь – просто открытая книга, где прописаны все его мысли с момента рождения и до сегодняшнего дня.

— В порядке, — солгал Терентьев.

Красные круги глаз Яала оглядывали Терентьева с головы до ног, и когда его взгляд вернулся к лицу, тому не удалось пошевелиться. Какаято магия принуждала его повиноваться.

— А выглядишь ты неважно. Может, заболел? — предположил Яал. — У тебя такой вид, будто тебя окунули в чан с дерьмом. Под глазами круги, весь бледный и одет чёрт знает как. Где тот бравый парень из богатенькой адвокатской конторы?

— Ты же не пришёл справиться о моём здоровье? — произнёс Терентьев, надеясь, что его голос не дрогнул.

— Сразу к делу! Вот это мне в тебе нравится, Александр!

— Моя часть сделки. Ты так и не сказал.

Ял исчез и тут же появился рядом с Терентьевым. Он почувствовал на себе его дыхание с запахом гнили. Когтистая рука стянула папку со стола, и она раскрылась перед лицом Терентьева.

Яркие алые руны плясали на полях, словно исполняли зловещий обряд. Терентьев чувствовал, как холод пробирается под кожу, проникая в каждую клеточку его тела.

— Всё просто, — начал Ял, его голос звучал как шёпот тысяч теней. — Ты возьмёшь чемоданчик и воспользуешься тем, что там находится, согласно инструкции. Твоя дочь через неделю встанет с больничной кровати, на которой уже лежит

— Год. Она лежит там год, — продолжил за него Терентьев. Голос дрожал, но он старался держаться.

— Верно, — кивнул Ял, его глаза сверкнули красным огнём.

— Нет, это какаято ерунда, — Терентьев всплеснул руками, но в его жесте больше не было уверенности, только отчаяние.

— Тебе решать, — сообщил Ял и захлопнул папку. Шум от этого действия отозвался эхом в пустоте, окружавшей их.

— Стой! — остановил его Терентьев. Его голос сорвался на крик.

— Наконец, мой мальчик, ты демонстрируешь здравомыслие! Это твой единственный шанс спасти её. Так давай его используем! От этого мы оба выиграем.

— В этомто вся и проблема. Я не знаю, что выиграешь ты, — голос Терентьева был полон горечи и подозрения.

— Важно для тебя то, что принцесса снова сможет бегать и болтать. Она сможет жить, Александр. Цена? — Ял усмехнулся, обнажая ряд острых зубов. — Такая мелочь. Разве ты станешь теперь торговаться? Я думал, ты готов на всё ради дочери.

Ял с наслаждением наблюдал за реакцией Терентьева. Тот злился сильнее прежнего, и теперь под его глазами скопились слёзы, что делало процесс ещё сладостней для гостя.

— Но всё же

— Это часть сделки, — перебил Ял. — Большого сказать не могу, пока не подпишем договор.

— Бред!

— Ты пытался найти лучших врачей для неё? — спросил Ял.

— Ято? — с вызовом сказал Терентьев. — Всё, что у меня было, я отдал этим жуликам! Они лишь пожимали плечами и грели свои руки! Ублюдки!

— И ты не гнушался использовать, скажем, нетрадиционные методы лечения? — Ял ухмыльнулся.

Терентьев обречённо кивнул, как бы сознаваясь в содеянном:

— Ходил в церковь, ставил свечи, обращался к бабушкам

Терентьев осунулся ещё больше прежнего. Теперь его изнурённое лицо походило на морду старого бассетхаунда.

— Тогда чем моё предложение хуже похода к экстрасенсам и зажжённой свечи? — с деланным возмущением произнёс Ял.

Он снова протянул папку Терентьеву. На этот раз тот принял её и взвесил на руке.

— Открыть чемоданчик, говоришь, — произнёс Терентьев.

— И воспользоваться тем, что внутри, — дополнил Ял.

— Если там, например, бомба? — засомневался Терентьев.

— Значит, это станет достойной платой за спасение твоей дочери.

— Впрочем, плевать, — бросил Терентьев, пытаясь разобрать замысловатые знаки.

Все его мысли были обращены к дочери – к дочери, которая ходила в школу, рассказывала о приключениях с подругами, подгибала ноги, усаживаясь в кресло, и делила с ним завтрак и ужин.

Ял внимательно следил, как Терентьев поставил под договором подпись, больше похожую на вензель из заглавных «А» и «Т», как украсил её множеством закорючек и чёрточек. Отложив ручку, Терентьев передал ему папку, бросился к чемодану: щёлкнул металлическими замками, откинул крышку

«Ты знаешь, что делать», — зазвучал в его голове голос Яала.

Терентьев оглянулся. В комнате он был один.

Вновь стало светло, даже дождь за окном перестал. Приятная прохлада летнего воздуха вернулась, хотя гнилой запах гостя всё ещё витал в воздухе.

Глава 6 Башня

Терентьев невероятно долго наблюдал за башней через лобовое стекло старенького «Форда». Ему казалось, что ещё немного – и глаза вообще перестанут различать лица среди серой массы работников, одетых в деловые костюмы, блузки и чёрные юбки.

Башня, похожая на громадный разъярённый маяк, возвышалась над остальной частью города. Её зеркальные стены отражали яркие лучи палящего солнца. Казалось, что она наслаждается своим могуществом, немилосердно закрывая тенью прилегающие здания. Узкие окна в семьдесят этажей равнодушно смотрели сверху вниз, как тысячи неприветливых глаз, на тех, кто выходил и входил в её двери.

На улице было невыносимо жарко. Древний кондиционер в машине работал на пределе своей мощности, но этого едва хватало, чтобы охладить салон. В последней попытке спастись от перегрева Терентьев подставил лицо под дефлектор, но через пару секунд сдался и вышел на улицу.

Здесь было не легче. Асфальт казался таким, будто готов был расплавиться под ногами, а машины на парковке выглядели как подтаявшие металлические леденцы.

«Чёрт возьми, это какаято пытка! Яал хочет просто спалить меня здесь? И как я должен найти их в этой толпе?»

Смутные образы, подсказанные телефоном, теперь мелькали перед глазами: парочка – мужчина и женщина. Он – светловолосый, с родинкой на щеке, она – знойная блондинка с цыганскими серьгами.

Терентьев направился к массивному крыльцу, всматриваясь в прохожих. Время тянулось, по спине липкими тёплыми ручейками бежал пот, а лица вокруг пролетали одно за другим, не оставляя никакой надежды. Это словно искать оригинал среди сотен одинаковых копий.

К его радости, наступало время обеда, и башня начала извергать из себя толпы людей в одинаковых костюмах. Он делал вид, что пялится в мобильник, весь погружённый в чтение

интересных сообщений, однако глазами непрерывно сканировал проходящие мимо группы. Пиджаки, галстуки, юбки и блузки сливались в единую аморфную массу, как бесконечный рой жужжащих насекомых, кружащихся вокруг гигантской сияющей лампыбашни.

До него долетали голоса женщин, обсуждающих начальство, бывших и нынешних парней или странного мужика из кафетерия. Каждая носила серьги: капельки, звёздочки, гвоздики, маленькие колечки – десятки различных украшений блестели в ушах. Он мог бы составить целый каталог этих украшений, но в нём бы всё равно отсутствовали большие круглые кольца. Внутри нарастало невыносимое отчаяние. Неужели он так и провалит первое же задание?

Его дочь, Яал, всё это проклятье

Вдруг кто-то сильно толкнул его в плечо, словно пытаясь вырвать из глубинного кошмара и вернуть в суровую реальность. Толчок был неожиданный и настолько резкий, что мобильник вылетел из руки. Телефон, совершив нелепый пируэт в воздухе, с глухим стуком приземлился на асфальт.

При виде этого Терентьев почувствовал, что его словно ошпарило кипятком. Вот так просто он мог лишиться единственной вещи, которая направляла в выполнении задания, которая могла помочь вернуть дочь. Терентьев наклонился, чтобы схватить свой телефон, но его опередила рука молодого парня.

— О, простите, пожалуйста! — произнёс тот с искренним волнением в голосе. Он аккуратно поднял телефон и осмотрел его, как если бы держал в руках хрустальный комочек счастья. — вроде в порядке. Простите, я совсем не хотел.

Терентьев посмотрел на парня. Лицо молодое, почти юное. Если бы не строгий костюм, который придавал ему серьёзности, то он вполне мог бы сойти за студента первых курсов. Хотя пиджак парню совершенно не шёл, и он это, кажется, понимал, поскольку постоянно пытался его поправить: дёргал свободной рукой за полы и ощупывал воротничок, словно тот куда-то делся.

— Ещё бы ты хотел! — буркнул Терентьев хриплым голосом, не столько злым, сколько усталым. Он вырвал телефон из рук парня и сразу же принялся осматривать.

Телефон был полностью чёрный и тонкий, словно гладкий камень, вырезанный из бесконечно тёмной скалы, со смайликом улыбающегося чёртика на обратной стороне, который здесь был совершенно ни к месту. Никаких царапин – словно бы он вовсе не падал.

— Простите нас. Надеюсь, с мобильником всё в порядке? — послышался женский голос.

— Если бы было не в — Терентьев поднял голову и замолк.

На краткий миг время завязалось в тугий узел. Он увидел большие золотые кольца в ушах девушки. Она излучала всё то очарование, которое присуще снежной королеве. Хотя в её случае точнее было бы сказать: снежной принцессе. Белые волосы слегка вьются и ниспадают до плеч. Большие голубые глаза в упор смотрят на Терентьева. Этот взгляд способен заморозить насмерть или, напротив, растопить любое сердце.

— Интересная модель, — парень кивнул на телефон в руках Терентьева.

Теперь он внимательно смотрел на парня и его родинку. Как он сразу её не заметил? Тёмное пятно на щеке выглядело как выжженное озеро неправильной формы.

В этот момент экран телефона ожил, а проступивший сквозь тьму зеленоватый свет притянул взгляд Терентьева. Белые буквы на чёрном фоне словно прошептали из другой реальности: «Молодчина, это они. Ты знаешь, что делать».

Сердце Терентьева на мгновение замерло. Он одновременно ликовал и понимал, что вступает на тернистый путь, с которого уже не сможет свернуть. Где-то в подсознании заёрзал древний страх, который он испытывал при появлении Яала.

Терентьев быстро пробежал глазами текст и выключил экран, пряча телефон в карман, будто это был опасный артефакт. Он бегло взглянул на парочку: кажется, они ничего не заметили.

— Китайский. Экспериментальная модель, — ответил Терентьев, стараясь как можно сильнее смягчить тон.

— Ого, флагман! Наверное, дорогой! — с неприкрытым восхищением парень взгляды в телефон Терентьева.

— Дорогой, — кивнул Терентьев, и в его голосе чувствовалась вся усталость от бесконечной жары и поиска. — Вам повезло, что с ним всё в порядке. И мне повезло.

Девушка облегчённо вздохнула. Парень протянул ему руку в знак примирения.

— Ещё раз извини, мужик, — произнёс он, и в его голосе звучала искренняя неловкость.

Терентьев крепко пожал руку и начал быстро соображать, как теперь он может выполнить задание Яала.

— Я думаю, что мне даже очень повезло, — промолвил Терентьев, кивнув на башню. — Первый день здесь работаю. Не подскажете, где тут можно нормально пообедать?

Парочка посмотрела друг на друга, затем на Терентьева. Девушка чуть приподняла брови, будто припоминая, как сама оказалась в такой ситуации.

— Да, конечно, — ответила она, решив подхватить инициативу. — Тут рядом несколько кафе, можем порекомендовать.

Парень быстро кивнул, поддерживая её.

— Мы как раз тоже идём обедать, можете присоединиться, если хотите, — добавил он, пытаясь выглядеть гостеприимно. — Местные забегаловки иногда могут неприятно удивить.

Терентьев заметил, как девушка нервно двигала пальцами, но всё же пыталась выглядеть дружелюбно. Они не подозревали о его намерениях, но настороженность в их взглядах уже начала таять.

— Буду благодарен за компанию. Не хочется рисковать с выбором, — натянуто улыбнулся Терентьев.

Все трое слились с толпой работников башни, пересекая парковку и оживлённую улицу. Прошли мимо нескольких дешёвых кафе, при виде которых у Терентьева не возникало аппетита. Парочка вела его уверенно, перекидываясь краткими репликами.

— А вы, наверное, из Антикала? — вдруг спросил парень, пытаясь разрядить обстановку.

— Из чего? — удивился Терентьев, его голос прозвучал грубее, чем он ожидал.

Девушка тут же пихнула парня локтем в бок.

— Простите, из Антиколлекторского агентства? — поправил себя парень, смущённо улыбаясь.

— Ага, оттуда, — спокойно ответил Терентьев. — И где лучше перекусить? У Лорика?

Девушка скривилась.

— Несвежие продукты, отвратный вкус и обслуживание – кошмар, — ответила она.

Парень кивнул, поддерживая её слова.

— Как насчёт азиатской кухни? — Терентьев указал на вывеску с улыбающимся китайцем, наматывающим лапшу на палочки.

— Полная антисанитария, — взмахнула руками девушка. — Тараканы прямо по залу гуляют!

— Хорошо, что вы с нами пошли, — парень подмигнул Терентьеву, пытаясь сохранить дружелюбный настрой.

— Не люблю тараканов, — пошутил Терентьев, улыбаясь. — А что тогда посоветуете?

— Мы обычно обедаем в «Ампире». Дёшево и сытно, — ответила девушка, всё ещё нервно наблюдая за реакцией своего спутника.

— Главное, полезно, — добавил парень.

«Это сон. Просто дурной сон», — подумал Терентьев.

Ещё немного – и он проснётся в своей квартире и будет готовить завтрак для своей дочери. За едой он расскажет ей, как она попала в кому, как он заключил договор с демоном,

получил мобильник, который выдал ему задание, а потом пытался поспорить молодую пару. Всё настолько бредово. Вместе с дочерью они посмеются над этой историей. Она поиронизирует о том, что он и дворцовую собаку не сможет обидеть, если захочет.

«Теперь ты бы не стал злиться изза разбросанных вещей и дурацкой корейской музыки, — шептал внутренний голос. — Теперь ты запел бы подругому».

Он ненавидел этот голос, но не мог его заглушить. «Помнишь, как ты кричал на неё? Такое дорогое кресло, а она – растяпа» Зловещий смех раздавался в его голове, усиливая его беспомощность и вину.

Завтра ему нужно отвезти препараты в больницу, оплатить сиделку и читать рядом с кроватью Ани её любимые истории о драконах. Это последнее, что он может сделать для неё. Его вина разъедала его изнутри. Он был недостаточно внимателен, недостаточно заботлив, недостаточно любил Недостаточно. «Теперь хотя бы читаешь ей книжки», — внутренний голос подводил черту каждому обвинению.

— Всё пучком, — успокаивал себя Терентьев, не осознавая, что произносит это вслух.

— Я должен справиться.

— Простите? — недоумённо спросил парень.

— Говорю, что «Ампир» выглядит вполне сносно, — повторил Терентьев.

Девушка кивнула.

Глава 7 Амфир

«Амфир» пытался казаться обычной столовой, коих полно в городе. При входе Терентьев сразу заметил, что делал он это из ряда вон плохо – подобно аллигатору, который упорно прикидывался камнем, широко разинув зубастую пасть. Фальшивость читалась во всём.

Окна плотно заклеены цветной плёнкой, прикрыты бордовыми тряпками, сбившимися в складки. При дневном свете с улицы они выглядели весёлыми гирляндами. Но изнутри, под тусклыми лампами, это смотрелось совсем по-другому. Казалось, что здание жмурится и хочет спрятаться от солнца.

Со столов свисали полоски красных простыней, которые заменяли здесь скатерти – грубые и тяжёлые, с пятнами, которые тщетно пытались отстирать. Когда посетители случайно или намеренно касались полотнищ руками, Терентьев непроизвольно ёжился.

Однако самое главное, что выдавало аллигатора, – это запах. Да, здесь действительно пахло свежей выпечкой, жареным луком и чемто прогорклым, но был ещё один запах – тот, что въелся в пыльные занавески, скатерти и глубоко проник в деревянную обивку «Амфира». Пахло пролитым вином, сигаретами, пьяными разговорами и дешёвой закуской. Этот запах невозможно перепутать ни с чем.

Глядя на своих спутников, беззаботно рассматривающих меню, Терентьев подумал, что только он сразу и ощутил изнанку этого заведения. У тех, других, просто не хватало опыта. Просто они не знали – а может, знали, только не подавали вида, поскольку слишком заняты друг другом.

Они сидели на барных стульях, оперевшись локтями на исцарапанную стойку. Не замечали они и шипения старого телевизора, который ореолом висел над их головами. На экране крутилась запись зимнего курорта: каждый раз где-то в другой вселенной девушка и парень выходили из бревенчатого домика, засыпанного снегом. Они держали в руках кружки, из которых поднимались клубы густого пара.

В это же время парень, который выбил телефон у него из рук, поцеловал в уголок губ свою невесту. Та ответила искрящейся улыбкой и поцеловала в ответ. Их губы на мгновение слились, и Терентьеву стало некомфортно изза их беззаботного счастья и его собственных страхов.

— Здесь много людей, — прошептала девушка, её глаза блестели от игривого волнения.

— Да ладно тебе, — ответил парень, пытаясь приблизиться вновь, но девушка отодвинулась от него.

Парень закатил глаза, явно разочарованный, и отстранился, достав несколько ярких глянцевого буклетов из пиджака. Они начали их разглядывать.

«Свадебные агентства, фотографы и прочая мелочёвка», — подумал Терентьев.

Он почувствовал укол совести – такой же, который он всегда ощущал, когда ему удавалось выиграть дело в пользу отпетого негодяя. Всё это казалось неправильным. Их счастье здесь, в этом заведении, являлось чужеродным, подобно яркому свету в глубокой пещере, полной летучих мышей. Чтото давно дремало в темноте – но не в стенах «Амфира», а внутри его телефона, – и теперь оно почувствовало это и начало шевелиться. Мобильник не вибрировал – он бился у него в кармане, требовал, чтобы освободили то, что таилось внутри.

В левой части экрана телевизора над головами влюблённых изображение поплыло, а потом и вовсе задвоилось. Рябь прошла по всему экрану, а после на нём вновь оказалась парочка с зимнего курорта. Холодок прошёлся по телу Терентьева. Чтото в них поменялось: те же счастливые лица, рекламные улыбки, но парень вместо кружки теперь держал в руке нож. Выражение лица девушки сменилось на ужас. Телевизор зашёлся рябью. Мелькнула немая сцена, где парень вскидывает нож. Потом всё потемнело, и с экрана потекла кровь – капала прямо на пол и собиралась в лужу, огибала ножки стульев.

Терентьев дёрнулся так, что едва не сбил локтем поднос с ленты прямо перед кассой.
— Эй, с вами всё в порядке? — грубый женский голос вывел его из транса.

На экране крутилась всё та же немая сцена со счастливыми посетителями курорта. На полу не осталось и намёка на ту жуткую лужу. Мобильник в его кармане молчал.

Он промокнул салфеткой пот со лба и уставился на кассиршу, которая терпеливо ждала его ответа. На ней красовался нелепый белый чепчик – как у волка, пытающегося обдурить козлят, — а под чепчиком была довольно бойкая бабища с хищным прищуром, в очках на цепочке, покоящихся на внушительном бюсте, окаймлённом рюшечками.

— Мужчина, вы белый как мел и выглядите, мягко говоря, не очень, — она покачала головой.

— Простите, со мной всё хорошо, — заверил её Терентьев, изо всех сил стараясь держаться вежливо.

— С вас триста пятьдесят, — кассирша пробила сумму и протянула чек.

— Простите, — повторил Терентьев, взяв поднос со скромной трапезой. Он поспешил вернуться к своим новым знакомым.

Проинспектировав содержимое подноса, девушка одобрительно кивнула.

— В следующий раз попробуйте картошку подомашнему, — парень указал на пакет с аппетитной картошкой.

— Обязательно, — ответил Терентьев.

— Нет, правда, попробуйте! — настаивал парень, предлагая конверт.

Терентьев взял картошку, чувствуя себя странно.

— Вкусно, — отметил он едва слышно.

— Сплошной холестерин, — фыркнула девушка. — Кстати, мы ведь так и не познакомились!

— Верно, — кивнул парень, старательно вытирая руки салфеткой.

— Меня зовут Александр, — сказал Терентьев, воспользовавшись настоящим именем.

— Женя, — парень протянул руку.

— Очень приятно, — Терентьев пожал её.

— Я Оля, — девушка приложила ладонь к груди.

— Приятно познакомиться, — сказал Терентьев, улыбаясь.

Их дружелюбие оказалось заразительным, и он ничего не мог с собой поделать: парочка начинала ему нравиться.

— Я забронировала этот ресторанчик, — Оля ткнула пальцем в буклет с изображением золотистого обеденного зала.

Женя заметно занервничал.

— Оля, ну ты же знаешь — начал парень.

— Я заплачу за него сама, — решительно отрезала Оля.

— Сколько он нам обойдётся?

— Они предложили большую скидку, — уклонялась она от ответа. — Считай это моим вкладом в начало нашей совместной жизни.

— Господи, Оля! Это уже слишком! — не выдержал Женя.

— Я же говорю, что цена вышла вполне сносной. Ты сам сможешь расплатиться за ресторан, — лукавила она.

Терентьев с набитым ртом наблюдал за ними, приканчивая картошку из чужого пакета. Впервые эта парочка вызвала у него настоящий интерес: на глазах они превращались из картонных офисных клерков в живых людей.

— Удобства там на улице, и, возможно, кто-то из гостей — девушка театрально приложила указательный палец к подбородку, — например, дядя Гена не добежит вечером до туа-

лета, — девушка хихикнула. Было видно, что эта мысль пришлась ей по нраву. — Ну же, — она толкнула его локтем.

— Хорошо, — сдался Женя. — Но в следующий раз ты посоветуешься со мной.

— Конечно, — кивнула Оля, поцеловав его в щёку.

Терентьев подумал, что шансов у парня не было.

— Извините за неловкость, — сказал Женя, вспомнив о присутствии Терентьева.

— Действительно, неудобно получилось, — добавила Оля.

— Ерунда, — махнул рукой Терентьев. — Дело житейское.

— Оля хочет, чтобы всё было по первому разряду, а я считаю, что это всё не так важно, — объяснял Женя.

— Главное, чтобы вы были счастливы, — неожиданно для себя сказал Терентьев и чуть не поперхнулся очередным ломтиком картошки. Прямо перед его глазами опять всплыла безумная сцена с экрана телевизора.

— У нас всё будет суперклассно! — заявила Оля, снова обнимая Женю.

Мобильник в кармане Терентьева вибрировал вновь.

— Я встретил лучшую девчонку на свете, — добавил Женя, глядя на неё с обожанием.

— Это потому, что со мной лучший парень, — смутилась она.

— Нет, правда! Оля ведь получила грант на исследование! Она гений! — гордился он.

Терентьев прикрыл ладонью карман, пытаясь уgomонить взбесившийся телефон. Однако то, что таилось в нём, требовало действий – немедленно.

— Очень здорово, — сказал он, чувствуя нарастающее беспокойство. Он знал, что должен начинать действовать: этого ждал от него телефон, это было нужно, чтобы спасти Аню.

— Извините, мне нужно отлучиться, — сказал он и поспешил уйти.

Он отошёл достаточно далеко от своих новых знакомых, убедился, что они остаются на месте, – выглянув изза угла, – а потом полез в карман за мобильником. Что бы внутри него ни активировалось, об этом не следует сейчас знать этим двоим.

Экран вспыхнул. Не загорелся, а именно вспыхнул – резанул глаза ядовитокрасным, так, будто настройки яркости выкрутили на максимум. Этот цвет не имел ничего общего с обычной подсветкой. В нём что-то двигалось, пульсировало жило.

В этом свете проступили три квадрата, как свежие, только что выжженные клейма на коже.

Внутри первого – мужчина и женщина, над которыми расходились волны, похожие на значок WiFi.

Внутри второго – лицо женщины с прижатым к губам пальцем: жест тишины, требовательной и угрожающей. Внутри третьего – иконка пистолета. Простая и одноцветная, без лишних деталей.

Терентьев пару секунд смотрел на все три квадрата. Он ни секунды не сомневался, что ему нужно сделать выбор – здесь и сейчас, решить, как следует расправиться с влюблёнными с помощью одного из этих значков.

При этом телефон никак не объяснял, какие последствия наступят при выборе каждого из вариантов. Он сразу отбросил пистолет как самый опасный и принялся гадать над WiFi и прижатым к губам пальцем.

Мобильник вибрировал, поторапливая. Ему нужна была кровь – здесь и сейчас. Как маленький капризный ребёнок, он не хотел ждать ни минуты.

Терентьев выругался вслух – грубо, не подбирая слов.

Проходившая мимо женщина в строгом красном костюме, который являл собой олицетворение самого главного и беспощадного босса, оторвалась от своего мобильного, чтобы скорчить возмущённую мину. Он пренебрежительно отмахнулся.

Три девчонки лет двенадцати за соседним столиком подняли головы от планшета, посмотрели друг на друга и приснули со смеху.

— Фига ты, дядя, жжёшь! — крикнула одна.

Две другие переглянулись и упали на стол, едва не расплескав свои напитки.

— Эй, полегче, — раздался грубый мужской голос.

Краем глаза Терентьев заметил, как к нему кто-то приближается. Крепкий детина в футболке, под которой бугрились мышцы, пригладил короткий ёжик на голове, готовясь размазать в лепёшку матерщинника.

— Слышь, мужик, тут дети вообще, — сказал он спокойно.

Телефон отреагировал мгновенно – почувствовал его рядом. Квадрат с пистолетом вспыхнул ярче остальных, так ярко, что от него пошли красные блики по экрану. Терентьев не отрывал взгляда от экрана.

— Чтото мне подсказывает, что это не лучший вариант, — пробормотал он.

— Ты чё вообще не вдупляешь? Говорю, потише будь!

Терентьев не реагировал на него – он попрежнему выбирал, надеялся обойтись меньшим злом. Но что, если он сделает неправильный выбор? Есть ли правильный?

Квадрат с мужчиной и женщиной светился слабее, будто ждал. Не звал, как делал соседний, с пистолетом, – напротив, пытался спрятаться.

Холодный пот выступил на лбу. Мысли путались, словно кто-то осторожно, но настойчиво перемешивал их, заставляя сомневаться в каждом движении. Детина в футболке толкнул его в плечо. Палец дрогнул и резко коснулся экрана.

Холод ударил мгновенно, а за ним – облегчение. Резкое и долгожданное, словно головная боль, которая мучила уже добрых несколько часов, наконец прошла.

Экран погас и тут же вспыхнул снова. Осталась одна иконка.

— Эй! — детина в футболке схватил его за рукав.

Пальцы его коснулись мобильного. Терентьев отдернул руку так резко, словно его ударило током. Лицо детины исказилось, а глаза расширились.

— Что за — он осёкся.

Страх на его лице был настоящим – тот словно увидел нечто жуткое, а потом отступил на шаг, не сводя глаз с телефона.

— Убери это, — голос детины прозвучал в голове у Терентьева. — Убери. Быстрее. Ладно? Я просто свалю, только убери это от меня.

Через пару секунд детина вроде бы опомнился, но его взгляд попрежнему блуждал в пространстве.

Терентьев сделал шаг с телефоном в руке.

Девочки за столом больше не смеялись. Они смотрели в пол, прятали глаза, словно боялись, что они выгорят от одного взгляда на мобильник. Одна прижала руки к коленям, другая сжала планшет так, что побелели пальцы.

«Нужно рассказать маме Они узнают, что я сделала Это моя вина» — в голове теперь звучали и их голоса, испуганные и тихие.

Женщина в строгом костюме уже направлялась к выходу, как вдруг сделала шаг назад и пошатнулась, опёршись о стол. Её мысли влетали в голову Терентьева резкими фразами, которые больше походили на мантру:

«Я всё сделаю правильно Пожалуйста, только прекратите это Это всё ложь!»

Она замерла на месте, а её губы дрожали, будто бы она силилась ещё что-то сказать, но никак не могла подобрать слов. Красная полоска скатерти змеей сползала на пол, а за ней полетели солонка и перечница. Они грохнулись прямо у ног женщины, но та ничего не замечала.

«Я никогда так не делала! Прекрати!» — кричал в голове её голос.

Терентьев одёрнул телефон в сторону – и взгляд её тут же прояснился. Она с удивлением посмотрела себе под ноги и быстрым шагом направилась к выходу.

«Это всё он! Чёртов мобильник! Он стал чемто вроде радио и транслировал свой губительный сигнал вокруг себя. Главным образом – на тех, на кого направлена его верхняя часть», — подумал Терентьев.

Он прикрыл мобильник руками, надеясь хоть немного заглушить его, и направился к своему столику. Люди вокруг него расступались, вжимались в стулья и кривились, словно от боли.

Существо, что жило в красном свете мобильного, обрело невероятную силу и теперь рвалось наружу. Какимто образом оно проникало в головы людей, копошилось в них и выхватывало наружу их мысли, выворачивало их слабости, усиливая в сотни раз и искажая.

Он чувствовал, что оно хочет – всем своим телом чувствовал его неукротимое желание добраться до влюблённых, с которыми он только познакомился. Пожрать их мысли или проглотить целиком. И он подчинился. Знал, что не может поступить иначе, поскольку его связывали обязательства перед Ялом, но главное – перед дочерью.

Когда он подошёл к Оле и Жене, напряжение стало почти физическим. Воздух вокруг них сгустился, словно перед грозой. Волна, исходившая от телефона, усилилась, и он потяжелел в несколько раз.

Они подняли головы одновременно.

— Вы — Оля запнулась. — Чтото случилось, — констатировала она, а потом, после короткой паузы, продолжила: — Чтото точно случилось.

Женя нахмурился.

— Что значит «точно»? — спросил он. — Ты чего?

— Ничего, — слишком быстро ответила она, тряхнув головой, словно пытаясь сбросить с себя чтото. — Просто

«Он опять злится, — мелькнула её мысль в голове Терентьева. — Изза ерунды. Всегда изза ерунды. Думает только о себе и злится на меня!»

— Просто что? — Женя уже повышал голос, сам того не замечая. — Ты опять начинаешь?

— Перестань! Пожалуйста, перестань! — она тоже подняла голос. — Я вообще не с тобой говорю!

— А со мной тут кто сидит?! — он ударил ладонью по столу. Подпрыгнули чашки с чаем. — Или ты уже мысленно гдето в своём офисе со своими всезнающими ботаниками?

Оля побледнела.

— При чём здесь это?

«При том, что ты в конце концов свалишь с одним из них, — подумал он. — А я останусь. Один. Потому что я тебе не ровня, так ведь?»

— При том, что тебе всё время мало! — слова посыпались, как камни. — Мало ресторана, мало денег, мало меня!

— Женя, ты что несёшь?!

— Правду! — он почти кричал. — Ты думаешь, я не вижу? Эти буклеты, вся эта мишура «Твой вклад»! Ты всё решила!

— Я хотела как лучше!

— Для кого?! — он наклонился к ней. — Для себя! Чтобы потом сказать: «Извини, ты меня не достоин»!

Оля вскочила. Стул со скрипом отъехал назад.

— Сейчас же прекрати! — её голос сорвался. — Я всегда хотела, как будет лучше нам обоим!

«Ты боишься. Ты трус. Ты трус и никчёмный бездельник», — прозвучало в голове Терентьева. Он боится меня потерять.

— Ты всегда смотришь на меня сверху вниз! — выкрикнул Женя. — Как будто я ничтожество!

— Это неправда!

— Тогда почему я чувствую себя так, будто всё зависит только от тебя одной! Достало! «Давай не пойдём в этот бар, я устала. Лучше тудасюда Давай я за это заплачу. Меня подвезёт Игорь». Да пошла бы ты!

Он взмахнул рукой и хлестнул её по щеке. Несильный удар, от которого Ольга пошатнулась. Она попыталась найти опору позади себя, не осознавая, что стул отъехал, — и в результате упала задом прямо на пол.

Удар как будто бы заставил её опомниться, освободиться из цепких лап телефона — и взгляд её прояснился. Она посмотрела по сторонам.

— Это не я — прошептала она. — Это не могла быть я Это и не ты тоже.

Она посмотрела на Терентьева, который держал в руках мобильник, излучавший ядовитый красный цвет. В глазах её он отчётливо увидел тот же страх, что ранее видел у здоровяка в майке. Словно она почувствовала то существо, что таилось внутри телефона. Алое скользкое щупальце из бездны прикоснулось к руке.

— Это ты, — сказала она обвиняюще. — Телефон. Чтото внутри него.

Женя уже бежал к выходу — не оглядываясь. Она попыталась подняться, ухватилась за стол, подобно раненому солдату в окопе, подтянулась, но было уже поздно — и она разрыдалась.

Телефон Терентьева завибрировал. На экране появилась золотая звезда, которая закружилась, а затем — надпись: «Превосходно».

Такого поворота он никак не ожидал. Он мог предположить всё что угодно и как угодно. Любая игра от Яала была бы приемлема — будь то мошенничество со счетами, подлог компромата или даже простой обличающий акт, — но это?

Страшные демоны существуют — и существуют не только в кошмарах и фильмах. Они появляются тогда, когда мы о них забываем. Забываем совсем. Потом, проснувшись среди ночи, сквозь сон в темноте услышишь ехидный смех в пустой квартире.

«Страшные демоны способны перевернуть всё вверх дном, и у них для этого есть всё необходимое, а ещё — такой болван, как Терентьев», — подумал он.

Глава 8 Три комнаты

Квартира состояла из трёх комнат, но теперь Терентьев жил лишь в одной – той, где стояло старое, облезлое кресло и древний телевизор, который время от времени сам по себе менял каналы, словно пытался поговорить с ним. Здесь он спал, ел и предавался болезненным воспоминаниям и самобичеванию. Остальные две комнаты словно вымерли после того, как Аня попала в больницу: мрак и пыль захватили их, как безразличные стражи забвения.

На исцарапанном и залитом неведомо чем журнальном столике стояли фотографии Ани, её скетчбуки с нелепыми набросками – как призрачные следы бесплодных попыток напомнить себе о нормальной жизни. Рядом возвышался целый взвод винных бутылок, превращавший комнату в странную военную базу. Когда Терентьев неосторожно сбил ногой одну из бутылок, остальные зазвенели, подавая сигнал тревоги. Он нашёл на полу бутылку с минералкой и опрокинул её в себя, ощущая, как холодная жидкость пронизывает его внутренности, возвращая на мгновение ощущение живости.

Пройдясь до тумбы, он сунул руку в груды мятой одежды. На мгновение его окутала жуткая паника – как будто за шею схватила ледяная рука. Но вскоре пальцы нащупали твёрдый четырёхугольник мобильного, и он почувствовал, как натянутые струны нервов ослабли. Какоето странное, завораживающее сияние исходило от телефона в полумраке комнаты, словно тот был источником мистической силы.

Весь вечер Терентьев провёл с бутылкой вина, размышляя о таинственных силах телефона и о том, какие безграничные возможности предлагает эта магическая вещица. В его мыслях гаджет становился ключом ко всем замкам, воротами к любому измерению. Но ему нужен был только один замок, одна дверь: Терентьев мечтал о дне, когда экран оживёт и он сможет нажать на кнопку, чтобы вернуть Анечку к нормальной жизни.

Конечно, за всё приходится платить. Его сердце знало это, но разум сопротивлялся. Он был готов продать душу дьяволу или какой-либо другой твари, лишь бы прекратить ад, поглотивший его жизнь после случая с дочерью. «Пусть распадётся ещё сотня влюблённых пар – мне плевать», — думал он. В конце концов Яал был прав: всё повторится и всё окончится. Мелкие происшествия не шли в сравнение с жизнью Ани.

Разглядывая телефон так, словно увидел его впервые, Терентьев медленно прошаркал обратно к креслу, сбив по пути ещё парочку стеклянных солдат, которые с грохотом повалились на пол – как разбитые надежды. Одна из бутылок оказалась почти полной: алое вино начало вытекать из неё, словно кровь из открытой раны. Терентьев поднял её и задумчиво посмотрел на тёмную жидкость за стеклом – в одной руке, и на светящийся гаджет – в другой.

Нет, сегодня бутылка вина не могла снять его беспокойство. Всё вино мира не могло бы. Сегодня у него был повод изменить свою однообразную, тусклую жизнь и сделать что-то ради дочери. У него была надежда – как искра в темноте, готовая разжечь огонь преобразования.

Глава 9 Последний пассажир

Он вышел из дома ближе к полудню, когда серые тучи заслонили небо, а улицы подметал нетерпеливый, порывистый ветер. В обычный день Терентьев остался бы дома, наблюдая за миром через окно в ленивом оцепенении или утопая в компании бутылки вина и убаюкивающих звуков телевизора.

Однако сегодня был совершенно другой день — день, когда он наконец мог сделать что-то действительно стоящее, чтобы спасти свою дочь. Может, он и не восстановит королевство, но сможет поставить несколько крепких опор, которые дадут надежду.

Он вышел на узкую тропинку, змеящуюся через полузаброшенный парк, надеясь избежать любопытных взглядов прохожих. Мрачная, одинокая тропа — заброшенная и тихая. Деревья вдоль неё кренились под разными углами, их тени, словно живые, создавали причудливые и уродливые очертания на асфальте.

В месте, где дорога тянулась веером вокруг большого каменного фонтана, он услышал слабый, беспомощный писк девочки. Повернув голову, он увидел стайку подростков, окруживших её. Один, вероятно главный заводила, бросил что-то в её сторону и громко выругался, заставив своих приятелей разразиться грубым смехом. Девочка выкрикнула что-то неразборчивое — её тонкий голос утонул в гвалте насмешек. В отчаянии она бросила палку в заводилу, что вызвало новый взрыв смеха.

Терентьев прошёл бы мимо, но его взгляд зацепился за рыжую макушку девочки, сгорбившейся в центре круга, образованного хулиганами. Два больших белых банта на её беспокойных косичках, складочки на когда-то белоснежной блузке — теперь испачканной и помятой. Это мгновенно вернуло Терентьева к мыслям о своей дочери.

Терентьев почувствовал, как давние воспоминания начали притягивать его, как невидимые цепи. Образы его дочери — также с рыжими косичками и белыми бантами — заполнили сознание. Он вспомнил её смех, её оживлённый бег по дому, её беззаботные глаза, полные надежд и мечтаний. Воспоминания были болезненно ясны, как будто время само по себе решило подыграть ситуации, максимально обострив его чувства.

«Всё пучком, пап?»

Терентьев остановился. Его сердце заколотилось быстрее, как будто внутри него началась яростная борьба. Он не мог позволить себе остаться безучастным — сегодня не мог.

Он сделал шаг вперёд, затем ещё один: нервы напряглись, а руки стиснулись в кулаки. В этот момент реальность казалась тонкой перегородкой между прошлым и настоящим, где каждое его действие несло последствия для обоих миров. Глядя прямо перед собой, он смотрел на девочку, и образы его дочери становились всё ярче, продолжая напоминать ему о том, что действительно важно.

— Отдай нам уродца! — скомандовал заводила в нелепых широких джинсах с большими карманами на весь зад.

— Быстро свалила, сучка малолетняя, иначе тебя тоже подвесим! — крикнул другой парнишка.

— Иначе мы тебя

— Так, живо заканчивайте! Слышите там? Заканчивайте, чтобы вы там ни делали! — резко выкрикнул Терентьев.

Компания парней обернулась к Терентьеву с таким видом, будто их благородное занятие бессовестно прервали самым небрежным образом. От неожиданности они даже немного расступились, и Терентьев смог лучше разглядеть девочку. Лет восьми на вид — совсем кроха. Она повернулась к нему испачканным лицом, на котором уже красовалась парочка небольших

ссадин и две кривые дорожки от слёз. Тонкими ручонками она что-то прикрывала на коленях, бережно охраняя от нападавших.

— Это ещё что за старый хер? — спросил щуплый парнишка в красной футболке с Соником.

Другие парни потупились, а заводила в джинсах даже сделал шаг назад, но потом осмотрел Терентьева и заулыбался. В руках он держал маленький перочинный ножик, который поспешил спрятать за спину.

— Мы здесь просто играем, старикан. Не парься и иди куда шёл, — заговорил он.

— В дом престарелых, — подхватил третий, с искусственными бараньими кудряшками на голове.

Вся компания прыснула со смеху.

— Ну вот что, парни, сейчас вы все разбежитесь к своим мамочкам и оставите девчонку в покое, а я сделаю вид, что вас не видел.

— А то что ты сделаешь? — с вызовом произнёс парень в джинсах.

Ножичек он уже не прятал, а, наоборот, выставил напоказ. Двое других парней встали по обе стороны от «джинсового», и последний почувствовал себя более уверенно.

Девочка за их спинами продолжала всхлипывать. Один из компании схватил её за шиворот блузки, как провинившегося котёнка.

Терентьев чувствовал, как его захлестывает злоба: подкатывает к вискам, наливают мышцы и готовится вырваться наружу. Однако он понимал, что перед ним всего лишь горстка паршивых подростков, которым не помешала бы знатная порка.

— Ну, сами напросились, — пожал плечами Терентьев. Он медленно двинулся в сторону парней, наблюдая за рукой «джинсового» с перочинным ножом. Ожидать от такого можно было чего угодно.

В это время его приятель, любитель Соника, подобрал с обочины пару мелких камней и подбросил на ладони. Терентьев шаг за шагом приближался, и парнишка с кудряшками начал изрядно нервничать. Он опасливо смотрел на здорового взрослого дядьку и на своих товарищей, которые держались только потому, что он сам ещё стоял на месте. Тут он неожиданно для себя самого открыл рот и произнёс самые верные, на его взгляд, слова:

— Только попробуй нас тронуть! Если если хоть что-то сделаешь, я всё расскажу родителям и полиции. Я скажу скажу, что ты извращенец! Тогда тебе крышка!

Другие парни с недоумением уставились на приятеля. Похоже, никто из них не ожидал такого. Глаза «джинсового» даже как-то прояснились, и он ухмыльнулся.

— Родителям и мне будет что рассказать, — усмехнулся Терентьев. — Давай их сюда позовём.

Теперь уже Соник начал переминаясь. Он наклонился к «джинсовому» и что-то ему шепнул. Тот кивнул в ответ, выхватил из руки Соника одну камешку и небрежно кинул в сторону Терентьева. Он не намеревался попасть, но камень прилетел прямо в колено. Терентьев поморщился от боли и одновременно ликовал: он столько времени готов был сорваться и ждал только этого момента. В его руках появился мобильник.

«Действительно, — думал он, — это вполне может сработать».

— Ты нас снимать собрался? — испуганно заговорил кудрявый и тут же сорвался с места и побежал вглубь парка.

— Эй, парни, да не стоит оно того! — заверещал парнишка, который удерживал за их спинами девчонку. «Джинсовый» и Соник переглянулись, но не убежали.

Терентьев в спешке нажал на первый попавшийся ему значок на экране телефона. Его взгляд метнулся к парням, застывшим в ожидании. Сердце бешено колотилось: он уже начал думать, что телефон вовсе не сработал.

«Джинсовый» продолжал стоять, как вдруг повёл носом, словно собака, учуявшая запах свежего стейка. Он нервно оглянулся по сторонам, точно пытаясь сообразить, где находится источник этого запаха. Потом опустил голову вниз — и его глаза расширились. Он увидел, как от его новеньких кроссовок поднимаются тонкие струйки едкого дыма.

Он застучал обеими ногами по асфальту, словно пытаясь затоптать костёр, однако от этого его обувь уже не просто дымилась — она горела! В отчаянии он подпрыгнул на месте, и подошвы его обуви полыхнули ярким пламенем.

— Мамочки! — выкрикнул он.

Ножичек выпал из его руки и отскочил от асфальта. Другие парни в страхе повернулись к нему, а Соник даже взвизгнул. Все они совершенно забыли о девочке, поскольку теперь она не имела никакого значения.

«Джинсовый» сорвался с места и побежал в сторону фонтана, оставляя за собой шлейф чёрного дыма, словно герой какого-то старого диснеевского мультфильма. Теперь его кроссовки уже были полностью объаты огнём. Языки пламени жадно лизали джинсы. Не раздумывая ни секунды, он перелетел через парапет и плюхнулся в мутную воду. Стайка возмущённых голубей взметнулась в воздух. Поднялся столб пара.

Терентьев неподвижно наблюдал за происходящим. Его пальцы всё ещё ощущали тепло от недавнего прикосновения к экрану телефона. Он испытывал странные чувства — тревоги и ликования. «Что, если бы он нажал другую кнопку? Парнишки, конечно, паршивцы, но никто не заслуживает того, чтобы сгореть заживо. Однако мне понравилось то ощущение, которое я испытал при нажатии на экран телефона, — и это пугает меня. Что, если мне понравится использовать телефон? Смогу ли я остановиться?»

Из фонтана показалась голова «джинсового». Следом появились две обгоревших кочерыжки, которые, вероятно, раньше были его новенькими кроссовками. Он поставил их на край чаши и отчаянно разрыдался.

Соник и другой парень, который раньше держал девочку, с опаской поглядывали на свою обувь.

— Валите отсюда, сопляки! — скомандовал Терентьев. — Или вы будете ждать, когда ваши задницы вспыхнут?

Оба в ту же секунду бросились через парк.

Девочка, наконец, поднялась с колен. Её заплаканные глаза заворожённо смотрели на Терентьева. Она немного приоткрыла объятия — и из них выплянула маленькая щенячья мордашка, которая тут же лизнула девочку в щёку. Она уткнулась в тёплое и уютное собачье тепло, прижалась к нему.

— Теперь всё будет хорошо, — произнесла она слабым голосом. — Плохие мальчишки тебя не обидят.

Терентьев не знал, что ему теперь делать. Но у него попрежнему на сегодня ещё полно дел — важных дел, которые приблизят его к спасению дочери. Чумазая плачущая девочка в них никак не вписывалась.

Он поспешил к выходу из парка — напрямик к автобусной остановке. Если бы он не праздновал вчера свою находку, то сегодня смог бы добраться до места на машине. Но он праздновал — и теперь должен за это расплачиваться компанией людей вокруг.

Позади он услышал топот маленьких ножек.

«Только не это!» — подумал Терентьев, прежде чем маленькая ручка девочки ухватила его за ладонь.

***

Девочка, похожая на маленького отважного стража, шла рядом с Терентьевым до самых ворот. Её лицо в ссадинах и разводах грязи напоминало боевой раскрас амазонки, вернувшейся с непростого сражения. Прохожие посматривали на неё с любопытством: их взгляды скользили от лица девочки к щенку, которого она нежно прижимала к себе. Некоторые с укоризной смотрели на Терентьева, видимо, приняв его за никудышного отца.

Терентьев в очередной раз оглянулся на девочку и резко остановился — так, что та едва не врезалась в него. Он вынул из кармана носовой платок. Вместе с платком на асфальт выпали мелочь и несколько смятых визитных карточек. Он протянул испачканной девочке этот кусочек ткани, который после длительного пребывания в кармане выглядел скорее как тряпка, чем платок. Но на самом деле он всё равно казался чище, чем заляпанное лицо его спутницы.

Девочка задержалась около витрины магазина, аккуратно лизнула край платка и принялась стирать грязные разводы. Щенок в её руках, немного наклонив голову, смотрел на Терентьева, словно изучал его изнутри.

Он терпеливо подождал, пока девочка приведёт себя в относительный порядок, затем, не глядя ни на платок, ни на неё, спрятал его обратно в карман. Он старался избегать её взгляда, и для этого имелись свои причины, о которых он предпочитал молчать.

— Спасибо преогромное! — воскликнула девочка, выражая благодарность с очаровательным реверансом.

Терентьев небрежно махнул рукой, словно отпугивая назойливую муху:

— Да пожалуйста.

Он уже направился дальше, когда девочка нагнулась, собрала с асфальта визитные карточки и мелочь, которые Терентьев уронил, и снова догнала его, протягивая ладонь. Терентьев с явным нежеланием принял всё обратно и спрятал в карман.

— Не стоило, — пробурчал он в надежде, что это прервёт её настойчивую привязанность.

— Вы, наверное, очень больны? — спросила девочка с беспокойством в глазах.

Терентьев нахмурился, пытаясь понять причину вопроса:

— С чего это вдруг? — его голос звучал несколько раздражённо.

— Ну, на карточках же — она покраснела, смущённо отведя взгляд. — Там написано про врачей и всё такое.

— Это не для меня, — отмахнулся Терентьев, стараясь говорить отстранённо.

— О, а для кого тогда? — её глаза, сочетающие в себе оттенки утреннего неба с жилками весенней зелени, расширились от удивления.

— Для одного очень важного мне человека, — нехотя, почти сдавленно, признался Терентьев.

— Ооо, очень важного? — спросила она.

— Послушай, у меня куча дел сегодня, и я вполне уверен, что тебе тоже есть чем заняться, — попытался он отделаться лёгкой строгостью. — Так что нам, наверное, пора прощаться.

Девочка быстро кивнула, и рыжие косички весело подпрыгнули на плечах. Терентьев вздохнул, словно сбросил с себя мысленную тяжесть общения.

— Что за напасть такая, — пробормотал он себе под нос, уже отворачиваясь, чтобы продолжить свой путь.

Терентьев отвернулся и принялся бодро шагать вдоль улицы, стараясь не обращать внимания на девочку. Когда он добрался до автобусной остановки, его недовольство сменилось лёгким ужасом: девочка продолжала следовать за ним, как тень. Он повернулся, готовый прогнать её, но та застыла на месте, улыбаясь беспечно, словно они были давними друзьями. Щенок в её руках, казалось, тоже улыбался. Его глаза — живые и умные — словно подчёркивали всю невинную доброту девочки, и напряжение в Терентьеве сменилось лёгкой усталостью.

— Послушай, чего ты ко мне привязалась? — едва удерживая оставшуюся строгость в голосе, спросил он.

— Я не привязывалась, — оживлённо ответила девочка, мотая головой, и её рыжие косички снова взметнулись в воздух.

— Тогда почему ты идёшь за мной? — спросил Терентьев.

— Ну, мне просто в ту же сторону, — беззаботно ответила она, и щенок коротко гавкнул, словно подтверждая её слова.

— На остановку? — уточнил он.

— Ага, — кивнула она, подтверждая его догадку.

Терентьев закатил глаза.

***

Терентьев уселся на заднее сиденье старого, потрёпанного автобуса и через запотевшее окно наблюдал за остановкой. Среди серой толпы мелькала маленькая рыжеволосая девочка в жёлтом испачканном платье. Она казалась чужой здесь, в этом шумном и безликом потоке людей. Девочка обнимала щенка и время от времени бросала взгляд на информационные таблички автобуса. Хлопала огромными, странными глазами, словно впервые увидела мир. Потерянная и избитая, она всё же спасла жизнь своему мохнатому другу.

«Неправильно всё это, — думал Терентьев, мрачно глядя на девочку. — Полная дичь, как и всё вокруг. Не должно быть так. В мире много таких вот маленьких девочек и таких вот незащитных щенков, и я не могу взять на себя ответственность за всех них. Чёрт, мир не исправить, и пусть бы он летел ко всем чертям со всеми этими людьми». А потом добавил вслух, тихим шёпотом:

— Пусть бы он летел к чертям, если бы только не Анечка.

Автобус издал громкий звук, похожий на резкий кашель. Затем заскрипел, застонал, будто набирая обороты для рывка, выпустил облачко чёрного дыма и, наконец, отъехал от остановки.

Терентьев вздохнул с облегчением, когда автобус миновал пару шумных и пыльных кварталов и устремился на мост. Он проверил нагрудный карман и удовлетворённо кивнул, обнаружив там телефон.

«Когда придёт время, я смогу остановиться», — подумал он и прильнул щекой к холодному стеклу. На мгновение позволил себе прикрыть глаза. Почемуто он чувствовал себя чудовищно уставшим. Спать он не собирался: нельзя было пропустить нужную остановку, но немного передохнуть следовало. Впереди его ждала трудная и важная работа.

«Сегодня я всё же помог одной маленькой девочке и одному щенку», — подумал он, ощущая всплеск внутреннего спокойствия.

Забавно, но он почти не вспоминал вчерашний день: как его манипуляции с телефоном рассорили двух влюблённых. Никаких угрызений совести. Скорее, он убеждал себя, что оказал им услугу. Это всё равно закончилось бы так. Яал прав: что бы он ни затеял, какие бы игры ни играл, это стоит того, чтобы спасти Аню.

Позади мерно гудел двигатель, пассажиры шуршали одеждой, расплачивались за билеты, громко спорили. Кто-то спрашивал, как добраться до вокзала, другой сердито препирался с кондуктором изза мелочи. Мир, казалось, двигался независимо от него, бурля своей собственной жизнью.

Автобус уверенно двигался вперёд, громыхая старым железом по городским улицам, мимо десятков жилых кварталов, запылённых тротуаров, парков и площадей. Салон всё пустел, но Терентьев продолжал сидеть на месте.

Ещё в автобусе продолжала сидеть маленькая рыжеволосая девочка. Она прошмыгнула в салон в самый последний момент и оставалась незамеченной. Теперь она поглядывала на Терентьева через плечо, словно изучала. Он спал, прислонившись лицом к боковому окну.

Щенок на её коленях вздрогнул и приподнялся, обеспокоенный. Девочка ласково провела рукой по его голове — тот ответил восторженным вилянием хвостика. Это был беспородный пёс с белой короткой шерсткой и висячими ушами — как мягкое облачко.

Неожиданно он заговорил человеческим голосом:

— У тебя ничего не выйдет с ним, — его голос был странно низким, резонирующим, как эхо в пустой комнате.

Если бы Терентьев его услышал, то, конечно, сразу узнал говорившего.

Девочка, словно не замечая ничего необычного, улыбнулась и почесала собаку за ухом. Её глаза стали холодными, словно два ледяных камня.

— На этот раз ты ошибся, — сказала она спокойно, с лёгкой улыбкой.

— Чушь! — щенок не унимался, хитро подставляя второе ухо под руку девочки.

— Этот точно не поведётся на твои штучки.

— Вот и посмотрим, — ответила девочка с вызовом в голосе.

— Посмотрим, — проворчал щенок, и его мордочка растянулась в подобие улыбки.

Глава 10 Все для перемен

Данила Дуров стоял на заднем дворе банка и смотрел на припаркованные дорогие автомобили. Его местом была площадка у старой ржавой бочки — она неизвестно когда тут появилась, и до неё никому не было дела. Никому, кроме Данилы. Здесь он проводил лучшее время на работе: бочка была его личным местом отдыха, убежищем и зоной, свободной от руководства. Здесь ему никто не мог помешать выкурить сигарету, полюбоваться облаками или съесть бутерброд.

За годы работы охранником банка он основательно изучил бочку со всех сторон. Он хорошо знал, как она выглядит зимой и летом, и точно помнил, где не стоит упираться локтем, чтобы не испачкаться ржавчиной. Кроме того, ему были известны отверстия, через которые можно было незаметно избавиться от мусора.

Вздутая и местами облупившаяся краска ещё сохранила очертания надписи, выведенной большими белыми буквами: «Всё для». Остальная часть фразы была бесследно утеряна, но Данила каждый день придумывал новые её окончания — это стало его личной тайной игрой.

Когда ему выплачивали премию, он заканчивал фразу с усмешкой: «Для оплаты кредита». В ожидании выходных слова превращались в волшебный ключ: «Для того, чтобы оторваться». А в тёмные дни, когда от него ушла жена, финал пульсировал болью: «Для неё». Так каждый день, прячась от чужих глаз, он мчался к бочке, чтобы создать новую фразу — свою мантру для мира, с которым он никогда не ладил.

Сегодняшним девизом Данилы было: «Всё для перемен». Действительно, дела у Данилы Дурова шли из ряда вон плохо, и в этом был виноват в первую очередь сам Данила. Однако признаться в своей вине он мог разве что бочке. Данила истратил последние деньги на новую удочку, тогда как подходил срок оплаты ипотечного платежа; бывшая подала на него в суд за неуплату алиментов, а ржавая «девятка» окончательно сдохла, выпустив последнее в своей жизни облачко углекислого газа в атмосферу.

В состоянии полного отчаяния, когда Данила медитировал перед бочкой, не торопясь возвращаться к своим скучным и унылым обязанностям, на него могло повлиять всё что угодно: будь то облако, принявшее форму танка, или муха, севшая на плечо. На самом деле он даже ждал чего-то такого, поскольку в силу некоторых особенностей своего характера не хотел и боялся принимать решение.

Данила докурил сигарету, сунул бычок в отверстие бочки и зашёл в помещение банка, где цифры на записках операционисток превращались в реальные деньги на счетах клиентов, а доходы и расходы непрерывно переливались из одной банковской карты в другую. Здесь всё служило тому, чтобы посетитель сразу мог ощутить себя мелким и жалким по сравнению с силой капитала — святилищем которого банк являлся. Непомерно гигантские золотые люстры, просторное помещение, способное вместить в себя физкультурный зал и столовую, строгие стойки информаторов, высокие столы и идеальный дресскод персонала — белые блузки и синие брюки — заставляли любого, в особенности Дурова, почувствовать себя жалким червяком в могучей и безжалостной машине, перемалывающей толщину банкнот ежедневно.

В предобеденный час в холле было полно посетителей и сотрудников, которые словно бы не замечали Дурова. Пробираясь между ними, окружённый гулом и шёпотами, он на какое-то мгновение почувствовал себя призраком. Его цель — стеклянная стена, отделяющая столы операционистов от остального зала, — манила спокойствием за пределами хаоса.

У двери, когда он достал связку ключей, его охватила лёгкая тревога. Дуров ощутил, как пальцы начали подрагивать, перебирая ключи в поисках нужного. Магнитный кругляш не сразу вошёл в паз, вызывая у него раздражение и страх того, что дверь может оказаться закрытой для него навсегда — словно преграда на пути к спасению. Однако наконец замок

поддался, и дверь открылась с приглушённым стуком — для Дурова это стало сигналом к краткому, но столь необходимому облегчению.

Остановившись у двери, он отстегнул от ремня связку ключей и долго с ними провозился, подыскивая нужный. Магнитный кругляш не сразу лёг в гнездо, заставив Дурова понервничать, но в конце концов дверь приветственно брякнула и открылась.

Дуров зашёл за стойку и направился прямо к кофейному автомату, где заметил угрюмого уборщика Кешу. Здоровенный детина, он постоянно носил синюю бейсболку с надписью «Im the Boss» и такого же цвета линялый комбинезон, в нагрудном кармане которого неизменно торчали карандаш и небольшой блокнот. Кеша работал с понедельника по пятницу, махал своей шваброй и пропадал к концу рабочего дня так же внезапно, как и появлялся.

Дуров давно привык к присутствию Кешы, как и Кеша — к нему. Оба они были своего рода незаметными для окружающих их в банке людей — считай, те же предметы мебели, о существовании которых знают, но никто не обращает внимания. Наверное, поэтому они оба начали понемногу общаться. Время от времени Кеша приходил постоять у бочки и послушать рассказы Данилы о его злоключениях. Иногда последний заглядывал в душную каморку Кешы — посидеть у старого радиоприёмника среди пластиковых вёдер и бутылей для кулера.

Кеша кивнул, и Дуров кивнул в ответ. Он молча подошёл к кофейному автомату и стал выбирать напиток, обводя пальцем рисунки на электронном табло. Обычно он пил «Американо» с двумя порциями сахара, поскольку «Американо» не так сильно бил по его кошельку, как тот же «Моккачино». Однако сегодня он решил себя побаловать и остановил палец на рисунке с дорогим кофе — этот напиток должен был немного скрасить всю паршивость ситуации Дурова. Он потянулся за банковской картой, когда его буквально подвинула девушка в белой блузке и синих брюках. Она молниеносно стукнула пальцем по табло, взмахнула картой и встала перед ним, скрестив на груди руки.

В первую секунду Дуров хотел возмутиться и даже вступить в перепалку, но одного взгляда на госпожу Кожебееву хватило, чтобы его запал испарился. Кожебеева была финансовым менеджером, и большинство того, что происходило в отделении за стеклом, происходило с её ведома и согласия. Она представляла буквально апофеоз всего, чего Дуров боялся и что ненавидел в женщинах: была властной и сильной, одним своим видом подавляла не только подчинённых, но и некоторых начальников.

Сегодня Елена Кожебеева была во всеоружии: чёрные длинные стрелки у хищных ястребиных глаз, яркоалая помада и шишка из волос с воткнутыми в них палочками. Обычно такой вид она принимала перед самыми крупными сделками, и Дуров это прекрасно знал — ведь он только и делал, что изо дня в день наблюдал за людьми в банке. В такие дни Кожебеева становилась стервой в квадрате, и Дуров сдался без боя. Он даже отступил на пару шагов от кофейного автомата, чтобы чего с ним не случилось.

Кожебеева ждала кофе. Нервные пальцы стучали по мобильнику, когда настойчивый голос прервал её:

— Елена Александровна, срочно в третий кабинет! Нужна ваша помощь!

Она вздохнула, выругалась и уронила связку ключей — они упали у ног Дурова. Ключи коротко звякнули, и от этого звука в помещении образовалось напряжение, словно всё происходило не в банке, а у высоковольтной линии электропередач. Время словно остановилось: ни гула компьютеров, ни разговоров операционистов.

Взгляд его упал на маленькую красную флешку с логотипом «КЭП». «Остановись, не делай этого! Замри!» — кричал голос в его голове. Но он не остановился. В тот миг словно кто-то насильно заставил его наклониться, сдёрнуть флешку с кольца и спрятать в ладони.

Он поднялся и с невинной улыбкой протянул связку Кожебеевой. Она могла бы заметить его маленькую и такую небрежную кражу, но её внимание всецело было увлечено срочным вызовом.

Кожебеева фыркнула, схватила ключи, резко развернулась и зашагала к выходу.

Когда она покинула зал, Дуров почувствовал, как у него начинает звенеть в ушах от накачивающего адреналина. Его захлестнула волна храбрости, превращая меланхолию в решимость.

«Всё для того, чтобы выбраться из дерьма», — думал он. Образы побега обжигали его сознание.

Он в красках представлял, как сможет заполучить огромный куш и смотаться куданибудь с кучей денег — например, на Кипр или в Мексику. Он никогда не бывал ни там, ни там, но оба этих места казались ему такими далёкими и недосыгаемыми до этого самого момента. Именно там он осядет и будет пить пина коладу из длинного бокала, глядя, как заходит солнце над побережьем. От предстоящих перспектив на лице Дурова нарисовалась блаженная улыбка, которую заметил только Кеша. Он совершенно не понимал такой реакции друга и потому в очередной раз пожал плечами.

Дуров и Кеша дождались, пока Кожебеева покинет отделение операционистов. Потом он повернулся к своему приятелю и, понизив голос, сказал:

— Идём.

Дуров повёл своего друга к выходу. Он быстро шагал, с трудом подавляя желание побежать. Они вышли в общий холл, оттуда направились в кабинет Кожебеевой.

Иzza закрытой двери доносился голос радиоведущего, который предлагал слушателям прислать короткое сообщение о том, что бы они сделали, если бы у них оказался миллион долларов. Дуров готов был сразу ответить на этот вопрос. Чёрт возьми, да он выпалил бы целую сотню вариантов того, куда можно потратить миллион! Он прислонился ухом к двери и на всякий случай подергал ручку. Голос ведущего сменился рекламой: «Просто сделай это — и вся твоя жизнь изменится!»

Они вошли в кабинет. Дуров знал его как свои пять пальцев: не раз обходил весь банк перед закрытием и надолго останавливался здесь. Не кабинет, а мечта любого служащего: панорамное окно с видом на парк, белые стены, небольшая обеденная зона с микроволновкой и широкий стол с компьютером. Над столом висел постер с мешком зелёных денег и надписью «MAKE MONEY». Ещё здесь поособому пахло — запах был приятный: смесь мандарина и горького шоколада. Дуров не мог понять точно, но пару раз замечал в мусорке палочки для ароматизатора.

Он тяжело сел в кожаное кресло, которое приятно заскрипело под ним. Монитор засветился сразу, как только мышь сдвинулась с места, — и появился главный экран с изображением львицы. Она стояла, высоко подняв голову, и смотрела прямо на Дурова. Одна лапа упиралась в тушу зебры, шерсть на шее была окрашена в яркоалый оттенок, пасть широко раскрыта. Торчащие острые клыки производили устрашающее впечатление. По телу Дурова пробежал холодок.

На его плечо опустилась огромная ладонь — он даже подпрыгнул от неожиданности. Кеша сунул перед лицом блокнот с надписью, выведенной корявыми буквами: «Что ты делаешь?»

Его буквы подскакивали и выглядели странно. Он всегда писал небрежно и с ошибками изза старой травмы руки, полученной на тренировке по боксу. Повреждённые пальцы плохо слушались, и о красивом почерке оставалось только мечтать.

Дуров порылся в кармане и вытащил на свет красную флешку. Выглядело это так, будто он достал какойто волшебный артефакт, который вотвот засияет.

— Видишь это? — спросил Дуров.

Кеша кивнул.

— Это электронная подпись. Такие штуки используют, чтобы получить доступ к важной информации. Считаю, что у нас личная подпись суперстервы! Ключ от всех этих данных! — возбуждённо говорил Дуров, водя мышкой по экрану монитора.

Кеша перелистнул блокнот и вновь зашуршал по нему карандашом. «Это опасно. Нас могут застукать», — прочитал Дуров.

— Суперстерва ушла обслуживать важного клиента. У нас полно времени, — небрежно парировал Дуров.

Кеша перелистнул очередную страницу. «Ты сможешь перевести нам деньги?»

— Нет, балда! Я понятия не имею, как это сделать! — замотал головой Дуров.

«Тогда зачем мы здесь? Лучше уйдём», — появился следующий листок блокнота.

— Ты что, струсил? В этом всё дело? — Дуров брезгливо посмотрел на своего приятеля.

Крепкий здоровый мужик, который мог уложить быка, боязливо озирался на дверь. Он отрицательно покачал головой.

Его товарищ одобрительно кивнул и сосредоточился на двух рядах иконок, расположенных по сторонам от львицы. Он отыскал ту, в названии которой было слово «База. Клиенты», и дважды щёлкнул по ней мышью. На экран выскочило окно для выбора электронной подписи. Оно скрыло морду львицы, и Дуров почувствовал себя более уверенно.

— Я пару раз наблюдал, как работают с этими штуками. Если разобраться, то ничего сложного. Всё, что нужно, чтобы получить данные клиента, — это вставить флешку! Данные богатеньких клиентов, Кеша. Понимаешь? — ответил Дуров, вставляя её в компьютер.

Кеша не понимал. Он растерянно пожал плечами.

— Сейчас всё будет. Сейчас, — бормотал себе под нос Дуров.

Флешка ожила и замигала красной лампочкой. Дуров выбрал для подтверждения входа подпись на имя Кожебеевой, и программа вывела на экран данные последних клиентов, с которыми работала менеджер. Дуров и Кеша уставились на фотографию клиентки, которая приняла на счёт фирмы «Проект Люмен» кругленькую сумму денег.

Девушка на фотографии сразу не понравилась Дурову. Она была потрясающая — просто красotka. Эти безупречные пепельные локоны до плеч, такие пронзительные глаза и пухлые губы. Таким всё достаётся просто так: внешность, деньги, Кипр и Мексика. Только на кой чёрт ей такие отвратительные цыганские серьги? Дуров даже на мгновение не хотел поверить в то, что девушка могла достигнуть чего-то сама.

«Красotka», — появилась новая надпись в блокноте Кеши. «Ты ведь не хочешь»

— Конечно! Именно это я и хочу! Узнать, где живёт и сколько денег ей перевели! — проговорил Данила.

«Деньги не настоящие. Они на карточки».

— Если она ворочает таким баблом, то, значит, деньжата у неё и дома водятся. Поверь моему опыту! — раздражаясь, сказал Дуров.

Он отправил на печать файл с карточкой блондинки и откинулся в кресле, положив ноги на стол.

— Это всё изменит, Кеша! Раньше я даже не думал о таком, но сейчас. Сейчас самое время, чтобы заработать деньжат! Мы ведь с тобой не раз это обсуждали, помнишь?

«Мы просто фантазировали», — новая запись. Кеша сконфуженно покачал головой.

— Да не дрейфь! — Дуров потянулся к принтеру, взял свеженапечатанный лист, свернул и спрятал за пазуху.

Он закрыл клиентскую базу как раз в тот момент, когда дверь кабинета отворилась. За ней появилась Кожебеева. Её взгляд метнулся к Дурову, который всё ещё держал ноги на столе, к Кеше, который замер с записной книжкой в руках. На лицах обоих отражался не страх, а просто ужас. Лицо её перекошилось от злости.

— Вы! Двое! Что вы здесь делаете? — закричала она.

Дуров осторожно убрал ноги со стола, а Кеша отшатнулся от него, словно мог заразиться какойто смертельной болезнью.

— Я спрашиваю! Что вы здесь делаете? — гневно повторила Кожебеева.

Ещё мгновение оба не могли шелохнуться, и выражения их лиц не менялись. Кожебеева продолжала переводить взгляд с одного на другого — яростная и готовая к атаке, как львица на экране её компьютера. Дуров отчётливо ощущал себя зеброй в её когтистых лапах.

В конце концов Дуров и Кеша не выдержали. Сначала Кеша опустил взгляд, а потом Дуров поднялся с кресла. Парочка могла бы ещё выкрутиться, если бы не допустила ошибку — критическую ошибку. Оба переглянулись и посмотрели на красную флешку, которая всё ещё мигала в компьютере.

— Чёрт бы вас побрал, идиоты! Вы хоть понимаете, что нарушили закон? Это моя личная подпись! Я сейчас же доложу руководству! — кричала Кожебеева.

Она и дальше бы продолжила кричать и втоптала бы начинающих грабителей в пол, но телефон в её руке разразился громким жужжанием. Она глянула на экран. Увиденное заставило её умолкнуть. Глаза её округлились: видно было, что этого звонка она никак не ожидала. На несколько секунд Кожебеева замерла, подобно восковой статуе. Поднесла телефон к уху и прислушалась.

До Дурова долетел чейто голос с другого конца трубки Кожебеевой — знакомый мужской голос, который он не раз слышал. Однако никак не мог понять, кому принадлежит этот голос.

— Елена Александровна, — проговорил он твёрдо и властно.

— Да, я слушаю, — ответила она.

— Мне доложили, что вы по своей небрежности потеряли электронную цифровую подпись.

— Я, но Я

— Наш охранник. Вы его знаете. Он доложил, что нашёл её в кофейной луже. Я беспокоился, что подпись может быть испорчена, и попросил его пройти в ваш кабинет и проверить её работоспособность. Надеюсь, вы не против?

— Я Я Нет Конечно.

Перед Дуровым и Кешей теперь стояла не львица, а испуганный ребёнок, которого застали врасплох за кражей конфет.

— Вы меня очень огорчили. Такое халатное отношение к электронной подписи Вы хоть представляете, что было бы, если бы она попала не в те руки? Хорошо, что её нашёл наш охранник. Надеюсь, вы поблагодарите Дурова за помощь. Он очень славный малый.

— Я Да. Больше не повторится. Вообще, я бы никогда — залепетала Кожебеева.

— Тоже надеюсь, что меня больше не будут отвлекать по пустякам и мы не вернёмся к этому разговору. До свидания, — громко и отчётливо произнёс голос.

Дуров и Кеша вылетели из кабинета Кожебеевой и направились по своим делам. Дуров хотел добежать до комнаты охраны через главный холл. Он обогнул пару колонн и проскользнул между несколькими посетителями, но за очередным поворотом врезался в одного из клиентов — высокого и крепкого мужчину в джинсах и рубашке. Тот тут же оттолкнул от себя Дурова.

Дуров был худенький — как говаривала его бывшая жена: «Мог и ветерок унести». Он замахал руками и едва не упал, когда его подхватил ктото из посетителей.

— Данила, — раздался мужской голос.

Дуров поднял глаза на незнакомца с телефоном в руке.

— Слушай внимательно. Я сегодня помог тебе, когда ты попался, — сделал важный звонок, — мужчина подмигнул.

— Но как ты?.. — удивился Дуров.

— Это не важно, — перебил его тот. — Скоро мы встретимся, и ты получишь дальнейшие указания. Я знаю, что ты задумал, и в наших интересах, чтобы у тебя всё получилось. Очень важные вещи на кону.

— Ничего я не задумал!

Мужчина наклонился к уху Дурова и прошептал:

— Мне всё известно. Не вздумай облажаться.

С этими словами он быстро направился к выходу из банка, а Дуров ещё несколько секунд растерянно смотрел ему вслед.

Глава 11 Обменная монета

Терентьев вырвался из душного помещения банка на улицу, глотая горячий воздух, который казался ему дымом от догорающего пожара. Уже на ступенях он почувствовал, как мир вокруг начинает постепенно терять чёткость, точно он стал центром расплывающегося акварельного рисунка.

Его охватило головокружение, и, цепляясь за реальность, как утопающий за соломинку, он огляделся, чтобы найти опору. Люди таращились на него с опаской — как на птицу, влетевшую в окно и носящуюся в судорожной панике по залам. Ему казалось, будто его только что сняли с лихорадочно пульсирующего аттракциона, и мир никак не хотел остановиться.

Проходя мимо, молодой человек в синем костюме замедлил шаг, разрываясь между желанием вмешаться и тем, чтобы просто пройти мимо. Всё же он наклонился:

— С вами всё в порядке? — участливо спросил он.

Терентьев бросил на него беглый взгляд, отчаянно кивая, словно надеялся, что сможет обмануть окружающих.

— Может, вызвать скорую? — предложила девушка в оранжевом платье, с тревогой заглядывая в лицо.

Парень пожал плечами:

— Может, принял чего — предположил он.

— Да всё в порядке, чёрт вас дери! — пробормотал Терентьев.

Они переглянулись и поспешили прочь, оставив его одного — как жертву на растерзание вселенской злой шутке. Автомобильные потоки мчались, словно реки лавы, поглощая всё на своём пути. Объявления о премьере нового фильма взрывались мелькающими фонтанами света над ближайшим кинотеатром, а у обочины гудела газонокосилка — всё оставалось невозмутимо безразличным.

Терентьев, шатаясь, добрался до ближайшей лавочки и сел, раскинув ноги в стороны. Он вскинул лицо к безжалостному солнцу, которое светило слишком ярко. Нашупал телефон в кармане и нажал на иконку звонка. После мучительно долгих гудков из динамика раздался голос Яала:

— Ты просто герой дня. Шаг за шагом кроешь путь ко основному заданию. Молодец!

— Какого чёрта здесь происходит?! — вскипел Терентьев. — Одно действие — одно задание, так ведь?

— Никто не обещал, что это так просто. Это было в инструкции! О, да, инструкции же никто из вас читать не утруждается. И ещё: не трогай больше иконки с красной отметкой. Последствия могут быть непредсказуемыми.

— Но другие иконки были нож и пистолет!

— Пистолет — это для настоящих смельчаков, — усмехнулся Яал.

— Проклятый ублюдок! — Терентьев сжал телефон так, что суставы побелели.

— Ну не кипятись, — успокаивающе произнёс Яал, подобно змее, которая шипела в ночной тиши. — Ты почти спас свою дочь. Всего лишь немного неприятностей — и всё закончится.

Он понял, что перебранки бессмысленны: Яал обладал неограниченной властью, и спорить с ним было так же глупо, как пытаться убедить в чёмлибо саму судьбу.

— Думал, это будут безобидные шутки. Надеялся — задумался Терентьев.

— Ах, верно, ты надеялся, — пробормотал Яал с мрачным весельем. — Ты сам делаешь свой выбор. Шутки стали немного жёстче? Что ж, не стоит жаловаться — ты же не думал, что всё будет просто и безобидно? Никто не обещал тебе, что придётся только разыгрывать прохожих!

Терентьев промолчал. Он не мог вспомнить ни одного обещания о количестве заданий и их трудности, но всё равно ощущал себя в ловушке. Телефон руководил его действиями, лишая выбора.

— Да, мой телефон не каждому по зубам, но ты справляешься, Александр. Или мне стоит поискать другого владельца?

— Я справлюсь, — заявил Терентьев.

— Уверен, справишься. Учиться ещё много. Если решишь сбежать, найду замену.

— Не надо никого искать. Я сам. Я справлюсь, — повторил он и, немного засомневшись, добавил: — А что если

— Никаких «если»! — прогремел голос из телефона, словно удары молнии по ночному небу. — Ты выполняешь задание, когда тебе об этом сообщает телефон! Ты даже не представляешь, что стоит на кону. Завалишь — всему конец! Я не допущу, чтобы эта дрянь выиграла!

— Так это игра?

Голос стих, и, уже убирая телефон, Терентьев услышал новое указание — теперь более мягкое:

— Нагнись и подбери конверт под лавкой.

Сквозь звуки уличной суеты он услышал леденящий смех, как будто его судьба уже решена и вся борьба напрасна. Он протянул руку и нащупал небольшой белый конверт, приклеенный к деревянной доске лавки.

— Это подарок для нашей парочки. Передашь им завтра вечером, — прозвучала новая команда, словно нереальное завещание.

— Как я

— Найди способ, — безапелляционно ответил Ял. — Я говорю — ты делаешь.

Открыв конверт, Терентьев увидел связку ключей.

— Скажи, что с этими ключами они без проблем попадут в квартиру. Прояви фантазию. Они уже готовы, но их нужно подтолкнуть, — голос в трубке, казалось, получал удовольствие от его беспомощности.

Терентьев собрался уходить, когда по ступеням застучали женские каблукки. Он увидел блондинку в голубом платьёкокольчике. Она, словно маленький ребёнок, перескакивала через ступеньки, с чуть вытянутыми в стороны руками. Он узнал её — ещё до того, как она привычным движением руки убрала чёлку с лица. Узнал по походке, по плавности движений, по огромным кольцам в ушах.

Девушка спрыгнула с последней ступеньки, громко ударив каблукками в плитку, и уже спокойным шагом высокородной леди пошла прочь, когда её окликнул дребезжащий старушечий голос.

Она обернулась так резко, что подол её платья молниеносно крутанулся в обратную сторону, сверкнув обнажёнными лодыжками. Девушка в явном замешательстве подошла к старухе с тростью. После короткого обмена фразами Ольга кивнула и принялась копаться в сумочке, потом плеснула жидкой мелочью в миску. Старуха вновь задрезжалась и перекрестила девушку на прощание.

Телефон в его кармане вновь ожил, вибрируя так, будто у него самого было сердце. Он нехотя прижал его к уху, ожидая очередной язвительной тирады.

Голос Яала раздался с мягким, но ледяным коварством:

— Видишь её, Александр? Наша старая знакомая. С ней мы ещё не закончили. Мне нравится её походка — почти как у марионетки на тонких нитях. Забавно, не находишь?

Терентьев почувствовал, как мурашки побежали по спине. Он перевёл взгляд на Ольгу, которая беззаботно шла по тротуару.

— Что ты хочешь от неё? — голос сорвался на шёпот.

— О, ничего сложного. Понаблюдай, приглядишься. Она — важная часть пьесы, которую мы ставим. Ты же знаешь, что без главной актрисы постановка не состоится, — голос смеялся.

Терентьев нахмурился: зловещая неоднозначность фраз встревожила его ещё больше. Каждый шаг девушки, каждый её жест, которых он раньше не замечал, теперь вызывали в нём смятение и тревогу.

— Не переживай, партнёр, — продолжал Яал, точно наслаждаясь внутренней борьбой Терентьева. — Если ты продолжишь лепить статую из того камня, который я тебе дал, ты спасёшь свою дочь.

— Идиотские игры, — прошептал Терентьев, но понимал, что иного пути нет. Демоны не дарят свободу без цены.

— И запомни: она — обменная монета. Используй её, чтобы спасти дочь.

Терентьев стоял, слово застряло комком в горле, наблюдая, как девушка скрывается за поворотом. Ему оставалось только следовать указаниям Яала, вцепиться в этот шанс, как утопающий — в спасательную шлюпку. Внутри него всё переворачивалось, но жалкий проблеск надежды на спасение дочери успокаивал терзаемую душу. Он провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть страх и сомнения, но они никуда не делись.

Глава 12 Троица

По пути домой Дуров заскочил в местный бар «Троица», где решил пропустить пару рюмок водки. Отсутствие денег и приближающаяся дата выплаты алиментов отнюдь не остановили его. Кредитную карту всё ещё не заблокировали, а значит, отказывать себе в удовольствии не имело смысла — маленькое вознаграждение за столь успешную кражу личных данных. Он определённо чувствовал, что заслужил всё, что льётся и содержится в бутылках за спиной у бармена.

Он остервенело проглотил сразу три рюмки подряд, потом заказал ещё «тройняшек» — так принято было называть стандартную порцию в «Троице». Их он уже смаковал, поскольку алкоголь ударил в голову. В качестве закуски он выбрал солёные гренки и какойто соус.

Когда подоспели очередные «тройняшки», Дуров вспомнил жуткого типа, которого повстречал в банке: его бледное лицо и слова. Что он там говорил? «Мне всё известно, и скоро ты получишь дальнейшие указания». «Гавнюк Это его дело и только его. Делиться он не собирался».

Очередная порция водки. Дуров уже туго соображал, но в его голову вместе с прочей пьяной мутью проклюнулись и здравые мысли. Он ведь не преступник. Так ведь? Пусть дела у него идут сейчас не лучшим образом, но грабить людей Нет, так он не мог поступить.

Дуров скривился и почувствовал, что его сейчас вывернет наизнанку. Он попросил счёт, расплатился кредиткой и с замиранием наблюдал, хватит ли ему ещё лимита, чтобы рассчитаться за всё. Вышел в тёплую летнюю ночь и дворами поплёлся до своего дома.

Он понятия не имел, сколько времени прошло, когда набрёл на аллею, которая вела к его улице. Нормального освещения здесь отродясь не было: пара фонарей, и те стояли разбитые с тех пор, когда Дуров ещё был мальчишкой. Впрочем, он не боялся — изрядная доля спиртного сделала из него бесстрашного рыцаря. Чахлые тополя чернели по обе стороны дороги, шелестели листвой.

На середине пути резкий порыв ветра взбудоражил деревья. Их кривые тени заматались по асфальту в свете луны. Дуров поёжился и запахнул хлипкую олимпийку. Ему хотелось как можно быстрее выйти к жилой застройке, увидеть подъезд своего дома.

В конце аллеи кто-то стоял.

Дуров занервничал, руки шарили по карманам в поисках телефона. Он несколько раз уронил его, прежде чем включить фонарик. Слабый свет его старенького мобильного не справлялся. Ноги не сразу согласились ему подчиняться, однако он заставил себя идти вперёд: не мог же он просто убежать, как маленький перепуганный мальчик.

Когда тень человека казалась уже совсем близко, фонарик на телефоне выключился. Дуров затрясся — то ли от холода, то ли от излишне выпитых «тройняшек». Судорожно включал и выключал телефон. Фонарь опять засветил. Когда он навёл его на место, где стоял человек, то никого не обнаружил: просто пустая тропа и сломанный дорожный указатель. Должно быть, он принял эту старую закорючку за сгорбившегося человека.

Дуров рассмеялся: «Какой же я придурок, раз сам себя напугал до того, что чуть не надевал в штаны. На пьяную голову всякое мерещится. Может, стоит вернуться в Троицу и напиться до поросячьего визга?» Он махнул рукой и уже собирался двинуться дальше, когда почувствовал на шее чьёто дыхание — горячее, даже обжигающее.

Две пятерни упёрлись в его спину и начали перебирать пальцами, словно кучка мелких тараканов. Они не причиняли вреда, только слегка пощипывали, пока не добрались до шеи и нежно обхватили её с двух сторон.

Они стояли одни на дороге — будто влюблённая пара, скрывшаяся в темноте, чтобы уединиться от посторонних глаз. Ветер дул всё сильнее. Трава у обочин прижалась к земле. Деревья бешено шелестели листвой, тени сходили с ума, сходились в сумасшедшей пляске.

Существо у него за спиной и не думало отступать. Его лапы уже крепко сжимали шею Дурова. Стало трудно дышать, но он и не думал сопротивляться: тело полностью выключилось. Ноги, руки, голова — всё подчинялось воле этого существа.

— Диньдон, — произнёс Яал. — Завтра у тебя очень большой день, Данила. Даже не думай остановиться.

Дуров попытался кивнуть. Тиски вокруг шеи немного ослабли.

— Мне оченьочень пригодится твоя помощь в одном деле — твоя и твоего немого друга. Сегодня ты встретился с моим приятелем в банке. Боюсь, что это ненадёжный человек, и я не хочу, чтобы он напортачил, поэтому ты займёшься этим вплотную. Я к тебе ещё вернусь, а пока готовься.

Руки исчезли. Исчезло и горячее дыхание, и запах гнили. Дуров обернулся: на аллее никого — только он один да сломанный дорожный указатель.

Со всех ног Дуров бросился бежать и бежал до самого дома, где заперся на все замки, включил свет и с трудом заставил себя заснуть.

Глава 13 Больница

Как и всегда перед входом в больницу Терентьев неосознанно замедлил шаг. С тех пор как Анечка оказалась заперта здесь, каждое посещение больницы превратилось в сущий кошмар. Восприятие Терентьевым этого заведения полностью извратилось, и теперь при виде больничного крыльца он ощущал в себе мерзкое ползущее чувство безнадёжности и утраты. Здесь он испытывал глубокое уныние, в котором с каждым днём утопал всё глубже и глубже.

Обычно Терентьев приходил сюда изрядно подвыпив. Он выпивал одну-две бутылки дешёвого вина дома перед выходом, ещё одну бутылку брал с собой и выпивал пару глоточков прямо из горла, сидя под кривым деревом, похожим на горбатого гоблина, протягивающего свои рукиветки к скамейке. Терентьев затыкал горлышко бутылки той же пробкой, которую до этого из неё вынимал, а если не удавалось – то свёрнутыми бумажками, коих в карманах всегда оказывалось полно. Эту оставшуюся часть вина он выпивал, когда выходил из больницы уже в темноте: пил, сидя под деревом-гоблином, когда стояло жаркое лето; пил, вороша жёлтые листья ногой в октябрьской грязи; а ещё – стоя у лавочки и вдыхая морозный январский воздух. Это ему даже нравилось. Пожалуй, это стало лучшей частью его поездок в больницу. Он пил в одиночестве и вспоминал о дочери в те дни, когда она ещё была жива – то есть в те дни, когда она была с ним, смеялась и без устали болтала.

Сегодня Терентьев был трезв, и от этого вид больницы казался ему особенно пакостным. Широкие стеклянные двери распахивались перед ним, и он входил в длинный коридор, стены которого выкрашены в старомодные два цвета – два цвета, которые хорошо подходят для празднования Дня святого Валентина в аду, но никак не подходят для больниц: серобелый и бледнорозовый.

Больница была построена ещё в советские времена: плитка под его ногами стёрлась, а запах хлорки и лекарств мешался с запахом затхлой мебели и гнили.

Терентьев шёл прямо к пропускному пункту, где сидела мисс Перпл – так он её называл, эту крупную грубую женщину с потухшими серыми глазами, в очках и с неизменной фиолетовой шалью, обнимающей её за плечи. Он дал клички почти всему больничному персоналу, включая главного врача – Мозготраха, и его заместителя – Мозготраха Второго; двух медсестёр, сменявших друг друга, — Щепку и Булочку; а также старушкеуборщице – бабке Ёжке.

Мисс Перпл пропустила его без слов, зыркнув поверх своих очков, перемотанных больничным пластырем. В другие дни она не забывала обратить внимание на то, что от него несёт за километр, и на его нетвёрдую походку. Часто стыдила за выпивку и говорила, что он всётаки к дочери идёт. Терентьев и сам этого стыдился – стыдился и ничего не мог с собой поделать.

«Да что она знает, эта баба, о том, что я испытываю? Знает ли она, что я чувствую, приходя сюда, и способна ли вообще понять меня? Может ли она вообще понять, что значит потерять дочь изза дурацкого скейта? Идёт она к чёрту», — подумал он.

Терентьев поднимался на этаж для тяжёлых пациентов, проходил мимо инвалидных кресел, кроватей, выставленных прямо в коридоре, подъёмников, о предназначении которых он мог только догадываться. Все эти металлические штуковины с ремнями и верёвками напоминали ему камеру пыток.

У входа в палату дочери он встретил Булочку – миленькая пухлая девушка, всегда смущённая и тихая. Она нравилась Терентьеву: одна из немногих, кого он относил к хорошим людям. Булочка усердно трудилась и, по мнению Терентьева, действительно заботилась о пациентах и относилась к ним с любовью.

— Здравствуйте, Александр Иванович, — произнесла Булочка своим особенным тихим голоском.

— Доброго вечера, — произнёс Терентьев и вновь корил себя за то, что никак не мог запомнить её настоящего имени. — Вы можете пройти к Анечке. Я уже закончила с осмотром, привела постель в порядок и сменила положение кровати, — начала докладывать Булочка, но Терентьев поднял руку, заставив её замолкнуть. Он и так знал, что она выполняет все свои обязанности на пятёрку с плюсом, и даже пытался её отблагодарить всякими вкусностями, но Булочка их не приняла. — Спасибо тебе, дорогая. Большое.

Перед тем как зайти в палату, Терентьев заметил на скамейке для посетителей пожилую женщину, одетую в чёрное платье, красные перчатки и такого же цвета красные туфли без каблука. Между ног она зажимала чёрную трость и упиралась на неё двумя руками сверху. Лицо женщины казалось ему красивым и умиротворённым. Она отрешённо разглядывала набалдашник своей трости и ничего вокруг не замечала.

«В этот час на этом этаже нет посетителей, но в тот день вообще всё шло не так, как обычно», — подумал Терентьев и открыл дверь палаты.

Его дочь лежала на кровати неподвижно, с закрытыми глазами. Булочка чуть приподняла кровать – ту, что позволяла менять положение пациента нажатием кнопки, — поэтому казалось, что Анечка присела, чтобы его встретить. У кровати мерно тикал монитор, стояла стойка для капельницы и простой деревянный стул, который каждый раз ждал его. На лице девочки была надета кислородная маска. Она появилась на прошлой неделе, когда Мозготрах Второй сообщил ему, что его дочь больше не может дышать самостоятельно.

Ещё раньше появилась дырка в брюшной полости, через которую подавали жидкую пищу, поддерживая организм девочки в жизнеспособном состоянии.

«Что они приделают ей следующим? Запустят какуюнибудь дрянь вместо крови?» — с горечью подумал Терентьев.

Мозготрах говорил, что есть небольшой шанс, если девочке поставят укол длинной иглой в шею. Говорил, что хуже пациенту от этого не станет.

«Да, — думал Терентьев, — но моя дочь не просто пациент, да и лучше от этих экспериментов тоже не станет».

Терентьев осторожно убрал волосы со лба дочери и несколько раз поцеловал. Он сел на стул, на котором сидел уже сотню раз до этого, и взял тощую руку дочери. Он отвернулся от неё и устался в стену, чтобы не заплакать. Над дверью висела икона с Мадонной и младенцем Иисусом. Он мысленно опять обратился к ней за помощью, хотя давно перестал верить в её чудотворные свойства. Он смахнул слёзы и вновь посмотрел на дочь.

Глава 14 Пока бьется сердце

Он проклинал тот день, когда купил ей новенький скейт. Терентьев помнил, как удивился, что она хочет получить именно его — и именно с россыпью звёзд по всей деке.

Скейтеры собирались в месте, которое называлось «Руины» — изза стоявшего здесь раньше полуразрушенного театра. В один прекрасный день театр снесли, мусор вывезли, землю заасфальтировали — и образовался довольно большой пяточок, который отдали на попечение департаменту молодёжи. Вскоре на руинах сконструировали две горизонтальные рампы в виде полуколец и одну вертикальную — с дикой петлёй. После этого площадка зажила новой жизнью.

Молодёжь потянулась на «Руины» со всех районов, чтобы поглазеть на первый в городе скейтпарк, который оброс закулочными и киосками с напитками. Появились любители на своих испаранных досках, а позже самоорганизовался настоящий клуб скейтеров. Дети катались здесь день и ночь, пили колу и ели хотдоги под раскаты драйвовой музыки.

Аня пришла на «Руины», крепко сжимая звёздный скейт под мышкой. Она считала, что катается довольно неплохо для девчонки тринадцати лет, которая недавно встала на скейт, — и так оно и было. Она была не настолько хороша, чтобы проделывать сумасшедшие трюки в воздухе, но коечто умела. Поэтому взбегала на рампу, вставала на скейт и катилась с бешеной скоростью, набирая обороты и огибая парней, которые падали на ровном месте.

Сегодня ей хотелось сделать нечто особенное. Она мечтала хотя бы разок взять горизонтальную рампу от края до края — как это делал Тони Хоук. Пока что девочка как следует разогналась по асфальту, подпрыгнула над доской и вновь приземлилась на неё, а потом выполнила абсолютно сногшибательный разворот на сто восемьдесят градусов. Дети вокруг улюлюкали, наблюдая за ней.

Она посмотрела в сторону своей подруги, которая уже несла пару банок колы и сэндвичи с рыбой. Та подбодрила её, подняв обе руки вверх, и уселась у края «Руин». Аня подкатила к ней.

— Ты уверена, что получится? — спросила Таня.

— Стопудово! Ты главное не прекращай снимать. Это будет бомба! — воскликнула Аня.
— Выложим в TikTok?

— Лучший видос в мою коллекцию. Я хочу попробовать.

— Ты же в курсе, что Макс здесь? — подмигнула подруга.

Аня украдкой глянула через плечо.

— Не пались! — предупредила Таня.

— Блина, теперь я точно должна проехать всю рампу! — заявила Аня.

— Не парься ты. Он и так в тебя втюрился. Ято знаю, — заявила Таня.

— Ну да, конечно, — отмахнулась Аня и залилась краской. Она очень надеялась, что Таня этого не заметила, но куда уж там. Та так расхохоталась, что чуть не выплеснула колу на асфальт.

Аня покатила в сторону рампы, а Таня, справившись с приступом смеха, достала свой телефон и направила объектив на подругу. Компания парней постарше чтото кричала ей вслед, но Аня их не слушала и продолжала ехать с улыбкой на лице. Ничто не могло омрачить её настроения в этот тёплый летний день, когда до конца каникул ещё целая вечность, а под ногами — звёздный скейт. Когда лучший парень на свете наблюдает за тобой, а у тебя ещё столько потрясающих планов

Она чувствовала, что у неё всё получится — и не только с рампой. «Как Тони Хоук», — подумала она, представив его, тринадцатилетнего, несущегося на своей доске по дуге и машущего ей рукой. Аня мысленно помахала Тони рукой в ответ.

— У меня получится, Тони! — заявила она.

Девочка уверенно поднялась на горизонтальную рампу, установила скейт на коупинг, оперлась ногой на заднюю часть доски, махнула подружке, а потом неуверенно ступила второй ногой на нос скейта. Доска медленно, как в замедленной съёмке, наклонилась к полотну рампы, а потом встала на все четыре колеса и уже несла Аню вниз — прежде, чем она успела остановиться.

Она почувствовала, что делает что-то не так: равновесие никак не удавалось обрести, и вся теория из интернета вылетела у неё из головы. Девочка просто пыталась удержаться на доске. И когда опустилась до самого низа, то на какое-то мгновение даже почувствовала, что смогла обуздать доску и ей удалось понять суть скольжения по радиусу.

Она начала подъём, увидела лицо Макса, Тани, лицо отца и матери — всех, кого она когда-либо знала, лицо странного угрюмого мужчины в чёрном. А потом неуклюже пошатнулась и увела доску в сторону у самого верхнего края дуги.

Аня рухнула вниз, приложилась головой о рампу и кубарем скатилась на нижний уровень. Правильно падать её никто не учил — да она бы и не смогла так быстро сориентироваться. Некоторое время до Ани ещё долетали встревоженные голоса ребят на «Руинах», а она быстро, очень быстро погружалась в темноту, из которой так и не смогла больше выбраться.

***

Врач тактично постучался и заглянул в палату. Это был крупный мужчина с бородой и усами.

— Простите, Александр, но нам нужно поговорить, — вежливо начал он.

— Я уже всё слышал, — оборвал его Терентьев, сидя рядом с дочерью.

— Но я должен сообщить, что за последние пару недель состояние девочки значительно ухудшилось. Она теряет вес, хотя мы уже приняли меры по увеличению дозы питательных веществ и добавили гормональные. Рефлекторное состояние пациента сохраняется почти полностью, но, боюсь, если так пойдёт и дальше

— Я уже слушаю это дерьмо на протяжении года! — рявкнул Терентьев. — Вы можете просто делать своё дело? Хоть кто-нибудь в этой больнице может действительно помочь или хотя бы попытаться?

— Но мы не можем держать

— Сейчас я просто пришёл навестить дочь. Можете хотя бы дождаться, когда я закончу свидание? — не унимался Терентьев.

Врач глубоко вздохнул. Было видно, что он едва сдерживался, чтобы самому не начать кричать. Он развернулся и быстро вышел за дверь, что-то бурча себе под нос.

Терентьев вытащил телефон и с минуту раздумывал, глядя на своё отражение на пустом экране. Потом он нажал на боковую кнопку — экран засветился. Появилась надпись: «Для разблокировки введите визуальный пароль». Терентьев быстро начертил пальцем звезду, и на экране тут же выскочили иконки приложений.

Он нажал на треугольник, отвечающий за меню действий, но вместо того, чтобы выдать три возможных варианта, как это происходило раньше, треугольник окрасился в красный. Терентьев беспрерывно давил на него, смотрел на дочь, опять давил — но ничего не происходило. Так оно не работало.

— Работай, работай, чёртова штукавина! Давай же! — Терентьев замахнулся с телефоном в руке и замер. Он всё ещё мог ему помочь. Помочь его дочери.

Он уронил руку себе на колени и вновь уставился в телефон. Экран погас, и теперь Терентьев видел опять только своё отражение. «В кого я превратился?» — подумал он. На него смотрел мужчина с впавшими щеками, кругами под глазами и волосами, которым явно не доставало расчёски.

Экран вспыхнул. Загорелась надпись: «Сначала выполни свою часть сделки».

«Он выполнит свою часть сделки, — решил Терентьев в тот момент. — Его дочь стоит всех этих влюблённых и охранников банков. Его дочь стоит того, чтобы он использовал эту возможность».

«Не тешь себя надеждой», — говорил внутренний голос. — «В этом мире не существует лекарства для твоей дочери, как не существует лекарства и для тебя. Уже ничего её не спасёт. Завтра машины будут вновь скользить по улицам, кинотеатр объявит о новой премьере, новые влюблённые потащатся в ЗАГС, а новые Дуровы побегут грабить богатеньких тёток, но никто даже не вспомнит про Анечку и её мечту сделать трюк в стиле Тони Хоука. Никто не вспомнит об Александре Терентьеве — восходящей звезде адвокатуры, утонувшем в бутылке».

Голос злобно расхохотался.

В ответ зазвучал другой голос — настойчивый и твёрдый. Голос отчаяния, как подумал Терентьев:

— Ты не должен останавливаться. До тех пор, пока есть любой, хотя бы призрачный шанс, ты должен бороться. Должен сделать всё, что только можно, пока сердце её ещё бьётся.

«Пусть я был не лучшим отцом, но ведь эта девочка, что лежит сейчас на больничной кровати, — моя дочь. Эта девочка каждый вечер ковырялась у старой плиты, чтобы приготовить нам ужин. У неё постоянно выскакивала простуда на носу, когда дул сильный ветер. Она сидела часами на подоконнике. Я всё о ней знаю. Я люблю её. Она — моя дочь».

На ватных ногах Терентьев вышел из палаты и попытался прийти в себя. У него всё ещё было одно дело, а потом он мог вернуться домой и выпить бутылку вина в своём кресле. Он должен был собраться. В мыслях Терентьев пытался вернуться к охраннику банка, к месту, где он должен его найти вечером.

По коридору шёл один из пациентов больницы: голова опущена, ноги в тряпичных тапочках медленно шаркали по протёртым плитам, полы халата свисали до самых щиколоток. В конце коридора уборщица мыла пол, подталкивая ногой зелёное пластиковое ведро с мыльной водой. Ленивыми движениями она махала шваброй из стороны в сторону, не замечая ни Терентьева, ни полуживого пациента.

Откудато появилась Булочка и взяла потерявшегося пациента под руку, отвела к палате. Мимоходом она махнула Терентьеву — тот кивнул в ответ.

«Точно вечеринка покойников», — подумал Терентьев. Как же он ненавидел эту больницу! Всё здесь казалось ему таким унылым и испорченным, как разлагающийся в мусорке вчерашний ужин.

Почти машинально Терентьев сел на скамейку и даже не заметил рядом пожилую женщину в чёрном платье и красных перчатках. Она как ни в чём не бывало чиркнула зажигалкой. Терентьев будто бы вышел из транса. Он растерянно смотрел на маленькую полную старушку, которая закурила длинную сигарету и выпустила облачко дыма в больничный коридор. Похоже, никто этого не заметил.

— Здесь нельзя курить, — сказал Терентьев.

Старушка повернулась к нему и снисходительно улыбнулась. Улыбка у неё была приятная, дружелюбная, а зубы — белые, что удивительно, учитывая её привычку. Она смотрела на него невероятно живыми, даже детскими глазами.

— Ваша малышка, — старушка кивнула на дверь палаты, — уже давно не здесь, и с каждым днём её здесь становится всё меньше.

— Вы что несёте? — разозлился Терентьев.

Старушка глубоко затянулась и выпустила ещё несколько облачков дыма в виде колец, которые медленно растворялись в воздухе.

— Я старая, но ещё не глухая.

— Это не ваше дело, — заявил Терентьев.

— Точно не моё, но я скажу тебе одну вещь, Саша. Твоя дочь, может, почти ушла из этого мира, а ты остался. Остался полностью как есть, но ведёшь себя так, словно уже ушёл вместе с ней.

— Может, я этого и хочу! Да что вы об этом вообще знаете?

— Если хочешь, то уходи и не возвращайся. В этой больнице и в этом городе полно таких ходячих мертвецов. Не нужно пополнять их ряды. До тех пор, пока ты будешь жить в своих воспоминаниях, ты останешься на их стороне.

Старушка продолжала выпускать кольца дыма, которые теперь поднимались до самого потолка. Мимо прошла Булочка, спеша в палату Анечки. Терентьев даже надеялся, что она сделает старушке замечание, но она лишь кивнула ему самому, точно никого больше не замечала. Прошла сквозь многочисленные кольца дыма и лишь ненадолго остановилась, приюхиваясь.

— Если думаешь, что так и должен поступить, то ничего ты не понимаешь. Я потеряла очень многих до того, как осталась совсем одна, но я оставалась живой.

— Я всё ещё могу ей помочь! — твёрдо заявил Терентьев, сам не веря в свои слова.

— И как далеко ты готов зайти, Саша? Сможешь ли ты убить чьюто другую дочь, чтобы спасти свою? На сколько твоя душа уже покрылась гнилью? — старушка пристально смотрела на него, склонив голову набок.

— Не говорите ерунду, — буркнул Терентьев и уже собрался уходить, когда старушка вновь заговорила:

— Я всё думаю, почему ты так не любишь людей, Саша?

Терентьев озадаченно смотрел на старушку. Она болтала своими маленькими ножками в красных аккуратных туфельках, словно ребёнок.

— Ведь нельзя же винить людей только за то, что они решили покататься на скейте или за то, что полюбили кого-то, кроме тебя? За то, что они просто не знают, как помочь тебе и твоей девочке? Живые живут своими жизнями и делают то, что считают правильным, даже если это и не кажется правильным лично тебе.

— Видел я, на что бывают способны живые.

— Тогда ты, должно быть, видел и тех, кто способен на что-то хорошее.

Терентьев поднялся, но старушка мягко ухватила за его рукав.

— Прежде чем ты уйдёшь, я хочу тебе кое-что подарить.

— К чёрту подарки, — резко ответил Терентьев, вырвав рукав из руки старухи.

Старушка вновь ухватила за него — теперь уже уцепилась своей старческой клешней за запястье и притянула руку к себе. Терентьев удивился, насколько сильной она была для своего возраста. Она практически насильно вложила в его ладонь маленькую коробочку, похожую на спичечный коробок.

— Ты найдёшь этот подарок весьма странным, но он должен помочь. В конце концов, что ты теряешь, приняв его? Люди прибегают и не к таким вещам, когда оказываются припёртыми к стенке, — старушка подмигнула.

Терентьев поднял предмет на уровень глаз и внимательно рассмотрел маленькую металлическую коробочку, в которой не было никаких щелей и прорезей. Внутри коробочки что-то задвигалось и зашуршало, будто там скреблось какое-то насекомое. Мерзкий неприятный звук.

«Эта штукавина не принадлежит этому миру. Я думаю, что не принадлежит никакому другому миру. Ни миру живых, ни миру мёртвых. Она сама по себе и всегда знает, когда следует проявить себя», — говорила старушка.

Терентьев посмотрел поверх коробочки на лавочку, но старушки уже там не было.

Она спешила вниз по лестнице, прошмыгнула мимо дремлющей мисс Перпл к входной двери. Она спешила и неспроста, поскольку её морщинистое лицо и всё тело поплыло, медленно меняя форму.

Глава 15 Новый хозяин

Дуров проснулся около обеда. Старая кровать капризно закричала, когда он потянулся за своим мобильником. Судя по количеству голосовых и текстовых сообщений, а также пропущенных звонков, его собирались уволить.

«Где тебя носит? Данила, сегодня твоя смена, чёрт тебя дерит? Надеюсь, ты сломал себе обе ноги и челюсть, потому что» — всё в этом духе.

Ему уже было глубоко плевать на то, что подумает о нём его начальство, поскольку в банк он возвращаться не собирался. Его гораздо больше волновало новое руководство. Да, новое — гораздо могущественнее и сильнее. Благодаря ему он сможет уехать на Кипр или в Австралию. Ещё его новое руководство куда опаснее. Мысль о ночной встрече сразу стёрла улыбку с его лица.

Как ошпаренный, он соскочил с кровати, в одних трусах подбежал к входной двери, проверил замки. Затем обследовал свою единственную комнату, не забыл про туалет и кухню. Только после того, как убедился, что находится дома один, он сел на единственный стул и задумался. Может, всё ему просто приснилось? Пьяный бред, да и только. Чёртовы «тройняшки»

Он вздрогнул. Краем глаза Дуров заметил, как тень от шкафа шевельнулась. Ещё одна всколыхнулась у кровати. Следующая, похожая на сплошной тёмный ковёр, ползла из коридора. Теперь все они ожили, зашуршали и начали карабкаться на его кровать, как жуткие чёрные черви. Жёлтая от времени простыня начала набухать и расти — всё выше и выше. Он видел, как оно обретало форму. Как ткань натягивалась, обволакивая чьи-то плечи, голову с двумя зловещими выступами на макушке.

Сердце замерло, а в ушах нарастал гнетущий шёпот. Казалось, воздух сгустился и стал вязким, словно липкими пальцами удерживая его на месте. Тени сгущались, искажаясь в нелепых, необъяснимых формах. Лицо призрачной фигуры проступало сквозь ткань. Безглазый, пустой взгляд уставился прямо в его душу.

— Данила, — позвал его голос из ночного кошмара.

Его бросило в холодный пот. Волосы на затылке встали дыбом и, кажется, шевелились. Существо, которое звало его, существо, которое он повстречал по пути домой, теперь сидело у него на кровати, укутавшись в грязный пододеяльник.

— Я пришёл тебе напомнить, Данила. Напомнить о нашем уговоре. Слушай меня внимательно, потому что ты сам этого хочешь. Всегда хотел, Данила. Просто не признавался.

— Не то чтобы я всегда На самом деле Даже не знаю, но я никогда раньше — залепетал Дуров.

— Тише, тише, мой мальчик. Пришло твоё время, и я знаю, что ты не подведёшь. Потому что если подведёшь, то я вырву твои глаза и съем. Мы друг друга поняли?

Данила кивнул. Он обмочился и сидел теперь в луже своих испражнений, но совершенно не придавал этому значения. Моча капала со стула на пол, образуя небольшую лужу.

— Теперь слушай.

Он слушал. Когда существо замолчало, Дуров отлично себе представлял, что нужно делать. Сомнения как рукой сняло. Тот мужик из банка и эта красотка из базы данных — они те ещё твари, и он не дрогнет. Разделаться с ними будет одно удовольствие. Сейчас он ненавидел обоих, будто оба здорово ему насолили. Главное, теперь у него есть план, и он будет его придерживаться.

Опомнившись, Дуров кинулся к кровати и прошёлся руками по пододеяльнику. Сдёрнул его и отшвырнул в дальний угол. Никого. Однако он уже не сомневался, что тот, кого он встретил в парке, реален. Он побывал в его комнате и говорил с ним. Не сомневался он и в том, что он — его новый лучший друг и начальник.

Глава 16 Не сегодня

Терентьев пролежал без сна почти всю ночь. Мысли о том, что ему предстояло сделать, терзали его, как острые ножи. Мир вокруг казался пустым, безжизненным, и он всё больше чувствовал, как эта пустота засасывает его, поглощая остатки воли. Он ждал сигнала от телефона, от Яала. Может, всё, что ему нужно, — это выполнить это чёртово задание. Может, это действительно поможет его дочери.

Телефон зажёгся, пульсируя алым светом. Экран замигал, словно напоминая о соблазне, с которым он боролся уже несколько дней. Три иконки, три выбора: пистолет, что мог закончить всё одним движением, неясная фигура, окутанная дымкой, и пунктирная линия — путь, ведущий к неизвестному.

Пальцы Терентьева сами потянулись к третьей иконке. Он не хотел думать, что снова станет марионеткой. Он хотел, чтобы всё это закончилось. Нажав на иконку, он увидел карту. Стрелка указала на ближайший магазин — знак того, что сегодня его настигнет очередной цикл: купить выпивку и уйти от реальности.

Магазин стоял на углу, как немощный старик с вросшими в землю ногами. У входа толпились завсегдатаи, курили и перешёптывались, словно мертвяки, которые вышли погреться у догорающего костра. Их смех был какимто надтреснутым, неестественным. Терентьев прошёл мимо, не глядя на них.

Он схватил с прилавка три бутылки вина, рассчитался. Угрюмый кассир молча сложил покупки в пакет — без намёка на осуждение. Здесь никогда ничего не меняется. Он направился в парк, гремя стеклом.

— Три — чтобы не возвращаться, — прошептал он себе под нос. — Три — чтобы забыть.

Он сел на ту самую скамейку, с которой открывался вид на фонтан. Тот фонтан, где недавно мелкий паршивец тушил свои кроссовки. Терентьев ухмыльнулся этому воспоминанию.

У фонтана, на корточках, сидела девочка в тёмной толстовке с капюшоном. Он не видел её лица — только тонкую, хрупкую фигуру. Девочка расставляла на грязном асфальте маленькие фигурки и что-то бормотала под нос:

— А теперь принцесса пойдёт домой А старый король не сможет ей помочь Разбойники уже здесь Александр Терентьев

Девочка хихикала.

Его имя пронеслось сквозь холодный воздух. Терентьев вздрогнул и осмотрелся, но парк был пуст. Только он и девочка.

— Но король этого не допустит, нет. Тогда лучше собратсья Здесь появились разбойники темнота Ты уже слышишь, как они точат свои острые ножи Да, Терентьев

Он прислушался.

— Зато теперь у вас будет всё всё хорошо! Потому что Александр

Может, это просто игра его уставшего разума? Он махнул рукой и достал из пакета первую бутылку.

Крышка щёлкнула. Он почувствовал, как алкогольные пары наполнили воздух. Это был запах отравы, но он уже не чувствовал ни отвращения, ни страха. Это был запах пустой квартиры, запах бесконечных походов в больницу и утреннего похмелья.

— Сейчас я выпью, и всё станет на свои места, — уговаривал он себя. Вино будто стирало всё, что было важным, превращая его сознание в пустой экран, как у старой детской игрушки «пишестирай». Раз — и доска снова пустая. По крайней мере, пока он не протрезвеет.

Телефон нетерпеливо завибрировал, словно торопил. Сейчас он был с ним заодно. Бутылка коснулась его губ. Глубоко внутри себя он знал, чего хотел телефон: чтобы Терентьев напился и потерял контроль. Сегодня он должен совершить немыслимое.

— Ты так и будешь её теревить или уже выпьешь? — раздался голос девочки.

Рука с бутылкой медленно опустилась. Терентьев посмотрел в сторону девочки, которая всё ещё увлечённо переставляла фигурки, совсем не обращая на него внимания. Она что-то напевала себе под нос. Похоже, в её игре разбойники уже напали на принцессу.

— И это всё, Саша? — спросила та же девочка. — Ты просто надерёшься вместо того, чтобы бороться? Ради этого ты столько прошёл?

— Чего? Эй, послушай — окликнул он её, но девочка не обратила на него внимания.

Телефон в кармане завибрировал снова — настойчиво, агрессивно, требовательно. Внутренний голос нашептывал: «Выпей, и всё станет проще. Выпей — и забудешь про дочь, про Ольгу». Раз — и вновь «белая доска».

Но внезапно что-то внутри его оборвалось. Образ дочери, ослепительно яркий и почти реальный, вспыхнул перед его глазами. Она стояла там, словно живая, будто всё ещё есть шанс. Шанс, что её можно спасти.

— Всё пучком, пап, — произнесла она.

Он вскочил, подбежал к девочке, взял её за плечо и развернул к себе. Та самая липучка, которую он недавно защитил от хулиганов, сидела и играла у фонтана. Не его дочь.

— Что ты тут делаешь? — выдохнул он.

— Играю, — смущённо пожала плечами она.

В маленьких кулачках она сжимала фигурку принцессы и большого рогатого монстра.

Он глубоко вздохнул, пытаясь унять нарастающую панику.

— Извини, — только и выговорил он.

Телефон бесновался в кармане, словно почувствовал, что он дал заднюю. Но теперь он не обращал на него внимания. Терентьев медленно подошёл к лавочке, собрал все бутылки, засунул их обратно в пакет и выбросил в урну.

— Не сегодня, — сказал он сам себе, сжимая зубы.

Ещё раз обернулся, чтобы посмотреть на девочку.

Она посмотрела на него, и в её глазах что-то промелькнуло. Совсем на мгновение, но промелькнуло: «Ага, я знаю кое-что про тебя!»

Может, ему показалось.

Наверняка показалось.

Глава 17 Точка невозврата

Прислонившись к обшарпанной стене напротив ресторана, Дуров нервно затягивался последней сигаретой, наблюдая за бурлящей жизнью за сверкающими окнами. Тёплый свет внутри казался чуждым, будто он исходил из другого мира, к которому он больше не принадлежал. Влажный воздух ночного города обволакивал его, но он не чувствовал его прохлады. Каждая затяжка была как попытка найти в этом дыме что-то важное, ускользающее.

Он бросил окурки на землю и раздавил его каблуком, оглянувшись по сторонам. Бочка для мусора, которую он искал взглядом, оказалась забытой на задворках, но это его больше не волновало. Он стоял на этом месте уже несколько часов — с тех пор, как она вошла в ресторан, смеясь и болтая с друзьями. Время тянулось медленно, густо, как смола, оставляя на его душе липкий след тревоги и нетерпения.

Когда часы показали половину двенадцатого, люди начали покидать ресторан. Звук открывающейся двери каждый раз заставлял его сердце биться быстрее. Он напрягался, как натянутая струна, ожидая её появления. Каждое движение двери, каждый шаг на крыльце — как сигнал к действию. Но вместо неё на порог выходили другие: шумные компании, усталые официанты, случайные прохожие. Он облегчённо выдыхал, но внутри всё сильнее нарастало раздражение. Ожидание выматывало.

Наконец она появилась. Дуров сразу узнал её силуэт, утопающий в тени. Лёгкая ткань её плаща развеивалась на ветру, а волосы мягко обрамляли лицо, создавая странный, зловещий контраст с мрачной улицей. Она оглянулась, видимо, в поисках такси, и не заметила его в тёмном углу. Уличные фонари замигали, словно стараясь привлечь его внимание, как неумолимые судьи, зовущие его к неизбежному.

Его сердце билось гулко, как барабан, отдаваясь в ушах, пока она быстрыми шагами шла к парковке. Каблуки чётко отбивали ритм. Резкий звук разрезал ночной воздух. Она ускорила, словно ощущала надвигающуюся опасность, но не понимала её источника. Она не могла видеть того, что находилось в его руках, — грубо сплетённый шнур, скользкий и холодный.

Когда Дуров прошёл мимо ресторана, он остановился у большой витрины. Мутный свет изнутри делал отражение размазанным, искажённым. Он вглядывался в стекло и сначала увидел себя — тусклого, серого, почти исчезающего. Но что-то в этом отражении вызвало в нём смутную тревогу. В его глазах не было прежнего Дурова — того, кем он был когда-то. На него смотрел чужак. Лицо, едва освещённое тусклым светом фонарей, казалось мёртвым, но глаза — яркими и зловещими, словно два угля в тумане.

И вдруг рядом с ним появился второй силуэт, еле заметный. Он стоял прямо за его правым плечом. Лицо незнакомца тонуло в темноте, его черты расплывались в полумраке, но одно было ясно: он кивнул. Медленно, уверенно. И Дуров, словно в трансе, кивнул в ответ. Туман вокруг головы фигуры густел, скрывая все черты, но эта незримая связь — этот кивок — внезапно вернул ему решимость. Силу, которую он едва понимал, но которой поддался.

Она уже была на полпути к своей машине, как вдруг, будто почувствовав что-то неладное, обернулась. Едва заметив его движение, она остановилась, прищурившись в попытке разобрать лицо преследователя.

— Ты? Что ты тут делаешь? — произнесла она. Голос её звенел раздражением, но в нём уже мелькала тень страха. Её высокомерие, с которым она всегда смотрела на него, теперь дрожало на грани.

Дуров медленно улыбнулся, не отвечая. В его руке шнур качнулся, слегка блестя в свете уличного фонаря. В этот момент она заметила его, и на её лице проступил ужас, разъядающий остатки уверенности. Grimаса страха, искажённое лицо — именно этого он ждал. Она смот-

рела на шнур, и он увидел в её глазах не только страх, но и понимание. Она знала, что сейчас произойдёт.

В эту минуту Дуров почувствовал странное удовлетворение. Всё это время он жил с ощущением пустоты, страха, но сейчас всё стало ясно. Яал был прав. В нём больше не осталось страха — только сила. Сила наказывать, заставлять бояться. Его губы растянулись в ещё более широкую улыбку, обнажая зубы. Теперь он был хищником, волком, и ничто не могло его остановить.

Глава 18 Заговор обреченных

Данила Дуров проспал весь день, зашторив окна и выключив телефон. Он чувствовал себя разбитым, сломанным и в то же время испытывал невероятное возбуждение — приятное и благодное. Ощущение силы.

Проснувшись поздно вечером, он коекак собрался и поплёлся по кривым переулкам к «Самовару», где договорился встретиться с Кешей и этим вторым из банка. Он должен возглавить их, повести за собой. Яал хотел этого, и этого теперь хотел сам Дуров. Только на своего нового хозяина он может положиться. Только он сможет сделать то, что не сделают эти две трусливые сучки.

У окна под большой конусообразной лампой сидел его приятель Кеша — здоровяк со слегка перекошенным лицом, с туповатым, но бесхитростным взглядом. Он медленно макал пончик в чашку с джемом, разглядывая входную дверь. Когда внутрь вошёл Дуров, тот вздрогнул и уронил пончик, расплескав кофе.

Дуров скользнул глазами по притихшему залу, помахал ему. В ответ Кеша едва качнул косматой головой. Его рука машинально накрыла ладонью блокнот, лежащий рядом с бумажным стаканчиком. «Провались он в ад, этот тупица!» Конечно, он знал, что это за блокнот, и раздражался всякий раз, когда Кеша притрагивался к нему.

На обложке красовалась Эйфелева башня — подарок от молодой соседки, которая однажды проявила жалость и помогла ему разгрести домашнюю бухгалтерию. Он, конечно же, влюбился в неё. Потом она умотала во Францию по обмену, прислала Кеше на прощанье блокнот, расписавшись на последней странице. С тех пор он трепетал над ним, как над собственной задницей. Теперь это был его маленький оберег — память о тех днях, когда ему казалось, что он комуто нужен.

«Чёртов идиот».

Кеша никогда не использовал блокнот по назначению — наглаживал, будто прикасался к груди соседки. Иногда его руки замирали на поверхности бумаги, а взгляд уходил куда-то вдаль, словно он искал в своих мыслях тот образ, который так и не смог удержать. Дурова это раздражало. Он даже скривился, глядя на эту сентиментальную сцену, и, закатив глаза, изобразил рвотный рефлекс, засовывая два пальца в рот.

Кеша напрягся, его рука резко прикрыла блокнот, и взгляд сделался на мгновение суровым. Всего на секунду. Однако этого было достаточно, чтобы его приятель перестал кривляться. Он положил блокнот в карман, потянулся к другому — старому, с помятыми краями и растрёпанными листами, — и вытащил короткий карандаш. Шуршание графита по бумаге вышло нервным и резким, будто сам Кеша торопился выговорить то, что застряло у него внутри.

Блокнот оказался на краю стола, и Дуров, нахмурившись, прочитал:

«Где тебя носит? В банке все бесятся. Тебя ищут. Начальник хочет тебя уволить».

Дуров отмахнулся:

— Пусть увольняет. У меня теперь новый начальник!

Кеша поднял на него удивлённые глаза, пододвигая блокнот:

«Больше платит?»

— Гораздо больше, — ответил Дуров с широкой, чуть безумной улыбкой.

Кеша озадаченно разглядывал приятеля так, будто теперь видел его понастоящему, видел впервые. Тот както изменился, но он не мог понять, как именно. Лицо было измождённым, один глаз нервно подёргивался, а от одежды несло, как от уличного сортира. Похоже, тот страдал недержанием и не мылся несколько дней. «Кожебеева сегодня тоже не пришла. Я уж подумал, вы вместе прогуливаете». Кеша украдкой взглянул на руки Дурова, стиснутые в кулаки

так, что костяшки побелели, а на тыльной стороне виднелись свежие царапины – маленькие красные полоски, оставленные, казалось, чужими ногтями. Он проследил за его взглядом.

— Шутки у тебя тупые, — резко отреагировал он, и голос его сделался холодным. — Так ты слушать будешь или будешь тупить дальше? Мы ведь по делу здесь.

Кеша поспешно нацарапал: «Извини» — и вопросительно посмотрел на друга.

Он наклонился ближе, его глаза блестели нездоровым огнём:

— Мы с тобой провернули одно дельце в банке. Но без нашего хозяина у нас бы ничего не вышло. — Он выдержал паузу, и Кеша, как и ожидалось, потянулся за карандашом, готовясь писать очередной вопрос. Но в этот раз Дуров преградил ему путь ладонью. — И теперь мы должны закончить с этой богатенькой сучкой. Мы к ней наведемся и заберём то, что наше по праву.

Кеша вздрогнул, и буквы, появлявшиеся в блокноте, стали неуверенными, будто сам он не знал, что писать:

— К ней домой?

Дуров кивнул, и Кеша снова хотел взять блокнот, но Дуров грубо его выхватил.

— Да, успокойся уже! Сейчас подъедет ещё один мужик, он тоже работает на нашего хозяина. Мы втроём закончим начатое и возьмём деньги.

Кеша отшатнулся, когда Дуров резким движением швырнул ему блокнот обратно, будто это было грязное бельё.

— А если она дома?

— О ней я сам позабочусь, как и о том новеньком. Но он сначала поможет нам, — улыбнулся Дуров своей новой, безумной улыбкой.

«Но это всё было не взаправду. Мы просто взяли данные с компьютера, а не собирались ни на кого нападать», — вывел Кеша в блокноте, но не успел оттолкнуть его подальше, как Дуров снова вырвал его из его рук.

Пробежав текст глазами, он понял для себя одно: именно так станет говорить этот тупица, когда его прищучит полиция. Его должны будут поймать. Иначе и быть не может. Кеша — полнейший и непроходимый болван, которого просто не могут не поймать, но ему было наплевать. В то время, когда Кешу поймают, он уже будет далеко, на Кипре. Его — нет. Его защитит Ял. В этом он не сомневался. Такое могущественное существо может сделать всё. Главное сейчас — уговорить Кешу пойти с ним. Ему очень нужна его сила, его поддержка.

— Я уже всё продумал. Ты можешь даже не входить в квартиру. Просто постоишь на стрёме. За это ты сможешь, например, купить билет в Париж и уехать к своей француженке.

Кеша внезапно покраснел. Похоже, на этот раз удалось задеть то самое уязвимое место. Дуров понимал, что теперь его приятель заглотнул крючок и уже не отвертится. Если бы Кеша был умнее, то смог бы распознать фальшь в его словах. Если бы он был умнее, то, может, и вовсе не пришёл на встречу. Что ж, но теперь ему придётся ответить за те мечтательные рассказы о том, что когданибудь он сможет поехать в Париж и встретить там эту девушку.

Кеша неловко наклонился вперёд и, запнувшись, написал в блокноте:

— Только постою на стрёме? Дуров скривил губы, не скрывая злорадства.

— Именно, дуралей.

Но в этот момент за их столиком появился третий человек. Он с лёгким скрипом опустился на стул и молча швырнул на стол конверт. Бумажный прямоугольник закрутился, зацепил кофейную лужу, и по нему медленно поползло грязнокоричневое пятно.

— Приветствую, господа, — ровным голосом поздоровался он. Дуров прищурился. Он сразу узнал мужика из банка, который помог ему с Кожебеевой, — мужика, про которого говорил ему Ял.

— Ты от него, да? Ты ведь Терентьев? Терентьев кивнул, не отрываясь от кофейного пятна, расплывающегося по белому полю конверта. Кажется, он не был удивлён, что Дуров знал его фамилию.

— Да, — подтвердил он с неохотой. — Сегодня я получил довольно чёткие указания. Похоже, нам придётся вломиться в чужую квартиру.

Дуров ухмыльнулся, почти довольный. Онто знал, что именно нужно сделать, и это знание его вдохновляло. Кеша, сидя в углу, дрожал. Он покосился на блокнот, будто тот мог както оправдать его перед собственной совестью.

— А что насчёт хозяйки квартиры? — спросил Дуров.

Терентьев выдержал паузу, его взгляд на мгновение стал пустым, холодным.

Наконец он произнёс:

— Она лишняя, — он отвернулся, и голос на мгновение сорвался. — Если бы у меня был выбор, я бы такого не делал. Но это ключевое задание. Без него мне не получить желаемое. Кеша переводил взгляд с одного на другого, пытаясь осмыслить услышанное. Но Терентьев сидел будто отстранённо, его пальцы нервно постукивали по столу.

— Хочу сразу прояснить одно, — сурово начал он, глядя Дурову прямо в глаза.

— Это серьёзное преступление. Срок может быть до пятнадцати лет, а если всё обернётся плохо — и пожизненное.

— Ты законник, что ли? Хотя плевать, — равнодушно усмехнулся Дуров. — У нас есть Яал. Он нас подстрахует.

Он резко обернулся к Кеше:

— И ты пойми, болван: тебето вообще ничего сложного не нужно делать. Просто постоишь на стрёме. Хочешь билет в Париж? Хочешь к своей француженке? Тогда покажи, что ты мужик, а не размазня. Или ты собираешься до конца жизни сидеть здесь и гладить свой блокнот, будто он заменит тебе её?

Кеша вновь залился краской.

— Ты уверен, что ничего не случится?

Дуров усмехнулся, изображая заботливого друга, хотя в глазах у него металась тень чегото тёмного, ненасытного.

— Конечно, дуралей. Нам нужны только деньги. Мы зайдём, возьмём своё, и всё.

Никто даже не заметит, что мы были там.

Но его слова не убедили ни Кешу, ни Терентьева. Последний, казалось, вовсе сник. Глаза его были мрачны, а лицо застывшее, словно он давно смирился со своей ролью, как и со своей судьбой.

Терентьев взглянул на надпись, оставленную Кешей, громко вздохнул и проговорил:

— Ты должен понимать, — он говорил почти поотечески, словно пытаясь в последний момент уберечь его. — Такие дела не остаются незамеченными. Это не просто взлом. Нас троих за это могут посадить надолго, если не хуже. Но, — он резко сжал губы, заставляя себя продолжить, — у меня нет другого выхода. Если ты можешь остановиться, то лучше сделай это сейчас.

Возникла долгая пауза.

Дуров, не выдержав тягостного молчания, резко ударил ладонью по столу, заставив их обоих вздрогнуть.

— Вы оба сыкуны! — с вызовом произнёс он. — У нас за спиной не просто человек, а сила, которую невозможно остановить. Яал нас подстрахует, и это единственное, что вам надо знать. Или вам нравится копошиться в своём дерьме, когда перед вами лежит возможность взять удачу за хвост?

Он разорвал конверт и вынул ключ, крутанул его на пальце. Он уже представлял, как воспользуется им. Представлял то новое сладостное чувство, которое его посетило прошлой ночью.

Кеша кивнул, и Дуров почувствовал, как внутри него всё переворачивается. Он не мог сказать «нет» — ни себе, ни своему другу, ни тем мечтам о поездке в Париж.

Трое мужчин переглянулись в мрачной, напряжённой тишине. Решение принято. Принято ещё до того, как они все здесь собрались. По указке телефона или же самого Яала, но завтра они собирались сделать невозможное.

Глава 19 Последняя прогулка

Он вернулся к дому, намереваясь сразу лечь спать. Мысли о завтрашнем дне не давали ему покоя. Когда он пересёк детскую площадку, за которой так часто наблюдал из окна своей кухни, развернулся и решил ещё немного пройтись.

В столь поздний час двор пустовал, а небольшая аллея за домом манила своими цветочными ароматами и светом одиноких фонарей. Кроме того, вечерний воздух успокаивал взбудораженный разум. Этого очень не хватало Терентьеву, который хотел обдумать случившееся в «Самоваре» и запланированное им преступление.

В воспоминаниях всплыла его первая встреча с Ольгой и Женей, их обед в «Ампире». Теперь он подругому смотрел на то, что сделал с этой парочкой. Пусть по вселенским меркам и небольшое, но зло. Пусть с помощью телефона и под руководством Яала, но он сам активировал функцию, которая рассорила влюблённую парочку. Он это сделал, и теперь никуда от этого не деться.

Ещё этот парнишка с горящими кроссовками Он видел ужас в глазах маленького поганца, когда его обувь вспыхнула прямо на ногах. Вспомнил, как ему понравилось пользоваться телефоном – это приятное ощущение на кончиках пальцев.

Теперь он снова собирался пойти на поводу у телефона. «Что это? Удача или всётаки проклятье?» Не то чтобы он собирался комуто всерьёз причинить зло, но другого выхода нет. Для его дочери это последний шанс на спасение.

«Если телефон и правда прикажет убить кого-то в обмен на спасение дочери?» Он покачал головой, пытаясь стряхнуть слова старухи. До этого точно не дойдёт. Во всяком случае, он на это надеялся.

Он посидел немного на лавочке, наблюдая, как парочка мотыльков танцует в свете фонаря. Потом он заметил собаку маленькой породы: она стояла в тени кустарника и наблюдала за ним. Собака с интересом наклонила голову набок, а потом шмыгнула в заросли.

Глава 20 За дверным глазком

Детская площадка, на которой расположился Терентьев, походила на тюремный двор для лилипутов. Решётчатый низкий забор, сломанные качели и вращающаяся карусель, которая жалобно поскрипывала в темноте, словно неуёмный призрак больного ребёнка подталкивал диск, пытаясь её раскрутить.

С площадки он видел многоэтажку. Дом казался покинутым и пустым. В нём попеременно то загорались, то гасли окна, но живости это ему не придавало. Всё казалось какимто унылым и покинутым, слишком серым, слишком невзрачным.

Чёрный тополь у подъезда и одинокий фонарный столб лишь придавали пейзажу ещё большую мрачность. Словно кто-то пытался добавить картине немного радужных красок, но в результате её испортил.

Под тополем жильцы этого убогого строения соорудили композицию из брошенных детских игрушек. К стволу дерева привязана пластиковая кукла в белом платье. Половина её лица вмята внутрь, из одного глаза торчала сухая ветка. Внизу, уткнувшись головой вниз, сидел плюшевый медведь. На его макушке блестели комки грязи, а правая лапа одета в перчатку не по размеру. Наконец, у самой подъездной дорожки стоял скрюченный бравый солдат, потерявший ногу.

Терентьев видел, как от этого жуткого алтаря отсоединились две тёмные фигуры и вышли на свет. Их уродливые силуэты засуетились у подъезда: один долговязый, другой маленький и худой, как щепка.

— Где твоя маска? — спросил Дуров.

Кеша растерянно пожал плечами.

— Маска, идиот! Ты должен был принести с собой маску! — Дуров ткнул себе в голову, одетую в плотную чёрную ткань с вырезами для глаз и рта.

Кеша переминался с ноги на ногу.

— Ты забыл? — спросил Дуров, и в его голосе слышалось раздражение. Он словно ругал ребёнка, который не сделал домашку.

Кеша виновато склонил голову.

— На кой хрен тебе мозги, debil? Ты должен был раздобыть шапку, сделать в ней дырки. На худой конец, купил бы чулок! — продолжал Дуров.

Кеша покраснел.

— Дай угадаю, ты постеснялся купить чулок? Тупица!

— Тише ты, — вмешался Терентьев.

Он вытащил из кармана телефон. Загорелся алый прямоугольник, на который Дуров смотрел как заворожённый.

— Она уже скоро должна подойти, — произнёс он.

— Эта штука тебе сказала? — с интересом спросил Дуров, пытаясь заглянуть на экран телефона.

Терентьев кивнул.

— Это дар хозяина? — с благоговейным трепетом произнёс Дуров.

— Он мне не хозяин, — резко ответил Терентьев.

Дуров ухмыльнулся:

— Ещё скажи, что не он тебя сюда отправил.

— Это другое, — ответил Терентьев.

— А где твоя маска? — спросил Дуров.

— Она мне ни к чему.

— Ты же сам плёл про наказание и срок! Нас могут увидеть и опознать. Впрочем, плевать на вас двоих, — Дуров махнул рукой. — Сделаем дело и разбежимся.

Позади них послышались чьи-то шаги. Троица скрылась в тени.

В круге света показалась блондинка в бежевом длинном платье. Сердце Терентьева на секунду замерло, а кишки сразу скрутило. Ольга. На неё он должен напасть. Так говорил телефон.

Она подошла к подъезду, махнула магнитным ключом и нырнула в подъезд. Дверь закрывалась, как в замедленной съёмке, пока огромная рука Кеши не ухватила за металлическую ручку и не остановила её в сантиметре от магнита.

— Посторожишь на лестнице, — скомандовал Дуров своему другу.

Кеша кивнул. Он явно обрадовался, что ему не придётся вламываться самому в квартиру незнакомки, и первым послушно зашёл в подъезд.

— Пошли, — скомандовал Дуров Терентьеву.

Он двинулся с места. Крутящееся колесо в очередной раз печально скрипнуло за его спиной, потом замерло. Он даже не обратил внимания, что остановился точно на границе круга света, словно боялся пресечь её.

— Давай, — нетерпеливо повторил Дуров.

Ему нужно выполнить задание: пройти в подъезд, проникнуть в квартиру, зайти внутрь, найти Ольгу. И что тогда? Что дальше? Убить её? Терентьев вздрогнул. Именно этого хотел от него телефон. Ял сказал, что игры закончены и теперь его ждёт задание со звёздочкой — задание, в котором он и эти двое расправятся с девушкой. Баш на баш. Жизнь за жизнь. Честный обмен.

Вот только это был совсем не честный обмен. Ольга ни в чём не виновата, и он не может ни под каким предлогом убивать её, чтобы спасти свою дочь. Тогда как? Другого пути нет.

«Я ведь знал это! Чёрт возьми, я знал это, когда шёл сюда! И всё равно я здесь! Потому что там, в больнице, моя дочь!»

— Ты ведь изза дочери здесь? — спросил Дуров. — У меня тоже есть ребёнок, и я бы не сомневался ни секунды, если бы на кону была его жизнь. Или ты думаешь, что этой богатой суке есть какое-то дело до таких, как мы? Она первой плюнет на твою могилу, если ты не пойдёшь.

У него мелькнула идея. Не самая лучшая, но хоть какая-то. Он уцепился за неё, как альпинист, хватающийся за единственный уступ: что, если он сам ничего не будет делать? Что, если всё сделают эти двое? Задание будет выполнено, а ему только и останется, что требовать от телефона вознаграждения.

— до конца! — донеслись слова Дурова.

— Что? — спросил Терентьев.

— Я говорю: нужно идти до конца, и нас ждёт награда. Ну и хер с тобой! — раздражённо проговорил Дуров и скрылся в подъезде.

Металлическая дверь громко ударила о раму.

***

Когда прозвучал громкий удар подъездной двери, Ольга уже поднялась на лестничную площадку второго этажа — того этажа, на котором жила. Этот удар отдался эхом в её голове: «Почему удар не последовал сразу за твоей спиной?» Она мотнула головой, пытаясь скинуть параноидальные мысли.

Она копалась в сумочке, когда услышала шорохи на лестнице. Неуютное и скользкое чувство беспокойства било в голову тревогу. Она оглянулась, но никого не увидела — только пустая лестничная площадка, освещённая тусклым светом лампы.

Всё это — только игра её воображения: все эти приглушённые шаги и шёпот снизу, горящие глаза из темноты и здоровенные тени маньяков с пилами и ножами для разделки мяса. Всё — плод её расшатавшихся нервов. Она рассталась с женихом, засиживалась допоздна на работе, и ещё эти ключи

Связка ключей наконец загремела у неё в руках. Шорохи на лестнице возобновились. Она вставила один из них в замочную скважину и едва не взвизгнула, когда поняла, что он не подходит. Следующий ключ

Послышались приближающиеся шаги. Они были реальными! Как эта дверь и эта сумочка, как пол под ногами!

На этот раз ключ провернулся без проблем — не так, как это обычно бывает в этих стрёмных ужасниках, которые так любит Женя. Дверь в квартиру открылась, и она влетела внутрь. Крутанула барашек замка изнутри, приподнялась на цыпочках и уставилась в дверной глазок. В мутном, искажённом стекле никого не было.

Она выдохнула с облегчением и прислонилась спиной к двери. «Перепугала сама себя! Скоро буду шарaxаться от каждого куста! Пора завязывать с поздними посиделками на работе», — подумала она.

Из тёмного угла кухни к ней навстречу вышел взъерошенный чёрный кот. Он не мяукал и вообще не издавал какихлибо звуков, а грациозности в его походке было столько же, сколько у товарной телеги. Он просто шёл вперёд, пока не уткнулся в её ноги. Оля почувствовала, как мягкая голова кота легонько ударила её и немного потёрлась.

— Господи, Шноби! Ты меня напугал! — произнесла Оля и тут же подхватила любимца на руки. Тот не возражал. Он вообще редко когда возражал. — Ну, чем ты занимался?

Кот лениво зевнул и потянулся у неё на руках, вытянув в стороны все четыре лапы.

— Проголодался, поди? Ну пошлипошли, Шнобс, мамочка тебе коечто прикупила.

***

Ольга поставила кота на пол и пошла на кухню. Он неторопливо побрёл следом, дождался, когда хозяйка включит свет, подошёл к своей пустой миске и сел. Он даже лизнул свою лапу в ожидании ужина, но затем, видно, решил, что и так сойдёт, а потому прекратил умываться. Возможно, это было связано с тем, что он заметил некоторую перемену в поведении хозяйки. Та както неестественно и нервно двигалась, заглядывала в окно, задёрнула шторы и вообще была словно на иголках.

Возможно, кот даже почувствовал, как у входной двери его квартиры (по мнению кота, это была именно его квартира) копошились двое людей, от которых ничем хорошим не пахло. Точнее, Шноби чувствовал, как от них просто несло чемто нехорошим и гадким. Вроде брокколи. Шноби ненавидел брокколи. Однако это было опасней. Чтото надвигалось, и это совсем ему не нравилось.

Именно поэтому он, ожидая свою любимую хозяйку, вопреки обыкновению вдруг выгнул спину и зашипел — да так, что сам испугался и весь оцетинился. Шерсть встала дыбом, а давно нестриженные когти вылезли наружу. Хозяйка испуганно глянула на него. Её руки с пакетиком «Вискаса» и ножницами застыли над раковиной.

— Что с тобой, Шноби? — с беспокойством спросила она. — Что не так?

Не так было много чего. Например, жутко пахнувший человек прямо сейчас осторожно протолкнул в замочную скважину ключ. В голове у этого человека творился кромешный ад, хотя тот сам этого и не понимал. Те безумные мысли, которые впервые посетили его в банке, теперь росли, как огромные чёрные щупальца, и скручивали его голову. Нетнет, это уже был не тот человек, который обычно стоял у бочки в перерыве, и даже не тот, который сидел в «Самоваре» с Кешей. Это было уже совершенно другое существо, которое разбило все возможные

границы в сознании Данилы Дурова и стёрло все преграды. Теперь это новое существо точно знало, что будет делать, и не желало останавливаться. Оно хотело крови.

Тем временем хозяйка наполнила его миску и прошла в спальню, где остановилась у зеркала. Она поближе присмотрелась к лицу, отметив заметные следы усталости, потом провела обследование своей фигуры, повернувшись к зеркалу обеими сторонами, прошлась руками от груди к талии, сделав себе пару критических замечаний. Она завела руки за спину, нащупывая молнию, когда ключ вновь повернулся в замочной скважине.

Ольга этого не услышала. Зато услышал Шноби. Чтобы предупредить свою хозяйку, он громко зашипел. Всётаки он, как и все порядочные коты, был за неё в ответе. На этот раз это ему даже понравилось. Он решил, что обязательно будет время от времени шипеть на что-нибудь — такой приятный выброс кошачьей ярости. Однако сейчас он должен сосредоточиться.

— Шноби, пожалуйста, перестань! — крикнула Ольга из спальни.

Оля уже отвернулась от зеркала и собиралась как следует отсчитать Шноби, когда из коридора выскочил Дуров и бросился на неё, повалив на пол. Они немного покатались по полу, прежде чем ему удалось зафиксировать её на спине. Волосы Ольги разметались по полу, образовав белый нимб вокруг головы, а макияж окончательно размазался по лицу. Впрочем, ей было уже наплевать.

Она изо всех сил пыталась освободиться от хватки нападающего, и тут в проходе появился Шноби. Вид у него был решительный и злобный. Для большей уверенности Шноби даже оскалил рот, обнажив маленькие, но острые зубки. Без предупредительных шипений кот подскочил в воздух, растопырил передние лапы и ударил ими по лицу Дурова, едва не лишив глаза и поцарапав щёку.

Дуров взвизгнул — больше от неожиданности, чем от боли. Он прижимал ладонью щёку и рассеянно отступал. Шноби вновь прыгнул — и на этот раз не так удачно, как в первый. На этот раз Дуров ждал его атаки и поймал в воздухе, прежде чем когти и зубы превратили лицо Дурова в лохмотья. Шноби отчаянно кувыркался и царапался, оставляя глубокие борозды на руках обидчика, а потом Дуров швырнул его прямо в зеркало.

Боевой Шноби, который дрался в своей жизни впервые, в этот момент ещё больше возненавидел брокколи. После чего послышался звон разбитого стекла, и израненный кот упал и затих.

Воспользовавшись заминкой, Ольга поднялась и попыталась выбежать из спальни, однако Дуров схватил её за руку. Она развернулась и с размаху саданула кулаком по израненной щеке, но удар получился вялый и неуверенный, поэтому особого эффекта не произвёл. Напротив, невидимые щупальца Дурова окончательно сковали его разум, и тот ударил её в ответ. Ударил сильно, разбив губы, а затем ударил ещё раз — теперь уже сбоку. Ольга пошатнулась, но Дуров вцепился ей в шею, не давая упасть.

— Тебе конец, тварь! — выкрикнул он в её испуганное, с размазанной косметикой лицо.

Он толкнул её в стену, отчего она приложилась затылком, но сознание не потеряла. Она держала руки перед собой, машинально пытаясь прикрыть лицо. Кровь и слёзы стекали по щекам, капали на пол.

— Тебе конец! Конец! Конец! — повторял обезумевший Дуров.

***

Мимо Терентьева, весело подпрыгивая, словно на невидимой скакалке, проскакала маленькая девочка лет десяти. Её чёрные кудрявые волосы подпрыгивали вместе с ней. Малышка беззаботно напевала себе под нос какую-то детскую считалочку и направилась прямо к подъезду, где встала на носочки и начала водить пальчиком по цифрам домофона.

Терентьев уже понимал, какие цифры она нажмёт. Чёрт возьми, он прекрасно понимал, что именно так с ним и поступят. Последний лучик надежды моментально исчез, как только девочка нажала на первую кнопку. Подругому ведь и быть не могло. Именно в такую игру играет этот хитрый хрен. Именно так.

— И четыре! — весело проговорила она.

Он уже точно знал, какую кнопку она нажмёт следующей.

— И пя-я-я-я-я! — нараспев произнесла девочка.

Домофон откликнулся мерным пиликаньем.

«Конечно же, у неё есть дочь, сукины ты сын, — подумал Терентьев. — И именно сейчас она возвращается домой. В такой час!»

Девочка, как до этого Ольга и парочка новоиспечённых грабителей, скрылась в подъезде. Терентьев кинулся за ней, кричал ей, чтобы она остановилась. Он рванулся к свету фонаря и замер, наблюдая, как хлопнула дверь подъезда.

Этот звук словно разбудил спящие в тени дерева игрушки. Нижняя челюсть куклы откинулась, и она стала, как заведённая, кричать: «Мама, мама!»

Единственный глаз куклы дико вращался в глазнице, и казалось, что вотвот выпрыгнет наружу. Плюшевый медведь поднял голову и воззрился на Терентьева своими глазами-пуговками. Его лапы тянулись к нему, силясь преодолеть расстояние и схватить. Деревянный солдат запрыгал на одной ноге и упал, кувыркаясь и крутясь в земле, вскидывая время от времени свои поломанные конечности. Терентьев будто бы и не видел все эти чудовищные преобразования.

Над дверью подъезда Терентьев заметил надпись: «Это ещё никого не делало счастливым». Терентьев некоторое время рассматривал слова, словно бы ему пришлось заново учиться читать. Он мог поклясться, что раньше не видел этой странной надписи. К тому же эта яркая алая краска будто была только нанесена на стену.

Ему хотелось убежать — скрыться из этого страшного места и наплевать на девочку и на то, что он затеял по воле телефона, по воле человека в чёрном костюме. В конце концов, он ведь был всего лишь мелким жуликом, а эта девочка всего лишь возвращалась домой — не в ту самую, а в другую квартиру, — и ей ничего не угрожало. Но Терентьев не верил. Не верил, что человек в чёрном — всего лишь мошенник, девочка — случайное совпадение, а телефон Он ведь действительно видел, что творил этот телефон.

***

Дуров поднял руку, чтобы в очередной раз ударить Ольгу по лицу. Это был бы последний удар, который она смогла бы выдержать, — последний удар, отделявший её сознательное состояние от бессознательного, а также от многих недель на больничной койке. Перед глазами у неё всё плыло, и она уже не сопротивлялась, что только подзадоривало Дурова. Теперь он чувствовал свою власть над ней — способность решать вопросы жизни и смерти других, если бы только

Его лицо исказилось от боли, как будто в голове только что рванула бомба. Дуров схватился за голову, зашипел и оглянулся назад. В дверях стоял Терентьев с телефоном в руке — его пальцы крепко сжимали гладкий блестящий прямоугольник.

— Не двигайся, — тихо, но твёрдо сказал Терентьев, чувствуя, как зловещая сила телефона словно пульсирует в руке.

Дуров застыл, не в силах сопротивляться той боли, которая рвалась наружу изпод его черепной коробки.

Оля, воспользовавшись моментом, метнулась к Шноби. Она осторожно взяла кота на руки, ощутив его слабое, но тёплое дыхание. Кот был жив.

Терентьев не спускал глаз с Дурова, сжимая телефон так, что пальцы побелели. Он ощущал, как странная, незнакомая энергия от устройства наполняет его зловещей силой. Приятное чувство.

— Ты знаешь, что это за телефон? — спросил он, держа аппарат так, словно заряженный пистолет.

Лицо Дурова приняло какойто нездоровый красный оттенок. Глаза готовы были вырваться из орбит, а вены на шее и руках вздулись так, словно вотвот лопнут. Несмотря на невыносимую боль, он нахмурился, не в силах отвести взгляд от телефона.

В этот момент на экране телефона вспыхнула яркочерная надпись: «Готов к использованию».

Теперь Дуров схватился за горло, и глаза его расширились от ужаса. Он судорожно хватал ртом воздух, как будто чтото невидимое сдавливало его шею. Казалось, что удавка — та самая, которой он задушил Кожебееву, — теперь сдавливает его шею. Только эта удавка была невидимой.

— Попрожайста — прохрипел он, опускаясь на колени перед Терентьевым. — Останови это Хозяин

Терентьев хранил молчание, наблюдая за тем, как Дуров медленно теряет контроль над своим телом. Его руки уже опустились по швам, тело обмякло, и только невидимый шнур на шее не давал ему упасть.

Оля, держа Шноби на руках, испуганно смотрела на происходящее, не понимая, что происходит.

Терентьев убрал палец от экрана, и Дуров, ослабленный, рухнул на пол, задыхаясь и кашляя. Он больше не выглядел угрожающим — всего лишь жалкая тень того человека, который несколько минут назад являл собой орудие для убийства.

Мобильник бешено пульсировал и вибрировал в руке. «Доведи дело до конца», — сверкала яркая надпись на экране. «Прикончи ублюдка!» Ял предупреждал. Мобильник предупреждал.

Терентьев просто не мог адекватно соображать. Он слишком устал за сегодня и слишком перепуган. Если бы только ему дали немного подумать и всё взвесить. Если бы только у него было хоть пара секунд. Ему хотелось сесть рядом с Ольгой и завить.

Он опустил руку с телефоном, разжал пальцы. Мобильник выпал, мелькнув красным экраном, ударился об пол и замолк.

Тишина повисла над комнатой, нарушаемая лишь тихим дыханием Оли и рваными всхлипами Дурова. Внезапно с кухни донёлся едва уловимый скрип, будто кто-то нечаянно задел дверцу шкафа. Терентьев напрягся и жестом показал Оле, чтобы она осталась на месте. Затем он сделал осторожный шаг к выходу.

Кеша выглянул изза угла. Глаза его метнулись от Ольги к Дурову, а затем вернулись к Терентьеву — глаза растерянного маленького ребёнка, который слишком запутался.

— Кеша! — окликнул Терентьев.

Кеша вздрогнул, словно его застали врасплох. Он медленно поднял взгляд, и в его глазах мелькнуло отчаяние. Одной рукой он прижимал к груди блокнот с Эйфелевой башней и трясся, словно оказался без одежды в морозную погоду.

— Всё кончено, Кеша, — проговорил Терентьев.

В ответ тот показал изза спины вторую руку с зажатым в ней кухонным ножом.

— Тебе не стоит этого делать. Всё уже позади, — сказал Терентьев, выставив вперёд ладони.

Кеша сделал шаг вперёд. Теперь он полностью вышел изза угла — настоящий громила. Нож для резки хлеба казался зубочисткой в его огромной лапе.

— Никто тебя не тронет, если ты просто остановишься, — сказал Терентьев, стараясь говорить спокойно, хотя напряжение в его голосе выдавало его. — Ты не преступник, Кеша. Пока ещё не преступник. Хватит. Ты можешь просто уйти.

Кеша расхохотался — истерично, натужно, будто уже принял решение. Он вытянул вперёд блокнот с Эйфелевой башней и затряс им перед лицом Терентьева. Он хотел что-то сказать. Если бы он мог, то кричал бы, рассказывая о том, что стоит у него на кону. Вместо этого он лишь громко мычал. Потом он ткнул пальцем в Ольгу, которая сразу сжалась, крепче прижимая к себе кота.

Этой же рукой он отодвинул Терентьева в сторону и резко рванулся к Ольге. Такой скорости от здоровяка никак нельзя было ожидать. Нож в его руке блеснул, описав дугу в воздухе.

— Нет! — крикнул Терентьев, бросаясь вперёд.

Кеша, в порыве отчаяния, не успел даже осознать, как Терентьев схватил его за запястье с невероятной силой, вывернув руку. Что-то хрустнуло. Нож с глухим звоном упал на плиточный пол. Терентьев пнул Кешу так, что тот рухнул на колени, тяжело дыша. В его глазах снова мелькнул страх, но теперь к нему примешивалось осознание поражения. Слезы катились по крупному лицу, капали на блокнот. Свой запас решимости он на сегодня исчерпал.

— Ты сделал свой выбор, Кеша, — твёрдо сказал Терентьев, глядя на него сверху вниз. — Мы оба сделали.

Кеша уткнулся головой в колени, его плечи мелко подрагивали.

— Дебил! Жалкий тупой дебил! — слабым голосом проговорил из другой части комнаты Дуров. — Ты же мог убить их обоих одними своими руками.

Терентьев посмотрел в сторону Дурова, но, прежде чем успел его осадить, Кеша резко вскочил и бросился к окну, собираясь выпрыгнуть наружу. Он бы это и сделал, но сразу не сообразил, в какую сторону поворачивается ручка. Пластик щёлкнул и надломился в его руке. В этот момент Терентьев огрел его настольной лампой по затылку, схватил за воротник и рывком оттащил обратно.

— Какой же дебил, — покачал головой Дуров.

— Да успокойся ты! Всё кончено! — прорычал Терентьев.

Телефон, который всё ещё лежал на полу, вновь ожил. Он замерцал красным, несколько раз крутанулся. На экране вспыхнула надпись: «Задание провалено».

Кеша вцепился в блокнот с Эйфелевой башней, словно в талисман. Дуров начал шептать непонятные слова, его взгляд становился всё безумнее.

Комната заполнилась резким свистящим звуком, яркая вспышка озарила её, ослепив всех вокруг. Сразу после этого телефон мгновенно погас и рассыпался яркими искрами.

Глава 21 Скрип карусели

В темноте продолжала скрипеть круглая карусель, ритмично нарушая тишину. На ней, словно на троне, сидела хорошенькая рыжеволосая девочка с косичками. Её ноги не доставали до земли, а на руках она держала щенка. Пёсик – маленький, пушистый, с острым носом и слегка облезлым ухом – выглядел одновременно недовольным и уставшим. Его глаза, слишком умные для собаки, внимательно наблюдали за девочкой.

— Ну что, здесь ты победила, — буркнул щенок низким, ворчливым голосом.

— Никогда не знаешь, как поведут себя люди и старые коты, — хихикнула девочка. Её голос звучал звонко и лукаво.

Щенок обиженно фыркнул и отвернулся, обвив хвостом лапы.

— Этот болван мог спасти свою дочь, — сказал он, пробормотав последние слова почти шёпотом.

Лицо девочки стало серьёзным. Она слегка наклонилась к щенку, её большие голубые глаза блестели в тусклом свете луны.

— Зато он приблизил конец света, — сказала она, и её голос стал тихим, чарующим. — Как ни крути, а ты явно ошибся с выбором, Яал. Ещё два таких промаха – и мы покончим с этим.

Щенок – точнее, Яал в теле щенка – раздражённо махнул хвостом и хмыкнул.

— Лилит, ты всегда была упрямой. Я не пойму, зачем прекращать всё веселье? Если этот мир падёт, то и нам станет скучно. Нечего будет разрушать. Разве тебе это не понятно?

Лилит усмехнулась. Её маленькая ручка погладила щенка по голове, но в этом жесте не было ни капли нежности – лишь снисходительная насмешка.

— Глупенький, тебе действительно нравится возиться с ними? — сказала она. — Они же такие примитивные. Но вот чего я не понимаю Твой телефон ведь просил убить девушку, верно?

Вдали зазвучали звуки полицейских сирен. Девочка и щенок на мгновение замерли, прислушиваясь.

— Он никогда не просил убивать именно её, — ответил Яал. — Терентьев бы на это не пошёл. Ясно как день! Вот убить такого законченного кретина, как Дуров, он вполне мог – притом, что на кону была его дочь. Я столько сил на Дурова потратил, — Яал с сожалением потряс мордой, — но он и с этим не справился. Хотя бы Кешу мог протолкнуть в окно! Задание было – устранить цель!

— Выходит, что в людях ещё осталось что-то хорошее, — промурлыкала Лилит. — Как и предполагалось. Если никто из троих не выполнит заданий, то высшие придут на землю.

— Высшие сидели бы в своих котлах, если бы и дальше думали, что в людях ничего уже не осталось от истинного Света. Теперь этот блаженный Терентьев всё испортил!

Яал покосился на девочку, его морда выражала смесь раздражения и усталости.

— Ещё есть две попытки, — с улыбкой произнесла Лилит. — Кто знает, может, кто-то из них выполнит задание, и ты сможешь дальше резвиться в этом мире.

— У меня уже есть следующий кандидат на примете, — ответил Яал.

— Как интересно!

— Даже не думай мне всё испортить! — Яал оскалился.

— И в мыслях не было! — отмахнулась Лилит и задумчиво посмотрела на ночное небо. — Первый Вестник уже прибыл. Я чувствую его присутствие.

Щенок склонил голову.

— Что ж, Лилит, — произнёс он мягко, — значит, на земле стало жарче.

Полицейские сирены звучали уже совсем близко. Ветер прошёлся по пустой площадке, заставляя карусель тихо скрипеть.

Глава 22 Первый вестник

Виталий Прозибайко нетерпеливо потирал руки, глядя на то, как брикет лапши быстрого приготовления размокает в кипятке. По дежурке уже распространялся манящий аромат специй и всего того, что содержалось в пакетиках.

На белом блюде со сколотыми краями и изображением чего-то отдалённо напоминающего хохлomu ждала варёная колбаса, нарезанная толстыми ломтиками. На подставке уже стоял телефон, и Виталий заранее подыскал подходящий фильм с Джеки Чаном – по поводу такого случая.

А случай выдался грандиозным. Сегодняшнее дежурство Витали стало одним из тех замечательных дежурств, во время которых можно как следует отдохнуть. Последний звонок поступил около десяти часов вечера, и с тех пор телефон молчал. Сначала Виталий искоса посматривал на него, как будто тот соскочит и начнёт чудить, но ближе к двенадцати перестал обращать на него внимание, а к часу и вовсе забыл. Остаток ночи обещал быть спокойным. По крайней мере, Прозибайко надеялся, что у жителей района хватит совести не совершать преступлений в это время – в его дежурство. Завтра на смену выйдут Дружин и Сапогов. Завтра пускай отрываются на славу: напиваются, грабят и убивают себе вволю.

Усаживаясь в кресло и отстёгивая форменный галстук, Виталий надеялся, что эта воскресная ночь пройдёт тихо. Только он, Джеки Чан и лапша «Дон Хуан» с колбаской. Могучее пузо Виталия мешало ему как следует развалиться, а потому он отстегнул «макарова» и небрежно бросил на стол. От форменной куртки тоже пришлось избавиться – теперь она висела на спинке кресла.

Указательным и большим пальцем Виталий разгладил свои усы, которые давно не стриглись и скорее походили на густую щётку под носом. Затем он ткнул в экран телефона – и Джеки запрыгал и завертелся, уворачиваясь от ударов противников. Виталий с сомнением посмотрел на лапшу, взял ложку и сделал небольшой глоток, распробовав блюдо на вкус, как настоящий ценитель. Решил, что ещё рано, и просто положил огромную колбаску колбасы на хлеб.

Виталия уже делал второй бутерброд, когда в помещении появился ещё один запах. Мерзкий запах, не идущий ни в какое сравнение с притягательным ароматом лапши. Пахло дымом – причём не только пахло. Тонкие щупальца дыма тянулись к нему по полу, вынуждая прервать поздний ужин.

Прежде чем Виталия среагировал, дверь в дежурку с грохотом влетела внутрь, а следом за ней целые клубы едкого дыма начали заполнять помещение. Кроме того, в самом дыме шла человеческая фигура. Передвигалась она не спеша, словно ничего её не беспокоило. Остановившись на середине комнаты, она замахала обеими руками – и дым рассеялся. Виталия увидел перед собой высокого, крепко сбитого мужчину в чёрном плаще. И всё бы ничего, но глаза мужчины светились красным из темноты капюшона, а за ногу мужчину мёртвой хваткой держала огромная краснотёмная псина с зубастым ошейником. Не говоря уже о том факте, что это всё происходило в дежурке – в дежурке, где Виталия собирался просто съесть лапшу и посмотреть фильм.

Виталия разгладил усы указательным и большим пальцем, поднялся с кресла и направился напрямик к незнакомцу, намереваясь высказать ему всё своё недовольство. Мерзавец, однако, первым начал говорить – и говорил он бархатным и обволакивающим басом:

— Приветствую тебя, человечиска!

— А ну пошёл вон! Тебя здесь не должно быть!

Капюшон незнакомца наклонился, и яркие огоньки в нём моргнули. Он изучал Виталия, и от этого взгляда становилось совсем не по себе.

— Ты местный стражник? О, и в славленную же я ночь вернулся на землю! — сказал мерзавец и стал ещё немного более мерзким для Витали.

Виталия разгладил усы.

— Ммда!

— Вот уж какое дело, — как ни в чём не бывало продолжил незнакомец, — не мог бы ты пристрелить этого адского пса, о славный стражник? Никакого спасу от него нет.

Виталия пощупал кобуру и вспомнил о том, что пистолетто он как раз оставил на столе — между колбасой и лапшой.

— Ммда!

— Ты такой многословный! Мне нравится! — воодушевился мерзкий незнакомец.

В этот момент он сбросил капюшон, открыв очень даже симпатичное мужское лицо и два витых красных рога. Он глубоко вдохнул — и свет в помещении заморгал, а потом все электрические приборы в дежурке всколыхнулись, исторгая из себя энергию, которая ринулась в открытый рот мужчины. Когда он закрыл его, перед ним осталось лишь облачко голубоватой энергии, которое тут же рассеялось.

Он поиграл мышцами, поднял руки, наблюдая, как по венам бежит чистая и неукротимая сила, и с наслаждением вновь почувствовал жажду, которая придавала смысл всем его действиям раньше.

Электричество сочилось из него, словно из переполненной бочки. Искры плясали у его рта, глаз, носа и даже из кончиков пальцев, стоило ему только ими пошевелить. Виталий сразу както помрачнел.

— Ммда Что ты такое? — спросил он.

— Тот, кто всё начинает. Я — Булгорг, Первый Вестник, — произнёс незнакомец.

Булгорг опустил голову, с сожалением отметив, что за его ногу всё ещё держится цербер, хотя тот изрядно обмяк: сквозь пса теперь проходило электричество. Булгорг без труда оторвал пса, схватил его за шкуру и както обыденно пошёл к камере временного содержания.

Пёс брыкался и пытался укунить всё, что проносилось мимо его пасти. По пути он отхватил кусок металлического сейфа, часть стола и — о боги! — чайник. Новенький чайник, на который Виталия с сотоварищами складывались всем отделом.

Не обращая внимания на это, Булгорг открыл замок камеры, проведя по нему электрическим пальцем, зашвырнул туда пса и закрыл дверь.

— Ммде Там старик Полдня, — попытался возразить Виталий. — Я боюсь, как бы ваша собака не сгрызла камеру вместе с ним.

— Да? Очень на него не похоже, — отозвался Булгорг. — Ничегоничего, церберы абсолютно равнодушны к людям. Кстати, Полдня?

— Потому что он только по полдня трезв, — пояснил Виталий. — И, честно говоря, я не за него беспокоюсь, а за вашу, так это сказать, собачку.

Булгорг похозяйски прошёл к столу, за которым совсем недавно сидел Виталий, и плюхнулся в кресло.

— Итак, начнём! — скомандовал он.

Виталий както сразу встал по стойке смирно.

Глава 23 Между точкой «А» и точкой «Б»

Для всех почемуто так важно, что будет в самом начале и чем всё закончится. Первое знакомство, первый шаг на сцену, первый день в школе, окончание выступления, последний аккорд на прощание. Но ведь главное — это само движение. Не точка А и не точка Б, а то, что между ними. И всё же люди придают большое внимание минутам начала и конца, словно то, что происходит в середине, их вовсе не касается.

Федя сидел на краю длинной деревянной скамьи, прижавшись спиной к холодной стене. На коленях лежал потрёпанный спортивный рюкзак с изображением бегущего Флэша — яркого, уверенного, быстрого. Таким, каким Федя всегда хотел стать. Пальцы побелели от напряжения — с какой силой он сжимал рюкзак, будто от этого зависела вся его жизнь. Возможно, так оно и было.

На своё первое занятие по футболу он пришёл рано — даже слишком. Боялся опоздать, пропустить начало своей первой в жизни настоящей тренировки. Возможно, он долго ждал этого момента, уговаривал родителей дать ему шанс. Возможно, даже хотел дать этот шанс самому себе.

Несколько минут он оставался в тишине, изучая чуждое для него пространство. Присматривался. Прислушивался. Из коридора доносилось лишь глухое бормотание тренера по телефону да писк кофейного автомата.

Дверь открылась, и в раздевалку потоком хлынули мальчишки: громкие, уверенные, чересчур подвижные и энергичные для такого тесного помещения. Кто-то громко пошутил, кто-то толкнул когото в плечо, кто-то смеялся. Они перекидывались словами, которые Федя с трудом мог разобрать, — рассказывали о лучших голах на прошлой неделе, спорили о силе удара в последнем матче. Их голоса заполнили комнату, вытесняя тишину, которая так подходила Феде.

Это были люди из какойто другой вселенной: мир, где всё ярко, громко и без заранее написанного плана. Это всё равно что человекапаука отправить в Готэм — в место, где он вообще сойдёт с ума.

Федя молчал, прижавшись плотнее к стене. Он знал, что начнётся дальше: парни начнут подтрунивать над ним, а потом он покажет, как умеет играть в футбол.

Не умеет.

Именно с этого начнётся движение между точками А и Б — то самое, где решается всё. Но пока что он был мальчишкой с рюкзаком Флэша, просто сидящим на самой окраине чужой реальности.

Сердце глухо билось в груди, а перед глазами раз за разом всплывала сцена из аудиокниги, которую он недавно прослушал. Эдриан Гриффин — человекневидимка, неуязвимый для насмешек и взглядов. Как же хотелось стать таким! Исчезнуть, слиться с этим металлическим холодным шкафчиком, раствориться в воздухе.

— Слушай, ты, типа, кто вообще? — раздался резкий голос из толпы.

Федя чуть сильнее сжал рюкзак, чувствуя, как натянулась молния. Он поднял испуганные глаза. Перед ним стоял крупный парень в тренировочной форме. Его волосы торчали во все стороны, будто он только что сунул пальцы в розетку. Его глаза — глубокого тёмного оттенка, почти чёрные — смотрели прямо на Федю. В уголках губ едваедва угадывалась усмешка, тонкая и колкая. На груди ярко выделялся номер двенадцать.

— Я это Федя, — тихо выдавил он.

— Чего? Громче! — подхватил другой, с номером семь, подходя ближе. — Эй, парни, вы только гляньте! Это что, бобёр?

— Точно! — воскликнул двенадцатый. — Смотри на его зубы! С этого дня ты, типа, Бобёр!

Комната взорвалась хохотом. Федя почувствовал, как уши заливают жаром. Он сжал рюкзак ещё сильнее, стараясь ни на кого не смотреть.

В этот момент он почувствовал, как к нему подошёл ещё кто-то. Федя перевёл взгляд с его бутсы на футболку. Номер тридцать. У него были длинные светлые волосы, обесцвеченные на концах, и лицо лидера бойбэнда. Он казался самодовольным, уверенным и вместе с тем каким-то усталым. Его глаза будто бы с безразличием смотрели на Федю, но в них что-то блестело. Что-то, что отличало его от других парней в раздевалке. Какая-то особая крутость. О таких вздыхают девчонки в школе, с такими хотят дружить парни — просто потому что часть их крутости как-то передаётся и им, если они находятся рядом.

— Эй, не трогайте пацана, — бросил он, повернувшись к остальным. — Чего вы, как малые дети?

— Бобров ещё в нашей команде не было, — отмахнулся кто-то из парней.

— Это у них юмор такой, — насмешливо сказал обесцвеченный тридцатый.

Федя молча кивнул, стараясь не выдать слёз, которые вдруг защипали глаза.

— Бобёр, говоришь? — вдруг громко добавил тот, театрально обводя взглядом остальных. — Ну-ну! Запомните: у нас в команде только элитные бобры! — он поднял вверх руку с зажатым кулаком и прокричал: — Мы — «Беркуты»! Мы — мощь!

— «Беркуты» — мощь! — закричали все парни в раздевалке как по команде.

Они продолжали гоготать, но теперь смех стал чуть менее злым. Федя украдкой посмотрел на своего спасителя. Он всё ещё стоял рядом.

— Я Костя, — тихо сказал тот.

Обесцвеченный протянул ему руку, на запястье которой болтался дурацкий браслет из разноцветных нитей. Федя вяло пожал её.

— Велком в команду, Бобёр. Не ссы, все мы на самом деле отличные парняги. Но ты должен показать, чего можешь. Ферштейн?

Федя не понимал, но всё равно кивнул.

Дверь раздевалки открылась, и внутрь зашёл тренер Брызков. Федя уже с ним познакомился, когда отец записывал его на тренировки. Тогда он ему не сильно понравился. Не нравился и теперь.

Вопервых, тренер Брызков был резок и любил как следует проораться. Не постеснялся он даже отца Федя, когда увидел, как кто-то из игроков отлынивает от тренировки. Мягкий и спокойный Федя никогда не любил грубиянов и даже побаивался.

Вовторых, тот оскорбил Флэша, когда увидел его на рюкзаке у Федя. Сказал, что у этого парня вихрь в заднице или что-то вроде того. Флэша Федя, напротив, если не любил, то очень уважал.

Тренер несколько секунд рассматривал свою команду, а потом рявкнул так, что все ребята выстроились по струнке. Через пару минут раздевалка опустела, и лишь Федя ещё некоторое время сидел и таранился на плакаты с изображением огромной хищной птицы над вешалками. Внизу большими буквами надпись: «Беркуты». Так называлась команда, в которую он хотел вступить.

«Скорее уж стервятники», — подумал Федя, думая о своём недавнем унижении.

***

Тренер вышагивал по полю так, словно Наполеон по завоёванной земле. Не вызывало сомнений, что это было его поле, его футбольный клуб, а парни из команды — его бойцы. Высокий, жилистый, с лицом, не выражающим никаких эмоций, он напоминал собранную вручную машину из напряжённых сухожилий, стальной решимости и непреклонной ярости.

— В линию, засранцы! — рявкнул он голосом, который не подразумевал возражений.

Глаза его скользнули по команде, выхватывая каждого, словно там у него встроен лазерный прицел. Словно стоит ему хоть на секунду задержать его на одном из мальчишек, так сразу проделает дырку в его башке.

Федя замер в середине шеренги — самый маленький, с тёмноволосой чёлкой, которая постоянно лезла в глаза, и худыми плечами, терявшимися в широкой футболке. С самого детства ему внушали, что футбол — это не его дорога.

«Ты слишком слабый», — твердили окружающие. «Ни скорости, ни силы. А уж про ум и говорить нечего». Эти слова каждый раз оставляли в душе маленький, но болезненный шрам.

Да, Федя знал, что соображал медленнее других: мысли буксовали, будто застревали в узкой трубе. Он знал и то, что на уроках физкультуры он всегда отставал по нормативам, а ростом был самым низким в классе. Одноклассники крутили пальцем у виска, учителя пожимали плечами. Но, несмотря ни на что, он всё равно хотел играть.

Он увлекался футболом с детства. Гонял мяч по двору, смотрел матчи по телевизору. Футбол стал для него шансом обрести себя в мире, где нет места страхам и сомнениям.

Тренер прошелся вдоль линии, покачивая головой:

— У нас тут одни маменькины сынки собрались. Скоро у нас матч с «Лисами», а половина из вас даже ударить по мячу как следует не может! — его взгляд остановился на Феде, и тот весь съежился. — Ты умеешь бить по мячу, мелкий?

Федя поднял голову, вновь вспомнил о человекеневидимке.

— Я я хочу поп — слова застряли. Грудная клетка будто сжалась. Остальные ребята прыснули от смеха.

— В штаны наложил, Бобёр! — крикнул кто-то рядом.

Тренер вскинул бровь:

— Значит, хочешь. Этого мало, пацан. Все хотят! А вот делать что-то не хочет никто! Правда, Леха?

Двенадцатый — самый рослый в команде — буквально возвышался башней над остальными, но стоило прозвучать его имени, как он вдруг сжался, будто воздух из него выпустили. Спина согнулась, плечи опустились, а с лица мгновенно слетела улыбка, оставляя только неловкость и желание провалиться сквозь землю.

— Ещё раз пропустишь тренировку — можешь больше сюда не приходиться! — отрезал тренер.

— Но, тренер! — запротестовал Леха.

— Цыц! — оборвал он. — Сегодня начнём с круга по стадиону. Никому не отставать.

Парни замялись.

— Вам особое приглашение, барышни? А ну вперёд! Не теряем время! — скомандовал он.

Вереница парней дружно повернулась и бросилась бежать вокруг поля.

— Забей, Бобёр. Ты всё равно, типа, первый отвалишься, — бросил Леха, пробегая мимо. Но Федя не забил.

Он рванулся вперёд, и ноги сами принялись отбивать рваный, сбивчивый ритм. Сердце гремело в груди, будто барабан. Он знал правду: без тренера, без Лёхи, без всей команды — знал. Он самый слабый, самый медленный, самый бесполезный.

Но это не имело значения.

Он будет играть в футбол.

Глава 24 Запасной

Воздух жёг лёгкие, мышцы горели, но он не остановился. Бежал до самого конца, хотя понимал, что ещё немного — и он просто упадёт на землю.

Федя прибежал последним.

Грудь вздымалась, ноги подкашивались, пот лил в глаза, но он стоял. Гдето на грани сознания мелькнул тихий звук: тренер щёлкнул секундомером. Покачал головой.

— Ты, конечно, тормоз, — сухо бросил он, — но упорство у тебя есть. Посмотрим, на сколько тебя хватит. Сейчас — тренировки с мячом.

Федя уверенно качнул головой, хотя едва держался на ногах.

— Ну что, Бобёр, — нарочито протянул рыжий мальчишка, усмехнувшись, когда Федя присел на корточки, пытаясь восстановить дыхание, — может, тебе лучше плотину собирать?

— Заткнись, Рыжий, — раздался спокойный голос Кости.

Он вышел изза спины, вытирая краем футболки лицо, и добавил, глядя на Федю:

— Давай, подтягивайся к остальным. Сейчас начнётся настоящий экшен.

Тренер выгнал всех на полосу импровизированных испытаний. Ребята подтягивались на турнике, отжимались, дриблингом проходили между конусами. Федя спотыкался на каждом шагу, но не сдавался, хотя на него то и дело сыпались язвительные комментарии Лёхи и Рыжего.

Когда тяжёлая тренировка подошла к концу, Федя уже валился с ног. Однако команда не спешила расходиться. По указке тренера все парни расселись по скамейкам вдоль ограждения.

Тренер Бзыков ходил из стороны в сторону, поигрывая футбольным свистком.

— Вы все знаете, что скоро у нас дружественный матч с «Лисами».

Ропот пробежал по рядам.

— Без шансов! Просто разрыв ж — крикнул Рыжий и тут же, поймав взгляд тренера, затих.

Бзыков хмуро посмотрел на парнишку.

— Без шансов? Куда вам, чайникам, с «Лисами» тягаться! Конечно, без шансов! Потому что вы не привыкли выкладываться! С местными командами у вас всё получается. Делаете их. Ещё бы не делали. Они ведь ни хрена не умеют. А как только слышите о «Лисах», то сразу в штаны срите. Неделю назад Макс и Тоха услышали, что будем играть с «Лисами». Где эти два придурка?

Парни начали переглядываться, будто только заметили их отсутствие. Некоторые пожали плечами.

— А я вам скажу! — продолжил Бзыков. — Ссыкуны они. Не хотят быть проигравшими. Или как там у вас? Лузерами! Неудачники, значит, — он поднял указательный палец. — Думают, что если уйдут, то не будут лузерами. Думают, что с «Лисами» им никогда не справиться, — Бзыков замолчал, осматривая парней.

Те сидели, опустив головы.

— И правильно думают! Они уже проиграли «Лисам». Вот так! Ещё до игры наделали в штанишки и побежали к своим мамочкам. Вы тоже боитесь. Знаю. Может, поэтому ни хрена и не стараетесь. Один Костя вас всех тащит. Вы же можете играть! Твою мать! Не нужно мне от вас суперкубка! Что от вас требуется? Усердно тренируйтесь и учитесь играть! Тогда и только тогда у вас будет шанс не просрать «Лисам» с разгромным счётом. Всё понятно?

Некоторые парни согласно закивали. В их числе, конечно, оказался Костя.

— Играют «Лисы» агрессивно.

— Да, они давят на нас постоянно. Попробуй выдержи! — пожаловался щуплый конопатый парнишка в футболке с номером шесть.

— Вся игра у наших ворот, — согласился Рыжий.

— Они играют в агрессию, которую мы не в силах выдержать. У нас не получается одновременно идти в атаку и защищаться. Поэтому уйдём в защиту! Когда «Лисы» потеряют бдительность, вот тогда Костя покажет, на что способен.

— А кроме Кости кто игратьто будет? — спросил конопатый шестой.

— В основной состав войдут Костя с Лёхой — наши лучшие нападающие — и Рыжий, потому что из всех вас он единственный, кто может стоять на воротах.

— Тренер! — возмущённо выкрикнул Рыжий.

— Даже не трюнди! Хочешь стать лучше — так не спи на воротах и мух не лови, как ты любишь делать. Мне иногда кажется, что ты прям там достанешь телефон и уткнёшься в него носом. За мячом следить надо! Ещё пойдут Буров, Козлов, Пухлый, Жаров, Гавриков и Носов. Оставшихся двоих назову позже. Посмотрю на вас эти дни.

— То есть пока не понятно, кто те два счастливчика? — спросил пухлый мальчик.

— Я знаю, кто этими двумя счастливчиками точно не станет. Ты и новенький. Вы не готовы. Обоим ещё тренироваться и тренироваться.

— Бобёр и Кабан пролетают, — усмехнулся Леха.

Пухлый мальчик даже не удивился. Вид у него был такой, будто он заранее знал, чем всё закончится. А вот Федя

Федя чувствовал, как внутри что-то сжимается, ломается, исчезает. Он поднял взгляд на тренера Бзыкова.

Не было смысла спрашивать. Всё и так ясно: «Ты не в команде. Ни сейчас. Ни потом. Никогда».

И он ведь знал. Чувствовал это с самого начала, ещё там, в раздевалке, когда сидел на скамейке и сжимал в руках рюкзак. Просто заставил себя не думать, сделал вид, что шанс ещё есть, что он может доказать А теперь? Теперь все точки расставлены.

Как он вообще мог поверить, что его возьмут? Кто он такой? Лишний человек, который займёт место в команде, но не на поле, а где-нибудь в хвосте, на нудных тренировках, где его будут гнобить Лёха и Рыжий. Где он будет бегать круги, пока остальные играют. Будет выслушивать их подколки, ловить взгляды, полные насмешки и раздражения.

Как он мог быть таким наивным?

Тренер что-то говорил, но слова рассыпались в воздухе, не доходя до сознания. Голос его звучал отдалённо, как будто сквозь толщу воды. Федя даже не пытался сосредоточиться. Он смотрел.

На противоположной стороне поля, на пустой трибуне, сидела девочка. Надо сказать, это была совершенно заурядная девочка, которая ничем не выделялась среди других. Разве что тем, что она пришла поглазеть на тренировку юношеской команды по футболу.

Она подняла руку и помахала ему. На поле было полно парней, хороших игроков и не очень, но она махала именно ему. В этом он почему-то не сомневался.

Федя было решил, что видел её раньше. Встречал где-то. Возможно, в школе, а может, в парке, куда уходил, чтобы почитать комиксы, — но никак не мог этого припомнить. Её рыжие волосы, бледная кожа, черты лица — всё казалось ему знакомым. Потом он посмотрел на маленького пса, который сидел у неё на коленях, и убедил себя, что точно видит её впервые. Возможно, она просто хотела над ним подшутить.

Поэтому он решил, что не станет никак реагировать на её приветствие, но, прежде чем смог себя остановить, уже сам махал ей рукой и улыбался. Она улыбнулась в ответ, и эта улыбка удивительным образом преобразила её лицо. Будто бы секунду до этого она походила на надменную и мрачную ведьму, а теперь превратилась в милого ангелочка, который способен растопить лёд в сердце самого мрачного человека.

Костя проследил за его взглядом и хмыкнул:

— Ничё такая, ага?

Федя медленно кивнул.

— Как думаешь, фанатки часто сюда приходят? — спросил Костя.

Федя сделал паузу, осмотрел трибуны и только после этого ответил:

— Не не знаю.

— Да никогда, — Костя фыркнул. — Наверняка когото конкретного высматривает.

Федя не ответил. Он прекрасно понимал, на кого она смотрит, но всё же не мог этому поверить. По какойто непонятной причине девочка и пёс пришли понаблюдать за ним. При этой мысли Феде стало не по себе: он заёрзал на скамейке, вытер пот со лба. Он посмотрел на тренера, на Костю, парней из команды — на кого угодно, лишь бы вновь не встретить взглядом девочку.

Не смог удержаться и уже через мгновение вновь смотрел на неё. Она снова улыбнулась, и на этот раз улыбка её не казалась такой доброй и приятной — наоборот, в ней было чтото пугающее.

Черты девочки стали чёткими, как на старой выцветшей фотографии, где всё вокруг размыто, но одно лицо выделяется с пугающей резкостью.

Федя вдруг осознал, что на поле царит полнейшая тишина. Казалось, что само футбольное поле завибрировало от этой тишины, а трава вытянулась, вбирая в себя все звуки. Гдето на середине остановился мяч, похожий на маленького испуганного зверя.

Тренер застыл с открытым ртом, парни из команды замерли в неестественных позах: кто-то, наклонившись, собирался завязать шнурки, кто-то — с пальцем в носу. Всё походило на кадр из фильма, который поставили на паузу в самый неудачный момент. Просто щёлкнули на значок с двумя параллельными линиями — и всё остановилось.

Кроме Феде. Он попрежнему мог двигаться. Ущипнул себя как можно больнее за ногу и тут же сам об этом пожалел: боль была настоящей.

Он посмотрел на другой конец стадиона и увидел, что он не единственный, кто мог двигаться в этом стопкадре. Девочка поднялась с трибуны, держа на руках своего пса. Теперь он не спал — тоже с интересом разглядывал его и водил носом.

— Федь, ты чего?

Он вздрогнул, огляделся. Костя смотрел на него с беспокойством.

На поле шла игра. Мяч двигался. Тренер говорил. Будто бы ничего и не менялось. Разве что трибуна полностью опустела.

Никакой девочки. Никакой собаки.

***

Федя вышел из ворот спорткомплекса, заткнул большие пальцы за лямки рюкзака с Флэшем и направился в сторону остановки. Он думал, что вышел последним — специально, чтобы не столкнуться ни с кем из ребят на проходной. Однако, когда он оказался за воротами, то услышал шаги за спиной.

Мальчик зажмурился, словно это действительно помогло бы ему стать невидимым, но через секунду кто-то сильно хлопнул его по спине.

— Эй, Бобёр! — прозвучал знакомый голос.

Кто-то поравнялся с ним. Федя громко вздохнул и открыл глаза. Рядом шёл Костя.

— Как тебе первая тренировка? — спросил он.

Федя хотел рассказать о том, что тренировка вроде ничего, но это несправедливо — что ему не дадут шанс играть. Ведь до игры с «Лисами» ещё почти две недели, и он сможет подготовиться. Кроме того, он может играть — понастоящему может! Ещё он хотел сказать, что он не Бобёр и ему не нравится, когда так его называют. Он привык к издевательствам, привык. Но он столько ждал от этой тренировки. Теперь он устал, измучен и разочарован, а ещё слова всё время застревают у него в горле. Вместо этого он просто произнёс:

— Сойдёт.

— Клёво потренились же, а? Ты чего такой кислыйто? — спросил Костя.

— Да так. Просто не хочу всё время сидеть на скамейке, — с трудом проговорил Федя.

— Пф-ф-ф! Ну а чего ты хотел? Матч с «Лисами» — это тебе не в тапки ссать, как говорит Бзыков. Мы ни разу не выигрывали их, если что. А ты новичок! Тебе нужно ещё работать, многое узнать, натренироваться, понимаешь?

— Ага, — бросил Федя и ускорил шаг.

Послышались сигнальные огни, и сразу две машины полиции пронеслись мимо по улице, спеша кудато.

— Ого, случилось, наверное, чего! — сказал Костя.

— Случилось, — подтвердил Федя, и тогда он почувствовал, что действительно что-то такое ужасное произошло — то, что коснётся и его, хотя машины с мигалками летели всё дальше по улице. Казалось, это почувствовал и Костя, поскольку его лицо на мгновение накрыла тень страха.

Воспользовавшись этой заминкой, Федя поспешил вперёд.

— Завтра приходи! Будем больше с мячом работать. Тебе понравится, — крикнул Костя в спину Феде.

Глава 25 Где прячутся неудачники

Многэтажный дом чернел на фоне вечернего неба — громоздкий и мрачный. Его бетонные стены, усеянные пятнами облупившейся краски и копоти, в тусклом свете уличных фонарей казались ещё угрюмее. Лишь редкие окна горели усталым теплом. Дом выглядел так, будто измотанный жизнью бродяга, который не в силах больше сделать ни шага. Он стоял, зажатый между хозяйственным магазином и почтой: вдвоём они словно поддерживали его, не давая свалиться.

Федя доковылял до подъезда, ощущая, как ноги налились свинцом, а всё тело ноет от усталости. На первом этаже, за пыльными стёклами, ждала его квартира. В окнах горел приглушённый свет, и на подоконнике выстроились ряды горшков — десятки цветов, от крошечных фиалок до разросшихся фикусов. Зимой они молчаливо прятались в разных комнатах, но с приходом лета мама решила: теперь они будут здесь. «Здесь самое удачное солнце», — говорила она, словно это имело какое-то значение. Но герань с жалко поникшими листьями намекала, что с этим можно поспорить.

За шторами правого окна промелькнул слабый голубоватый отблеск телевизора. Отец, конечно, сидел в кресле. Футбол, новости, какой-нибудь старый боевик с плохим дубляжом — всё как всегда.

Федя скользнул взглядом дальше. Окно сестры было плотно зашторено. Он вздохнул. Она дома. Не ушла тусоваться со своими чокнутыми подружками.

Главное, чтобы не начала спрашивать про тренировку. Не сейчас. Ему не хотелось отвечать на её насмешливое: «Ну что, забил свой первый гол?» Не хотелось слышать этот голос, не хотелось видеть её взгляд. Не хотелось снова чувствовать себя неудачником.

Федя вставил ключ в замок и медленно повернул, стараясь не издать ни звука. Дверь скрипнула — конечно же, она завывала именно тогда, когда ему меньше всего хотелось привлечь внимание. Он затаил дыхание, надеясь, что мать не услышала, но свет в кухне уже горел. Изза двери доносился негромкий звон посуды, перемежаемый монотонным голосом диктора вечерней радиопрограммы. Значит, никуда не деться.

Федя разулся, стянул ветровку и замер, заглядывая в коридор. Только бы никто не заметил. Не заметил, как у него всё написано на лице: усталость, обида, злость на самого себя. Как хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть, стать невидимкой! Тренировка Господи, что это вообще было? Всё пошло не так.

Он представлял футбол другим — азартным, стремительным, как сцена из фильма, где команда играет как единый организм, а мяч будто приклеен к ноге. Но реальная тренировка ничем на это не походила: бестолковые изнуряющие упражнения, которые ничего общего не имели с футболом, который он знал.

Федя почувствовал, как ком подступает к горлу. Очередная неудача. «Не сейчас», — подумал он. Он сел на табурет в прихожей и уставился в пол, где валялся старый, облизанный собакой мяч.

— Мама, я дома, — пробормотал он, сбрасывая кроссовки.

Мама вышла в коридор, протирая руки полотенцем, и на мгновение Федя застыл. В фартуке с вишенками, с маской для лица и платком на голове она напоминала грабителя банка. Но не обычного. Такой грабитель был бы не слишком страшен, скорее даже симпатичным: он вежливо попросил бы отдать вещи, а на прощание оставил в подарок горшочек с геранью — и положил бы туда инструкцию по уходу за растением.

— Так долго, — протянула она. — И как всё прошло?

— Х — Федя запнулся, рюкзак с Флэшем скатился с плеча на табурет. — Хорошо.

— Пойдём, чем-нибудь накормлю, — позвала она.

Прежде чем Федя успел отказаться, она увлекла сына на кухню, где усадила за стол и принялась разогревать ужин в микроволновке.

— Ну, рассказывай, — она потрепала его по голове.

— Да что рассказывать, — отмахнулся Федя.

Он старался смотреть мимо неё, но она так настойчиво ловила его взгляд, что в конце концов он сдался и выложил ей, как прошла тренировка. Без подробностей, но так, чтобы она поняла: такой футбол, где он не будет играть в составе команды, ему не нужен.

Мама улыбнулась, поставила перед ним тарелку жаркого и положила вилку.

— Это же только первая тренировка. Со временем и ты сможешь играть на соревнованиях, турнирах или что там у вас. Ты же это и сам понимаешь. Самата тренировка тебе понравилась?

Федя покачал головой.

— Что? Совсем нет?

— Понравилась. Отличный тренер парни в команде дружные, — соврал Федя, поскольку не хотел ещё больше расстраивать маму. — Просто я не хочу.

— Ну перестань, — мягко успокаивала мама. — Ты ведь столько времени хотел пойти на эти тренировки. Заставлять тебя никто не будет, но давай ты сходишь ещё на парочку занятий, а уже после этого примем решение?

Федя хотел много чего об этом сказать. Например, что на тренировку он возвращаться не собирался, поскольку, судя по всему, он просто так и будет там бегать по полю и отрабатывать удары вместе с Кабаном. Потом, может, даже поучаствует в тренировочных матчах — и на этом всё. К тому времени футбол ему окончательно осточертеет. Он просто не верил, что его когданибудь пустят на поле — на настоящую игру.

Может быть, он даже и сказал бы всё это, но в этот момент в кухонном проходе появилась его сестра.

Она была на четыре года старше Феди — шумная, вечно кудато опаздывала, никогда за собой не убирала и постоянно всем недовольна. Это бесило. Причём непонятно, кого это бесило больше: Федю или его сестру — подростка, которой уже разрешили сделать пирсинг в носу.

— Чё там, вонючка? Опять всё запарол? — начала она.

Федя покачал головой.

— Запарол, запарол! — усмехнулась сестра и показала ему язык. — Да не парься! Попробуй заняться квадробингом. Там у тебя хорошие шансы.

— Жопошница, — проговорил Федя, отложив вилку.

— Задница козла, — ответила сестра.

— Так, Света, перестань! Оба прекратите! — вмешалась мама.

В этот момент, как назло, на телевизоре включилась реклама, и вскоре отец уже шлепал тапками по направлению к кухне. Этого Федя никак не собирался терпеть: опять повторится этот вопрос, только на этот раз он будет жёстче и настойчивее — со всем упорством и назойливостью, которую мог себе позволить отец.

Не дожидаясь, пока обладатель тапочек тоже зайдёт на кухню, Федя поднялся и вышел.

— Я в комнату. Мне нужно доделать уроки, — бросил он, встретив вопросительный взгляд отца в проходе.

Никаких уроков Феде не нужно было доделывать: все их он приготовил ещё перед тем, как идти на тренировку. Однако ему так отчаянно хотелось остаться одному в пустой комнате, что он готов был пожертвовать ужином.

Он шагнул внутрь и тихо прикрыл за собой дверь. Не включая свет, добрался до стола, нащупал спинку жёсткого деревянного стула и плюхнулся на него. Стул скрипнул — недовольно крикнул, но в этом звуке было чтото привычное, даже успокаивающее.

Мысли гудели, как рой ос, больно жала каждую секунду.

«Какого чёрта всё так вышло?» — думал он. В его голове первая тренировка по футболу, которую он столько времени ждал, — это сцены из крутых фильмов, где каждый игрок — герой. А на деле? На деле это сплошной ужас, унижение и отсутствие реальных перспектив играть в настоящий футбол.

Обычно в такие моменты спасали комиксы. Любимый номер с Флэшем — тонкие страницы, шуршащие под пальцами, красные молнии, размытые линии скорости. Он открывал его и забывал о реальном мире.

Федя поднял глаза на серию постеров над столом. Крутой парень с молнией на груди мчался через пространство и время — тот, кто никогда не сдаётся. Сейчас даже он не мог помочь.

Федя медленно опустил голову на руки и закрыл глаза. Он чувствовал себя невероятно уставшим: всё тело болело, в голове творился бардак.

Сначала мысли продолжали метаться, как загнанные в клетку птицы, ударяясь о стены сознания. Потом они стали расплываться, превращаться в зыбкие образы. Разрозненные картинки сменяли друг друга, мешались, не давая ухватить ни одну из них. Почти на каждой картинке находилась девочка со стадиона и её лохматый приятель. Почти всегда он чувствовал опасность, которая от них исходила.

Наконец он заснул, и ему приснился настоящий сон. В нём Федя бежал по полю. Всё происходило не так, как сегодня: никакого страха, никакой растерянности. Он знал, что делает. Он управлял игрой, а не она им. Мяч слушался его, летел туда, куда он хотел. Он двигался быстрее всех, намного быстрее, словно являлся частью красного урагана, разгонявшегося вокруг него.

Он был другим. Он был тем, кем всегда хотел быть.

Но что-то пошло не так. Сначала зрители на трибунах начали исчезать. Потом растворились другие футболисты. Стадион пылал огнём, а трава под ногами стала серым пеплом. Он уже не бежал, а просто стоял среди горы догорающих серых костей.

— Федя! Федя!

Голос вырвал его из вязкой тьмы.

— Просыпайся, завтракать пора!

Глава 26 Особо ценные кадры

Виталий Прозибайко неторопливо шагал вдоль рядов камер. Он чувствовал на себе взгляды обращённых к нему десятков диких глаз заключённых — людей, прозябающих в полумраке тесных клеток, где смрад и злоба плодились подобно вредоносному грибку.

В изоляторе было тихо, за исключением стонов, которые доносились из самой дальней камеры — стонов, вызванных чьимто ночным кошмаром, когда демоны, столь усердно возвращённые и вскормленные, теперь выбирались наружу, рвали и металы.

— Нет, пожалуйста! — в конце концов завопил голос из дальней камеры.

— Да заткнись ты там! — крикнул кто-то из другой камеры.

— Завали, убудок! — пропыхтел кто-то из следующей.

Однако оба замолчали, увидев сквозь прутья решётки проходящего мимо полицейского. Один раскрыл рот, не в силах оторваться от увиденного, а другой упал на пол и задвигал ногами, пытаясь отползти как можно дальше. Они увидели и не сказать, чтобы этому обрадовались. Все совершенные ими грехи превратили и их самих в нечто нечеловеческое, что позволяло им видеть того, в кого на самом деле превратился Виталий Прозибайко.

Теперь это был демон с мраморной красной кожей, по которой бежали и струились искры. Всё лицо его словно вылеплено из острых углов, сшитых между собой чрезмерно выпирающими гранями. Пустые глазницы горели огнём, словно в голове Виталия теперь раздували адскую жаровню.

Виталия остановился напротив того, кто всё ещё продолжал пялиться на него промеж двух рук, крепко державших прутья решётки, и накрыл его руки своими лохматыми нечеловеческими лапами. Сверкнула короткая вспышка — и заключённый повалился на пол, так и не успев сообразить, что в действительности произошло. От его тела поднимался жидкий дымок.

Прозибайко захохотал своим новым каркающим смехом, и другие заключённые постарались убраться как можно дальше от решёток — к противоположной стене. Виталий удовлетворённо улыбнулся сам себе. Ему нравилась эта новая необузданная сила, которую он получил от Булгорга — Всеначинающего. Эта новая сила заняла всё существо Прозибайко, и теперь уже ни о какой лапше быстрого приготовления и колбасе он не думал. Всё его естество было подчинено власти электричества, которое билось у него внутри. Люди, не знавшие столь низменных пороков, как обитатели изолятора, не увидели бы внешних различий, но стоило только заговорить

Послышался громкий жалобный скрип двери, и Виталий с трудом протолкнул своё тучное тело в одну из камер, где на него с опаской смотрели ещё два заключённых. Один — настоящий гигант, крепкий и мускулистый, а другой — мелкий и худой. С первого взгляда можно было подумать, что это отец с сыном, но они были одного возраста.

— Данила и Кеша? — утробным голосом спросил Виталий.

Оба кивнули.

— Всё для того, чтобы сдохнуть, — проговорил обречённый Данила.

Кеша кивнул.

Оба заключённых мгновенно сникли, както даже прижались друг к другу, готовясь к самому худшему, но тут свет во всём отсеке для заключённых заморгал, послышался звук лопающихся лампочек — и в камере очутился Булгорг. Его рост был великоват для таких помещений, а потому он пригибался, хотя и всё равно царапал рогами потолок камеры.

— Просто прекрасные экземпляры! — воскликнул Булгорг и от души хлопнул Виталию по плечу. Огонь в его глазах чуть колыхнулся, а Данила и Кеша сделали ещё шаг назад — на всякий случай.

— Вы двое — законченных бездарей, которые не смогли справиться с женщиной? Наверное, и леденец у младенца не отберёте, — усмехнулся Булгорг.

Данила молчал, но Кеша силился что-то сказать своим безмолвным ртом.

— Со мной ты будешь говорить, — произнёс Булгорг.

Он сделал жест рукой, рассекая электрический воздух перед собой, и мычание Кеша вдруг стало превращаться в слова.

— Там ещё был кот и этот мужик, — проговорил Кеша. Дуров смотрел на него с неприкрытым восторгом.

— Ну да, ну да, — произнёс Булгорг. — С нимто, кажется, и будут проблемы.

— С котом? — спросил Данила.

Булгорг театрально закатил глаза.

Глава 27 Стрекоза

В следующий раз вместо секции Федя сбежал в парк. Здесь, на лавочке, верный рюкзак с Флэшем делился с ним комиксами про супергероев. Ни один из них не отработывал нудные приёмы и не читал инструкций к своей суперсиле. Супергерои просто получали её — и тут же становились непобедимыми бойцами со злом. А главное, они получали способность влюблять в себя окружающих.

Ветер шурился где-то в листве, солнце светило в лицо, а Флэш скакал по страницам комикса, истребляя всякую нечисть. Это всё, что требовалось тогда Феде, чтобы уйти от реальности, где он не мог найти себе места.

В воздухе весело плясала зелёная стрекоза. Это была не маленькая стрекозка размером со спичку, а настоящая королева стрекоз — громадина. Огромные всевидящие глазалокаторы и мощные крыльяхлопасты. Она напоминала боевой вертолёт для уничтожения комаров и мошек. Возможно, именно поэтому Федя очень уважал стрекоз.

Она немного повисела в воздухе перед ним, а потом осторожно присела на краешек журналы. На секунду замерев, стрекоза подняла передние ноги и начала чистить своё тело. Федя с умилением наблюдал за процессом: рассматривал необычный изумрудный окрас насекомого, который пересекали жёлтые полосы. Представлял, как она несётся над травой, выслеживая добычу, а потом пикирует вниз и быстрым ударом разит цель.

Послышался хлопок. Резкий поток воздуха ударил в лицо. Если верить ощущениям, прозвучал он прямо перед Федей. Однако никого перед собой он не видел. Что оказалось ещё более странным: следом за хлопком прекрасная королева стрекоз замертво шлёпнулась на колени.

Он видел, как подёргивались её переломанные крылья, как двигались жвала у свёрнутой набок головки. Она всё ещё силилась дать отпор и изо всех сил старалась укунить невидимого обидчика.

Федя вздрогнул, обернулся назад — но никого не увидел. Детишки помладше попрежнему играли на другой стороне аллеи, влюблённые парочки жались по лавочкам, продавец мороженого покачивался в своём кресле. Ничего не изменилось. Только вот стрекоза оказалась зверски изувечена. Убита.

Когда он повернулся обратно, то обнаружил, что она затихла и больше не подаёт никаких признаков жизни. Он заметил ещё одно: прямо у его ног маячила крупная тень. На первый взгляд, не было в ней ничего необычного — кроме разве что парочки странных прямоугольных отростков на макушке.

На плечо мальчика легла огромная ладонь. Нет, когтистая лапища. Вторая лапа тут же потянулась к коленям Феде и схватила стрекозу за крыло. Он вздрогнул, осматривая незнакомца. Тот широко открыл рот, обнажив неестественно длинные острые зубы. Затем выставил — нет, выкатил длиннющий язык и положил на него трупик стрекозы. Она пропала во рту, тогда как незнакомец с явным смаком принялся её пережёвывать.

— Тяжело быть не таким, как все, — проговорил он.

— Кто вы? — спросил Федя, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Незнакомец наклонил набок бледное лицо, как это делают собаки. Рассматривал его своими ненормальными глазами, которые чуть блестели.

— Я? Я тот, кто может сделать тебя звездой. Тебя все полюбят, Федя. Никто больше не станет обзывать такого замечательного парня, как ты. А ты ведь замечательный парень?

Он запрыгнул на скамейку, а потом плюхнулся на зад и громко рассмеялся. Звук этот был похож на карканье вороны.

— Хоть ты и страшный, а ещё тупой, — он продолжал от души гоготать.

Федя молча смотрел на него, не зная, как реагировать. Вроде ему в самую пору дать дёрну и покончить с этим всем. Бегатьто он умел, но он будто приклеился к деревянным доскам лавки. Чтото не давало ему пошевелиться.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. Напротив, я могу помочь. Ведь ты хочешь, чтобы всё изменилось, правда? Хочешь стать лапочкойлюбимчиком?

Федя сглотнул, чувствуя, как внутри поднимается странное, почти болезненное волнение.

— Я — начал он, но замолчал.

— Давай проще, — мужчина принял спокойный, даже мрачный вид. — Ты устал. Устал, что над тобой смеются. Устал доказывать всем, что чегото стоишь. Устал бежать от всех трудностей.

Федя сжал кулаки, вспоминая каждое унижение в школе и на тренировке. Всё это теперь возникало перед его мысленным взором: он видел, как бежит через школьный двор от парней, которые хотят над ним поиздеваться, видел, как тыкает в него пальцем учитель физики, как насмеваются над ним парни из футбольной секции.

«К чёрту всё это!»

— Это нечестно, — тихо сказал он, опуская глаза.

— О, ты прав! Конечно, нечестно, — подтвердил мужчина. — Но жизнь редко бывает честной. Комуто достаётся всё, а комуто — длинные передние зубы и дурацкое заикание. Ещё ктото становится высоким и сильным, а другой — слабым и неказистым.

Они некоторое время молча сидели, уставившись в пустоту перед собой. Оба мрачные и отрешённые: взрослый мужчина в пиджаке и мальчик в футболке команды «Беркутов».

— Зато я знаю, как тебе помочь! — воскликнул незнакомец, внезапно повеселев.

Федя поднял взгляд.

— Как?

Мужчина протянул руку. В ладони лежал небольшой лист бумаги, испещрённый тонкими золотыми линиями, похожими на сложный рисунок паутины.

— Это контракт, — произнёс он.

— Контракт? — недоверчиво переспросил Федя.

— Всего одна подпись — и ты получишь то, чего действительно заслуживаешь.

Федя снова посмотрел на листок. Линии на нём светились слабым золотистым светом.

— А что я должен буду сделать? — осторожно спросил он, даже не заметив, что перестал делать эти отвратительные паузы между слов.

Мужчина улыбнулся, но в этой улыбке было чтото тревожное и одновременно насмешливое.

— Всё просто. Тебе не нужно ничего особенного. Просто живи, как жил. Я лишь дам тебе одну вещь, которая немного изменит правила игры.

— Изменит? Как?

— Например, тебе больше не придётся доказывать другим, что ты чегото стоишь. Ты станешь тем, кого невозможно будет игнорировать. Тебя увидят. Тебя заметят. Возможно, ты даже найдёшь себе друзей. Твоя жизнь точно станет другой.

— Это невозможно, — вырвалось у Феде. — Ты врешь! Такого не бывает! — он почти кричал.

— Я прекрасно тебя понимаю, — незнакомец тяжело вздохнул. — Сложно поверить, что в этом мире есть вещица, способная изменить твою жизнь. Ты можешь и дальше сидеть здесь и листать свои комиксы, прячась от всех. Но что будет потом? Закончишь свою жизнь в какой-нибудь канаве? Я же предлагаю тебе просто попробовать воспользоваться моим изобретением. Эта штука многим помогла.

Федя задумался.

— И что за это надо? — спросил он.

Мужчина снова побочачьи наклонил голову.

— О, всего лишь мелочь. Ничего, о чём стоит переживать.

Федя почувствовал, как сомнение вновь закралось в его душу.

— Если ты не хочешь, — добавил мужчина, вставая, — я не настаиваю. Просто подумай, насколько сильно ты желаешь всё изменить.

Он шагнул в сторону, и Федя поспешно схватил контракт.

— Подпишу, — сказал он.

Мужчина вернулся, его улыбка, полная острых зубов, стала шире.

— Хорошо. Здесь, — он указал на нижний край листа длинным ногтем, который больше напоминал коготь.

В руке Феде словно из ниоткуда оказался тонкий металлический стилус. Он, не задумываясь, вывел своё имя.

Как только последний штрих был завершён, листок вспыхнул и исчез, рассыпавшись искрами.

— Отлично, — произнёс мужчина, вставая. — Теперь просто жди. Всё начнётся само.

Он отвернулся, сделав пару шагов, но Федя окликнул его:

— Подождите! Кто вы?

Мужчина обернулся, его глаза блеснули чемто нечеловеческим.

— Зови меня Яалом.

Он ушёл, припрыгивая по парковой дорожке, словно мальчуган, который только узнал о начале летних каникул. Через пару минут рюкзак с Флэшем громко зажужжал – и Федя обнаружил в нём телефон.

Глава 28 Вратарь

Конечно, Федя вернулся на тренировки. Вечно отсиживаться в парке во время занятий в секции футбола никуда не годилось, а сказать семье, что он в очередной раз всё провалил и сдался, он просто не смог. Стыдно было смотреть в глаза отца, который никогда его ни в чём прямо не обвинял, но всё равно делал это — своим взглядом и даже шарканьем тапок по коридору.

Он переоделся молча, не спеша, смиренно выслушал издевательства парней, и, когда поступила команда выйти на поле, вышел. Костя опять пытался его ободрить, но делал только хуже. Этот парень ни черта не понимал о том, что значит не быть суперкрутым — быть Бобром. Да и откуда было ему это знать?

Федя бегал по полю, задыхался, падал, пытаясь ударить по мячу, — ноги подводили его в самый неподходящий момент. Потом вставал и под грозный рёв тренера опять пытался играть. Всё давалось тяжело, ничего не выходило. О том, что его возьмут играть в основной состав, можно было забыть.

После тренировки все растянулись по лавкам. На этот раз обошлось без эпохальных речей тренера. Одни обсуждали предстоящую «бойню» с Лисами — по их мнению, это будет именно бойня: Лисы не оставят от них и мокрого места. Другие сразу сбежали — вроде Лёхи и Рыжего. Федя вновь долго возился со шнурками и складывал вещи в свой рюкзак. Рядом растянулся Костя, потягивая воду из бутылки.

— Эй, Бобёр, — сказал он, уставившись куда-то в стену, — мы с парнями во дворе собираемся поиграть. Вечерами, ну, когда дни не сильно нагруженные. Лайтовые. Приходи.

Федя чуть повернулся:

— Ты серьёзно?

— Ага. Неофициально. Просто гоняем мяч — без криков, блевотных тренерских указок. Просто на расслабоне. Парни там всякие есть, полный рандом — не только из команды. Некоторые ещё похуже тебя будут, но мы играем — кто как может. Просто по фану.

Он кивнул — слишком быстро, как будто боялся, что сейчас сам начнёт сомневаться и откажется.

***

Костя не соврал.

Во дворе было подругому — не как в футбольном клубе: без свистков, без строгих правил. Всё проще: рваное поле, покосившиеся ворота, свет от фонаря с жужжащей лампочкой. Парни, одетые кто во что: старые худи, майки, шорты всех цветов и разной длины.

Сюда приходило много парней из команды. Рыжий всегда стоял на воротах, а ещё — конопатый и неугомонная парочка, каждый из которых считал нужным подколоть другого. Остальные, видимо, — местные ребята из соседних дворов. Играли действительно кто как, но игра шла.

Федя долго стоял на краю поля и наблюдал, пока Костя не втянул его в игру. Здесь над ним никто не смеялся, не травил за слабость и неумение вести мяч. Он просто играл — и ему понравилось.

Он стал приходить сюда каждую среду и субботу, играл в своё удовольствие — и это было глотком свежего воздуха после душных и изнурительных тренировок в клубе. За это он был очень благодарен Косте — не говорил ему, но всё равно был очень благодарен. Пусть тот и самовлюблённый заносчивый кретин, но он хотя бы пытался походить на человека.

В один из вечеров Рыжий не пришёл на дворовую тренировку.

— Слушай, Федь, — Костя выглядел всерьёз растерянным, — встань в ворота, а? Ну сегодня. Попробуй. Надо же комуто.

Федя замер. Костя впервые не назвал его Бобром — и только это одно сильно настораживало. К тому же он понятия не имел, как это — быть в воротах. Там всё иначе. Но он должен Косте — считал, что должен, — и молча пошёл. Встал в ворота. Выходило както неловко: он стоял как деревянный солдатик, не знал, куда деть руки. Вытянул вдоль тела, как будто они мешают, или, наоборот, растопырил. Потом, когда игра пошла, — чуть увереннее: расставил ноги, немного присел, смотрел.

Первый удар пришёл неожиданно: мяч — низом, прямо по центру, но с подскоком. Он не думал — просто бросился, отбил ладонями. Стукнуло по пальцам — звонко, больно, но неважно. Боли он как будто и не заметил — внутри разгорался восторг.

Федя продолжал смотреть, следил за ногами, за полем, за самими игроками, за мячом.

Потом — второй, в угол. Он нырнул, вытянул руки, почувствовал мяч, поймал.

Дальше всё стало как в комиксе про Флэша: время замедлилось. Он быстро учился, поддавался инстинктам. Смотрел на плечи, на замахи, на глаза игроков. Он начинал чувствовать, где будет удар, ещё до того, как нога тронула мяч. Прыгал, падал, вставал — и снова ловил. Вот она, его суперсила.

Когда он в очередной раз вытащил мяч из угла, даже Костя заорал откудато сбоку:

— Да ты зверь, Бобёр! Ты, твою мать, просто король ворот!

Федя усмехнулся, тяжело дыша. Почемуто теперь это прозвище не казалось ему обидным. Тогда он мог простить это Косте, мог простить всё что угодно. Внутри стало легко — как будто его место всегда было здесь, между штангами, где нужно не гнаться, не бежать, не обводить, а просто стоять и защищать — до конца.

После той игры он уже никогда не играл в защите или нападении — всегда стоял в воротах: то в команде Кости, то против него. Рыжий поначалу психовал, что тот метит на его место, но после разговора с Костей махнул рукой и просто играл.

Поле всегда пустело после дворового футбола — становилось тихо. Казалось, что даже свет фонаря тускнел, а в соседних домах гасли окна. Федя сидел на траве у ворот, стянув перчатки, и разглядывал пальцы — покрасневшие, поцарапанные, но чётко выполнявшие свою работу.

Костя подошёл, тихо сел рядом. Пахло мятной жвачкой и сыростью.

— Зачётно сегодня играл, — сказал он и протянул бутылку воды, — даже не ожидал.

Федя пожал плечами:

— Спасибо, — выдавил Федя.

— Я вот что думаю: нужно тренеру сказать. Рыжий явно до тебя не дотягивает. Ты реально круче в воротах. Уж не знаю, откуда это у тебя, но это прям твоя тема.

Федя немного испугался, но вместе с тем испытал восторг.

— Не надо! — взмолился он.

— Да чё ты? Нормально всё будет. Пусть тренер тебя посмотрит.

Они помолчали. Вдалеке кто-то слушал совершенно нелепую музыку — долетали обрывки фраз про котов, аниме и любимую девушку.

— Мне тут нравится, — сказал Федя.

— Знаю, — кивнул Костя. — Я вообще сюда из дома убегаю. Иногда даже не изза футбола — просто чтоб быть не там.

Федя посмотрел на него. У Кости голос стал тише, будто он проверял, можно ли так — говорить вслух то, что обычно держишь внутри.

— У меня отец, знаешь, как будто меня ненавидит и убить хочет Ну, не понастоящему. Знаешь, вроде я всё не так делаю, всё не то: тупой, оценки свои смотри и вообще — чем ты целыми днями занимаешься? Кровать и ту заправить не можешь. Постоянно орёт, короче. А

тут — он кивнул на поле, — тут ты просто ты. И если чтото у тебя получается, то ты красавчик — без условий. Красавчик, и всё. И никто не орёт.

Федя кивнул — медленно. Он понял, о чём Костя. Теперь он вообще по-другому на него смотрел. Может, между ними и не такая большая пропасть, как ему казалось.

Федя любил своих родителей, и они любили его. Просто они его не видели — или видели не того. Пытались из него сделать того, кого им хотелось. Похоже, и родители Кости его в упор не видели.

— Слушай, — сказал Федя, — не надо говорить тренеру. Я буду здесь играть в воротах. На тренировке останусь бесполезным Бобром.

Костя усмехнулся, молча хлопнул его по плечу — не как старший, не как капитан команды, даже не как крутой парень мелкого пацана, а просто как друг. И что-то было в этом жесте такое, что Федя понял: Костя всё равно расскажет тренеру, но это будет не страшно. Даже если он не справится.

Глава 29 Перелом

Если Костя и попросил тренера проверить Федю на воротах, то тот никак на это не отреагировал. Во всяком случае, там ничего не поменялось: те же выматывающие тренировки, то же пренебрежительное отношение, те же насмешки. При этом Федя чувствовал себя на них увереннее — не так быстро уставал и

Однако оказалось, что некоторые игроки, которые не ходили на дворовые тренировки, всётаки узнали о Фединых успехах в качестве вратаря. Особенно это задело Рыжего.

После тренировки Костя очень торопился и первым выскочил из раздевалки, а Федя остался один на один со всей командой.

— Нука, Бобёр, прогрызи мне упаковку — выдал Рыжий, бросив пакет с печеньем в Федю.

Федя увернулся, стараясь не замечать его нападок.

— Ты чё, типа ещё и немой? Или в уши тебе нассали? — Рыжий шёл к нему — высокий и жилистый. Другие парни в раздевалке с предвкушением и даже с какимто восторгом замерли в ожидании весёлого представления. — Я говорю — открой мне упаковку!

Федя старался не реагировать. Упаковка лежала у его ног. Сам он замер, будто всё же удалось ему стать человекомневидимкой и вотвот Рыжий пройдёт мимо. Но тот его видел: подошёл и похлопал по голове, как будто успокаивал щенка.

Федя подумал: как бы поступил Флэш? Позволил бы он так с собой обращаться? Вот уж нет — он разнёс бы Рыжего и эту раздевалку к чёртовой бабушке. На какое-то мгновение эти мысли дали сил, и Федя медленно поднял голову, посмотрел прямо в лицо обидчика.

— Отвали, — сказал он негромко.

Рыжий прищурился:

— Чё ты сказал? Ты типа послал меня сейчас, да? Ты, лошара!

— Ты слышал, — ответил Федя.

Он чувствовал, как у него стучит сердце — громко, сбивчиво. Виски болели. Больше всего на свете ему хотелось уйти — просто уйти: развернуться, сбежать, сделать вид, что ничего не было. Но он остался. Ноги словно вросли в пол. Он продолжал смотреть Рыжему в глаза.

Потом он размахнулся и съездил ему прямо в правое ухо. Может, это был не самый его мощный удар, но от него Федя влетел головой в шкафчик и повалился на пол. Сознания он не потерял — довольно быстро вскочил на ноги, как будто только этого удара и ждал. Сделал шаг навстречу Рыжему и изо всех сил пнул его в живот.

Тот скривился и тут же вновь саданул Федю в другое ухо. Он снова отлетел — на этот раз приложился лбом об пол и вставать уже не мог.

— Эй, хорош! — прокричал кто-то.

— Ты же убьёшь его! Хватит, слышь! — кричали другие.

***

Он прошёл к себе в комнату, надеясь остаться незамеченным. Плотно закрыл дверь и выключил свет. Потом уселся за свой скрипучий стул и уставился на постеры с Флэшем, которые теперь выглядели както уныло.

Федя начал заново пережёвывать случившееся с ним и Рыжим. Что, если бы он взял с пола чтонибудь потяжелее и с размаху саданул им Рыжего? Тот бы не упал, но надолго запомнил его удар — получил бы по заслугам. Федя вспоминал, как Рыжий ударил его: боль, которая пронзила всё тело, а ещё этот синяк на лбу и рассечённая кожа.

Теперь, в темноте, Федя думал, что Рыжий не хотел на этом с ним заканчивать. Нет, тот хотел избить его до полусмерти — не просто унижить, а сделать его настоящим инвалидом! Всё это казалось вполне реальным: именно так он и собирался поступить, а другие ребята не стали бы его останавливать. Федя ведь видел их восторженные улыбки, смех. Если бы тогда тренер не зашёл, лежать ему сейчас в больнице.

Резкий свет полыхнул откуда-то из глубины выдвижного ящика, резанул глаза — и Федя чуть не упал со стула от неожиданности и удивления. Сердце опять бешено колотилось в груди. Он осторожно протянул руку, дёрнул за ящик и отпрыгнул, словно там внутри находилось что-то очень опасное — как самая ядовитая змея на свете или бомба. Точно, бомба!

Но там лежал телефон — странный телефон, о котором он уже почти забыл. У которого должна была закончиться зарядка, и он должен был мирно покоиться среди ценных стикеров «Марвел» и журналов комиксов. Но теперь телефон ожил — не просто ожил, а требовал, чтобы на него обратили внимание!

Федя испугался, поэтому включил свет в комнате и уже после этого вытащил этот злое-щий подарок из ящика. Экран сразу погас — совершенно пустой и чёрный, в котором Федя видел своё отражение, даже ссадину на лбу. Боковых кнопок он не обнаружил, а потому посту-чал по экрану — и тот вновь ожил. Загорелся значок микрофона. Федя приставил телефон к губам и сам не понял, как начал лепетать — сбивчиво, медленно, с трудом выплевывая слова. Он слышал, как его голос эхом отдавался в динамике телефона — чужой и страшный:

— Сегодня меня побили. Побили и унизили. Этот урод Рыжий из футбольного клуба. Я ведь ничего ему не сделал! Я вообще ничего никому плохого никогда не делаю. Зачем он так?

Закончив жаловаться телефону, Федя убрал палец с экрана — на нём загорелось три иконки: переломанная кость, лужа и пистолет. Федя просто нажал на первую из них, и телефон тут же погас.

В этот момент дверь в его комнату немного приоткрылась — внутрь заглянул отец. Федя, конечно, решил, что, вероятно, по телевизору показывают рекламу и отцу просто нечем себя занять.

— У тебя всё хорошо, сынок? — спросил он.

— Всё хорошо, пап, — ответил Федя, хотя хорошо как раз не было, и нужно было ему рассказать. Пожаловаться на ублюдочного Рыжего, на тренера, на то, что он, возможно, так и не сможет играть в основном составе. Ещё можно было похвастаться успехами в дворовом футболе. Рассказать ему всё, но ведь он не поймёт — никогда не понимал.

— Как тренировки идут? — участливо продолжил отец.

— Да норм. Уже лучше стало, — ответил Федя.

Отец кивнул — по его виду можно было сделать вывод, что он не верит, будто всё норм.

— Ты это Я знаю, как оно бывает. Если хочешь, можем поговорить. Слышишь, Федь?

— Не сейчас, па, — взмолился Федя.

Отец кивнул и закрыл дверь.

Федя вдруг почувствовал себя таким уставшим — ещё очень-очень больным, как будто всё на свете сразу упало ему на плечи. Потому он положил телефон обратно в выдвижной ящик, выключил свет и лёг спать.

В пятницу на тренировке он узнал, что Рыжий сломал ногу. Причём перелом такой ужас-ный, что тот едва не потерял всю конечность целиком. Играть с Лисами Рыжему теперь точно не светило — впрочем, попрежнему не светило и Феде.

Конечно, он понимал, что телефоны не могут ломать людям ноги. Ещё он прекрасно знал, что телефоны, которые давно не заряжали, не станут светиться и показывать иконки. И уж тем более он понимал, что у любого телефона есть хотя бы одна кнопка, которая бы активизировала экран.

Но телефон записал его слова, а потом он нажал на иконку со сломанной костью. Поэтому он немного чувствовал себя виноватым. Рыжий — тот ещё козлина, но Федя никак не хотел никому ломать кости. Хотя, может, и стоило. При том, что он также понимал: ближайшие тренировки пройдут без издевательств одного из говноедов «Беркутов».

Глава 30 Маленькая месть

На следующей тренировке все только и болтали о том, что случилось с Рыжим. Каждый хотел высказать свою версию — они сходились в одном: у него сломана рука, и играть он не сможет.

— Говорю же, он напился, — уверенно заявлял Лёха, присев на край лавки. — Настоящего пива! И подрался. Точнее, его отмутузили где-то у подъезда.

— Да чушь, — перебил другой парнишка. — Ему отчим руку сломал. За мусор. Серьёзно. Рыжий же упрямый, как бык, послал — и всё.

— А мне сказали, он сам с балкона прыгнул, — тихо вставил Носов. — С третьего этажа. Типа хотел проверить, как приземляются ниндзя.

Ребята заржали.

— Да он бы убили, если бы прыгнул! — заметил кто-то.

Но тут подключился Вася с шестым номером — брови его были тревожно сведены:

— А я слышал короче, кто-то видел, как за ним гналась стая собак. Огромные такие, лохматые. А вела их мелкая дворняга, будто командир. Жуть.

— Да ну тебя

Конечно, никто не знал правды. Никто, кроме Феда, который винил во всём себя. Сам Рыжий не появился: не звонил, не отвечал на сообщения — как в воду канул. И с каждой новой версией, которую выдвигали парни, Федя чувствовал себя только хуже.

Со скамейки поднялся Костя, качнул своей обесцвеченной шевелюрой и уверенно направился к центру этого небольшого клуба фантазёров. Команда притихла. Костя бортанул плечом двенадцатого — хоть тот был и крупнее, но отшатнулся так, словно его огрели кувалдой.

— Хватит, — его голос был тихим, но в нём звенело железо. — Что вы тут устроили?

Он повернулся к Васе:

— Ты рядом с ним живёшь. Зайди к нему после тренировки. Узнай, что с ним.

Вася кивнул. Остальные переглянулись: кто-то крикнул, кто-то нервно усмехнулся.

— А кто на воротах будет? — спросил Лёха.

— Ну, Носов вон на замене, — сказал кто-то из парней.

— А чё ято? — возмутился пучеглазый Носов. — Я в защите же. Костя, ну скажи им!

— Пойдёшь, как миленький! — захихикал Лёха.

— Да не могу я в воротах! — продолжал бухтеть Носов.

— Вон Федя пойдёт, — сказал Костя.

— Кто? — удивился Лёха.

— Бобёр который.

— Да я это только — залепетал Федя.

— Нифига! — Костя качнул лохматой шевелюрой. — Ворота — это твоё! Там у тебя всё норм. Лучше тебя никто здесь всё равно там не стоит, а скоро игра с Лисами!

— Лисы, — фыркнул здоровяк Лёха. — Всё равно просрём вчистую.

Другие парни закивали.

— Точняк, эти, как и все предыдущие разы, а теперь ещё и с Бобром! — крикнул кто-то со скамьи.

— Видишь? — Костя кивнул за спину. — Никто даже не надеется здесь выиграть. Поэтому всё так и выходит: очередной позорный матч, за который Бзыков нам ещё и люлей отвешает. Никто не хочет играть этот матч, но мы должны попытаться. Верить надо, Федя. У тебя всё получится!

— Мож лучше тогда правда Носов пойдёт? — спросил высокий четырнадцатый.

— Предложим тренеру. Пусть смотрит, — ответил Костя.

Тренер свистнул в открытую дверь раздевалки. Вскоре команда была на поле. Играли очередной тренировочный матч. Федя тоже принимал в нём участие. Играл в защите — и у него даже иногда получалось выбить мяч из своей зоны. Однако, когда дело касалось скорости и необходимости обвести противника, он, как и прежде, давал маху.

Носов стоял в воротах у одной команды, пухлый парнишка — с другой. Оба отчаянно старались, но у них едва получалось защитить ворота от скольконибудь сложного удара. Носов так и вовсе терялся, когда у ворот начиналась заварушка. Федя при этом всегда знал, когда гола точно не избежать: видел ошибки, которые допускают вратари, — но ничего не мог с этим поделать.

Видел это и тренер, и даже основной состав команды. Наверное, именно поэтому они окончательно отчаялись, сдались. Все. Но только не Костя. Он носился по всему полю, словно и вовсе не знал усталости: вёл мяч, отбирал, забивал. Он не жалел себя, пытался показать пример другим — но всё было без толку.

***

После игры тренер дал время передохнуть. Федя сидел сбоку на земле, нервно теребя шнурки на бутсах, но исподлобья смотрел, как тренер и Костя о чёмто переговариваются. Это заставляло его нервничать: он только мог представить, о чём это они там шепчутся, — и то, что он представлял, не оченьто ему нравилось.

— Лёха и Носов, — внезапно позвал тренер. Парни мгновенно повскакивали. — Один играет, второй — в ворота. Давайте разомнём нашего бомбилу, — бросил он, кивнув в сторону Лёхи.

Лёха хохотнул. Подцепив мяч ногой, он лениво направился к штрафной линии. Носов, опустив голову, прошаркал в ворота и приготовился. Ему явно не нравилась эта новая роль, но возражать он не стал. Тренер пнул мяч к Лёхе и махнул рукой:

— Итак, поехали!

Первый удар полетел в угол — Носов даже не шелохнулся, рассеянно посмотрел на мяч позади себя. Второй — мяч пролетел буквально под ногами. На третий Лёха, уже вконец обнаглев, покрутил мяч подошвой, сделал обманный выпад, а после буквально закатил его в ворота. Конечно, Носов и это пропустил.

— Ты серьёзно, что ли?! — взревел тренер. — Ты в хоккейной команде, что ли? Ладно, чёрт с тобой!

— Кто следующий? — Лёха кривлялся, осматривая парней.

— Федя, на место. В ворота! — бросил тренер.

Федя замер: он даже не сразу понял, что речь идёт именно о нём.

— Т т тре — неуверенно начал он.

— В ворота, салага! Шевелись! Ещё слово скажешь — будешь сидеть на скамейке весь сезон!

Федя с побледневшим лицом встал. Трибуна тут же оживилась.

— Сейчас Лёха его раскатает! — крикнули из дальнего угла.

— Легчайше! Конец, Бобру!

Федя медленно занял место в воротах. Руки чуть мокрые, мысли спутаны — его даже немного трясло. Лёха же стоял, как всегда, расслабленный. Он свирепо глянул на Федю и усмехнулся:

— Ну что, Бобёр, типа твой первый и последний раз. Начнём?

— У тебя получится! — прокричал знакомый голос Кости.

Федя кивнул. Лёха тут же разогнулся и ударил — сильно. Мяч полетел в левый угол. Федя прыгнул: шанс был отбить, но кисть подвернулась — он не успел вовремя дотянуться. Мяч больно ударил в пальцы. Он рухнул на траву, лелея руку.

— Проспал! — захлопали с трибуны.

— Понятно, — раздался голос тренера. — Давайте следующего

Федя медленно поднялся, зажимая руку. Боль пульсировала в кисти, но он твёрдо посмотрел на тренера:

— Ещё! — крикнул он.

— Что? — переспросил тренер.

— Ещё! — повторил Федя громче.

Лёха улыбнулся:

— Бобёр, ты конченный Реально хочешь, типа, повторить?

— Заткнись! — резко выпалил Федя, глядя прямо на него.

Тренер что-то пробормотал и махнул рукой, подавая Лёхе сигнал.

Лёха поставил мяч перед собой, глянул на ворота, сделал пару шагов назад и ударил — точно в живот новоявленного вратаря. Федя успел выставить руки перед собой, однако всё равно согнулся пополам. Мяч укатился в сторону от ворот.

— Ты живой там? — крикнул тренер.

— Ещё!

Одному только Феде было известно, сколько усилий требовалось ему, чтобы выпрямиться. Но он это сделал. С лица стекала грязь вперемешку с тонкими дорожками слёз.

— Ещё!

Секунда молчания. Лёха прикусил губу. Тренер вновь махнул рукой.

Теперь Лёха бил более обдуманно. Не старался попасть в Федю — он хотел забить, чтобы раз и навсегда покончить с ним. Удар оказался стремительным и верным: мяч летел идеально прямо в угол — на этот раз в правый. Федя прыгнул — его обе ладони отбили мяч в сторону.

Скамейка взревела.

— Вот это сейв!!! — кричали они.

— Федя!!! Я же тебе говорил! Говорил! — орал Костя.

Тренер кивнул:

— Лёха, отойди. Федя, останься на воротах. Давай, пацан, посмотрим, чего ты стоишь.

***

После тренировки Федя — то ли разгорячённый своей первой победой, то ли остервенёлым желанием заесть стресс — осмелел настолько, что пошёл в кафе спорткомплекса. Он прошёл прямо к прилавку, заказал большой молочный коктейль и хотдог, а когда обернулся к столикам, то увидел рыжую девочку, которая сидела у самого дальнего окна и смотрела. Он не мог в это поверить: девочка смотрела прямо на него. Симпатичная, стройная, с милым личиком.

Она подняла руку и помахала. Федя обернулся назад, чтобы убедиться, что машут именно ему, но увидел лишь лицо кассира. Грузный дядька в фартуке улыбнулся и пожал плечами.

«Чёрт, это мне не снится?»

Федя направился к ней. Голова уже толком не соображала от переизбытка эмоций. Девочка попрежнему улыбалась и даже не предприняла попытки сбежать — это были хорошие знаки.

— Привет, — поздоровалась она, когда Федя уже несколько секунд стоял у её столика.

— Привет. Я Федя, — поздоровался он и обнаружил, что механизмы в его голове работают как надо! Словно их кто-то смазал.

— Я знаю, — ответила девочка. — Ты ведь здесь за «Беркутов» играешь, да?

Федя кивнул. Потом посмотрел на свой коктейль и хотдог, которые до сих пор держал в руках.

— Будешь чтонибудь? Ну, коктейль или

Девочка рассмеялась:

— Нет, спасибо. Но это очень мило. Можешь присесть, поболтаем.

Федя уже собирался сесть, когда рядом с ним оказался Костя.

— Эй, Федян, с кем это тут ты? — произнёс он.

Федя тут же весь сжался. Он почувствовал, как вся его временная сила испаряется — будто он Супермен, которому подсунули криптонит. Костя же ломился, как танк, будто ему и не нужно было никогда особой суперсилы. Будто суперсила была у него в крови с самого рождения, и не существовало у неё никакого предела.

— Привет, красотка! — продолжил Костя.

Девочка улыбнулась и ему — как показалось Феде, более открытой и яркой улыбкой.

— Привет, спортсмен! — отозвалась она.

— Ни разу тебя здесь не видел, но очень рад, что встретил! Таковую, как ты, сложно не заметить! Как тебя зовут?

Девочка на секунду задумалась, будто вспоминала:

— Ну, допустим, Эвридика, — ответила она.

— Ух! Тогда извольте представиться: Орфей! — произнёс Костя.

Оба рассмеялись. Но не Федя. Он уже начинал жалеть, что осмелился подойти к девочке. Что он вообще о себе возомнил? Он всего лишь Бобёр! Он может стараться, лепетать, ухаживать, но лавры всё равно достанутся тому, кто пойдёт напролом — такому вот уверенному красавчику, как Костя.

Обычно он представлял в роли таких парней именно плохишей: мол, девчонки ещё поплачутся за свой выбор. Но вот Костя в эту схему не вписывался. Он даже ему нравился.

— Идём завтра в парк! — предложил Костя без лишних прелюдий.

— Погнали! — заявила без запинки девчонка.

— У мороженщика в это же время? — уточнил Костя.

— Ага, у его тачки, — подтвердила она.

— Федя, а ты чего тут? — произнёс Костя, будто только его заметил.

Федя смотрел на Костю, наблюдал, как тот ловко шутил и искренне смеялся. Смотрел, как девочка, которая ещё секунду назад казалась ему такой близкой, легко переключила внимание на другого. Он не злился. Даже не завидовал. Нет, внутри было что-то другое — горькое, неприятное. Как если бы ты собрался прыгнуть в озеро, но вдруг вспомнил, что не умеешь плавать.

Он понимал, что Костя делает не так Ничего. В этомто и была загвоздка: Костя не старался. Он не думал, как выглядит или что произносит, не боялся, что о нём подумают. У него не было плана, кроме того, чтобы быть собой. И Федя вдруг понял, что именно этого ему всегда не хватало — быть собой, не заглядывая в зеркало чужих ожиданий.

Девочка смеялась. Костя шутил. А Федя стоял и чувствовал, как его сердце сжимается не от обиды, а от сознания собственной уязвимости. Он ведь знал: если бы мог быть хоть немного похож на Костю — раскованным, свободным, таким живым — то всё пошло бы иначе.

Но вместе с этим пришло и другое осознание: он не хотел быть Костей. Хотел быть Федей — но таким, который уже не боится собственного отражения. Который, если и проигрывает, то не бежит и не прячется. Решение у него для этого было! Да! Прямо сейчас телефон нетерпеливо вибрировал.

Он машинально нащупал его в кармане — не его обычный старый потёртый мобильник, а настоящий монстр среди телефонов: аппарат, который он получил от Яала. Яала, чья тень живёт без него, Яала, который пожирает стрекоз и обладает странной силой.

Когда он включил экран, то увидел странные значки. Каждый символ являлся частью какого-то пазла: красная молния, банановая кожура, пистолет. Федя в недоумении уставился на них, прикидывая, какой из вариантов будет самым безобидным.

— Нашёл где в телефон залипать, — пожал плечами Костя, обращаясь к девчонке.

Она что-то ему промурлыкала, но Федя уже их не слушал. Это всё походило на какую-то злую шутку — словно специально разыгранная перед ним театральная сцена. Он раздражённо тыкнул по кнопкам, даже не понимая, на какую из них в точности нажал.

Мгновение ничего не произошло. Но потом Костя сделал шаг назад, и его правая нога будто поехала по невидимому маслу. Он покачнулся, махнул руками в воздухе и с глухим шлепком упал прямо на пол.

— Эй, ты там как? — бросила девочка, перегнувшись через стол.

— Ты — Костя попытался встать, но его кроссовок снова скользнул, и он сел на пол.

За столиком в другом конце кафе, где сидела остальная команда «Беркутов», кто-то фыркнул, но потом все заржали. Смеялся даже Лёха и Носов, которые казались ближайшими друзьями Кости.

Федя почувствовал странное тепло в груди. Может быть, впервые за долгое время он не чувствовал себя жертвой. Он быстро убрал телефон в карман, поднял стакан и сделал большой глоток, стараясь не выдать своё участие.

Костя поднялся, пытаясь сохранить лицо, но пятна на джинсах и его перекошенное выражение выдавали раздражение.

— Что смешного, идиоты? — бросил он приятелям.

Те притихли, но продолжали подхихикивать.

— Завтра в парке, — повторил он, обращаясь к девчонке.

Она тоже улыбалась, но сдержанно.

— Только не разбейся по пути, Орфей, — произнесла она.

Федя почувствовал, что и ему больше здесь нечего делать. Однако он теперь знал, что будет делать завтра в парке. Поэтому поспешил покинуть кафе и перекусил на лавочке у спорт-комплекса.

Глава 31 Время для разговоров

Ночник в углу комнаты зажётся, и в дверь кто-то легонько постучал. Терентьев вздрогнул, наблюдая, как твёрдое полотно двери поплыло, образуя большую чёрную дыру. В отверстии показались худенькие белые ручки – они сначала вытянулись, а потом вцепились в дверной проём, с силой выбросив вперёд тело девочки.

Десятки других когтистых рук тут же вырвались из черноты, хватая её за платье, но Аня как будто их не замечала. Она ступала босыми белыми ногами по полу, оставляя шлейф из светящихся огоньков. Волосы её теперь потеряли яркий рыжий оттенок и плетью свисали на плечи и спину. Весёлые голубые глаза померкли и не выражали абсолютно ничего – как и её рот, вытянутый в прямую черту.

Когда Анечка подошла к отцу, руки продолжали хватать воздух перед собой, силясь поймать и утащить. Если бы у них были рты, они бы вопили от злости.

— Папа, папочка, мне страшно, — произнесла девочка слабым голосом.

— Доча, — выдохнул Терентьев. Он разглядывал её иссохшее худое лицо и бледную кожу рук, торчащих из свободного, висевшего как на вешалке платья.

— Папа, я очень устала, папочка, — голос её слабел.

— Дочь, я — слова застряли в горле Терентьева, и он так и замер, будто бы столбenea.

— Папа, я хочу в могилку, пожалуйста. Мне так страшно, — едва слышно проговорила она.

Руки в черноте дыры вдруг разом надломились, как сухие ветки, повернувшись в разные стороны, а потом начали расти. Отращивали новые суставы в месте переломов и вытягивались всё ближе к дочери. Послышался ещё хруст, затем ещё и ещё. Витиеватые членистые пальцы теперь уже скребли по полу у ног Анечки.

— Прости, — произнёс Терентьев во сне.

— Прости, — произнёс он вновь, сидя у кровати дочери в больничной палате. — Прости, я опять тебя подвёл, — он смахнул слёзы рукой.

Тогда она казалась ему такой реальной – будто бы это и не сон был вовсе, а измученный дух его дочери действительно оказался перед ним. Теперь, сидя здесь, в ненавистной ему больничной палате, он уже отчётливо понимал, что это всё не могло быть реальным. Принцесса, которая всегда пылала этим невообразимым огнём энергии, просто не могла такого ему сказать. «Всё пучком», — так она всегда говорила.

Терентьев уставился на белую стену. Икона над дверью в палату чуть накренилась, но никто из персонала, похоже, этого не заметил. Должно быть, никто из них не замечал и отвратительного жёлтого пятна в углу, над нимбом Марии. Оно расплзлось медленно, жадно и осторожно, пожирая полотно, как неотвратимая раковая опухоль. Похоже, что никто этого не замечал. В конце концов, это всего лишь дешёвая репродукция, купленная за гроши в какой-нибудь сувенирной лавке.

Аппарат для искусственного дыхания мерно посвистывал, тогда как грудь девочки чуть больше дрожала при выдохе – чуть больше, чем неделю назад, и гораздо сильнее, чем пару месяцев до этого. Никто, похоже, не придавал этому значения. «Так и должно быть, и бывает всегда», — сказал доктор.

В палате никогда не было пышных букетов и разноцветных шаров: Аня просто терпеть не могла всё это, и Терентьев никогда не приносил с собой ничего подобного. Праздничная бесполезная мишура для дураков. Однако на подоконнике, прижавшись к стеклу, стояла орхидея – белокрасная орхидея, которую Терентьев притащил сюда целый год назад. И теперь он заметил, как несколько листочков потемнели и съежились. Что же, всем наплевать.

В конце концов, это была её орхидея, её икона и её палата. А ещё это была его, Терентьева, любимая дочь. Когда её не станет, он одиноко будет стоять у маленького земляного холмика и винить себя за то, что так ничего и не смог сделать.

Что-то пропало – и теперь уже никогда не вернётся. Крошечный огонёк загорелся, а потом задрожал и погас. Терентьев думал – нет, он просто физически ощущал, – как в его жизни померкли все краски. А в последние дни он тщетно гонялся за призрачной и абсолютно сумасшедшей идеей в надежде вернуть эти краски на место. Осталась только тьма и ничего больше – сплошная непроглядная тьма, полная демонов и монстров, вылезавших отовсюду.

Почему именно он и его дочь? В голову приходил детский, ребяческий голосок, который твердил: «Нечестно! Нечестно! Нечестно!» Голос человека, который потерял всё на свете и уже не способен что-то вернуть.

Старуха была не права. Он не живёт прошлым. Он живёт настоящим, в котором уже ничего не осталось, кроме его умирающей дочери.

«Всё ведь было нормально? — спросил себя Терентьев. — Год назад ведь всё было вполне себе нормально?»

Он просыпался, готовил завтрак, вёз Аню в школу, помогал с уроками. Потом что-то вмешалось в их жизнь – вылезло из самого тёмного угла и безжалостно набросилось изза спины, раздирая в клочья всю его жизнь.

Некоторое время Терентьев винил во всём скейт, но потом подумал, что, не будь скейта, на его месте обязательно оказалось бы что-нибудь другое. Это мог быть чёртов велосипед или чёртов пьяный водитель на машине. Просто время пришло – и оно выбралось из чулана.

— Па, ты будешь против, но я очень хочу эту штуку! — сказала Аня, приставив к его лицу экран телефона с фотографией скейта. — В этом триместре я сдам всё на пятёрки, а ты купишь мне его! Это моя мечта!

— Ну, если ты точно получишь все пятёрки — с сомнением сказал Терентьев.

Она так и не закончила триместр на одни пятёрки, а Терентьев всё равно купил ей звёздный скейт. Он никогда так и не смог отказать ей. В конце концов, у неё остался только он, а она осталась у него. И этого было вполне достаточно.

Не в силах больше находиться здесь, он вышел из палаты и с надеждой глянул на скамейки. Почему-то ему захотелось ещё раз увидеть ту странную старую женщину, которая одарила его металлической безделушкой. Никого не было у палаты, да и в целом коридоре больницы. Терентьев быстрым шагом направился к выходу.

Оказавшись на улице, Терентьев сел на скамейку и позвонил Ольге. Звонил он с обычного телефона и даже не знал, что действительно хочет от неё услышать. Он чувствовал, что у него едет крыша, и если он об этом задумался, то, возможно, так оно и есть. Все эти волшебные телефоны и демоны, и ожившие куклы, и дочь

— Я ещё раз осмотрела квартиру, но не нашла никакого телефона, — смущённо ответила Ольга. — Знаете, мне не рекомендовали с вами разговаривать до выяснения всех обстоятельств.

— Послушайте, мне и вправду неловко, и то, что произошло — сказал Терентьев, поднимаясь со скамейки и глядя в окна больницы, где в палате дочери продолжал гореть свет.

— То, что произошло, действительно кажется мне каким-то безумием, а ваше появление во всём этом кошмаре вызывает уйму вопросов. Сначала меня бросил жених изза того, что мы попали в этот странный поток мыслей друг друга. Все эти разговоры о том, что вы просто проходили мимо Мне действительно не стоит

— Я просто хотел ещё раз сам убедиться, что телефона у вас точно нет. Простите, — ответил Терентьев.

Ольга издала истеричный смешок:

— Вы хотите снова явиться в мою квартиру?

— Я обещаю, что ничего плохого вам не сделаю. Мне просто нужен мой телефон, и если он ещё у вас, то, уверен, он какнибудь даст о себе знать.

— Послушайте, я не против того, чтобы встретиться и всякое такое, но давайте начистоту. Произошедшее явно не добавило очков в моё мнение о вас, которое было и так, ну, скажем, неоднозначным после нашего обеда в кафе. Ещё тогда происходило что-то странное. Я дам вам шанс, если вы хотя бы не станете отрицать, что это было. Вот что. Я хочу объяснений. Не тех, что вы дали следователю. Расскажите мне, что, чёрт побери, происходит! Сразу скажу: телефона в моей квартире нет и быть не может. С тех пор как в мою квартиру вломились, я всё переставила и отдраила каждый угол. Если бы там что-то и осталось, то я бы точно это заметила.

— Тогда простите меня, — произнёс Терентьев, удивлённый напором Ольги и уже собравшийся как можно быстрее закончить этот разговор.

— Я хочу знать, — голос её немного дрожал. — И вы мне всё расскажете, иначе я заявлю в полицию, что вы с самого начала меня преследовали. Следователь намекала, что, возможно, вы были в сговоре с теми двумя.

Глава 32 Фейерверк

Потом настал другой день. День, когда в небесной администрации включили солнце на полную катушку — на крышах домов можно было жарить яичницу. В этот день вся детвора, которая так любила носиться по парку, осаждала прилавки с мороженым и обливалась водой из водяных пистолетов.

Федя сидел на старой скрипучей скамейке — той самой, где когда-то разговаривал с Яалом. В руках он теребил журнал с комиксами: углы были измяты, страницы порой слипались от его вспотевших пальцев. Рядом у ног лежал рюкзак с Флэшем — будто верный пёс, готовый защищать хозяина от всей этой шумной летней суеты.

Вскоре в поле его зрения появилась она — рыжеволосая девочка из кафе. Она шла лёгкой походкой, как солнечный зайчик, прыгая то влево, то вправо, словно танцуя под музыку, которая была слышна только ей. Девочка прошла вдоль аллеи, бросая взгляды то на мороженщика, то на лица прохожих, будто кого-то искала. Федя сразу понял, кого.

И точно: из тени деревьев, будто по зову, появился Костя. Он постоял секунду, оценивая обстановку, а затем уверенно зашагал к девочке. Всё в нём было таким: шаг, взгляд, осанка — будто весь мир принадлежал ему, а всё остальное — лишь декорации. Таков был капитан Беркутов.

Федя опустил взгляд на телефон. Экран светился тремя яркими карикатурами, но он не понимал, что с ними делать. Не понимал, чего хочет от него этот проклятый аппарат. Он поднял глаза на очередь у мороженщика: весёлые дети с рожками в руках, мальчишки и девчонки его возраста — но счастливые. Им было так просто: они смеялись, лепетали о чём-то своём, как будто в их мире не было ни изгоев, ни тех, кто тычет пальцем за спиной.

И всё же Федя не ненавидел их. Скорее, он завидовал. Завидовал их счастьем, их лёгкости, их способности быть собой. Завидовал, но не с ожесточением, а с болью. Потому что он, Федя, был совсем другим. И в тот момент ему казалось, что если у него есть хоть один шанс всё изменить, он обязан его использовать.

Федя надавил на иконку с фейерверком и мелкими неровными звёздочками.

Прогремел один большой взрыв, а потом — серия маленьких. В воздух взметнулись ошметки клубничной радости, бананового веселья и фисташкового удовольствия. Вся небесная синева летнего неба почти полностью окрасилась в цвета мороженого всех сортов. Дети закричали и бросились врассыпную, побросав свои самокаты и скейты. В воздухе запахло жжёным сахаром — как обычно пахнет сахарная вата, только сильнее.

Тележка мороженщика подпрыгнула в воздух, как мяч, и упала, громко ударившись о брусчатку. Следом вниз полетели комья мороженого, оставляя разноцветные кляксы повсюду. Они падали на детей, деревья и шатры, крыши которых теперь корчились от тяжести и тянулись вниз.

Обалдевший мороженщик едва успел спрятаться в пластиковую бочку с лимонадом, когда комья его же собственного лакомства обрушились на неё, залепив крышку. Там он и оставался, пока полиция его с силой не вытащила и не заставила дать объяснения.

Мелкие взрывы прозвучали, как неровная автоматная очередь. Разрывались ровненькие шарики мороженого в вафельных рожках детей. Лица некоторых уже походили на боевую раскраску индейцев; другие, увидев первых, бросали свои рожки, как гранаты, в стороны. Они разрывались в кустах и на плитке, разбрызгивая вязкую грязную смесь.

Один Федя сидел в стороне и недоумевал. Ему очень не хотелось верить, что весь этот сладкий кошмар вытворил именно он — мальчик, который хоть и глупый, но в жизни не обидел и мухи. Он сидел, и ему на ум пришло одно только слово из отцовских телепередач — «террорист». Федя точно не знал, что это означает, но почему-то ассоциировал себя теперь с

этим ужасно нехорошим словом. От таких мыслей ему стало совсем не по себе: он согнулся пополам и выдал весь свой завтрак.

Телефон коротко брякнул, и на экране появилось сообщение: «Отличная работа, дружок!»

Глава 33 Попался

— Определились с напитками? — прозвучал услужливый мужской голос.

Над Терентьевым и Ольгой нависал высокий бармен с татуировками по всему лицу. За его спиной слышалось бормотание телевизора, мигали разноцветные неоновые лампы. Терентьев рассеянно пододвинул Ольге карту с алкогольными напитками.

— Кровавую Мэри, пожалуйста, — отозвалась она, даже не глянув в меню.

Бармен кивнул и вопросительно посмотрел на Терентьева, который ещё немного покрутил карту, а потом решительным движением отодвинул на край стойки — так, что она едва не свалилась. Бармен подхватил её, не переставая смотреть на Терентьева.

— Мне ничего, — ответил он.

Бармен вскинул брови, намекая на то, что выпить никому ещё не мешало.

— Да, мне колу, пожалуйста.

Бармен пожал плечами и отвернулся от стойки — загремела посуда.

— Послушай, но ведь так не бывает. Всё это похоже на сплошное безумие: контракт с этим странным типом, этот волшебный телефон, эта девочка у подъезда. Главное — почему я? — спросила Ольга.

Терентьев в очередной раз оглянулся по сторонам. Они сидели одни среди ряда барных стульев. За столиками было несколько одиноких парней, горбившихся над кружками пива. Никто не обращал на них внимания.

— Вот-вот. Ты думаешь, я и сам не понимаю, насколько всё это бредово звучит? Ты просила рассказать тебе правду — и я рассказал. Так телефона у тебя точно нет?

Ольга замотала головой:

— Я ещё раз всё проверила сразу после твоего звонка.

— Заметь, я не говорил, что телефон волшебный, — заявил Терентьев, сам не веря в свои слова.

— Другого логического объяснения я просто не нахожу. Я ведь тогда действительно слышала мысли. Это было понастоящему. То есть этот голос — он был словно радио в моей голове. Надо бы всё рассказать Жене. Интересно, что он обо всём этом думает, — проговорила Ольга, не переставая елозить по стойке пробковую подставку под стакан.

— Может, он и обладает каким-то функциями, — сказал Терентьев, а сам подумал: «Конечно, обладает!»

— Представь, что можно вытворять с таким устройством! Таких можно дел натворить! Можно разоблачать преступников без всяких допросов, сделаться суперполитиком, вывести на чистую воду всех!

«Спаси мою дочь», — подумал Терентьев.

— Ваши напитки, — бармен поставил перед Ольгой и Александром коктейль и колу. Ольга коротко поблагодарила и сделала глоток через трубочку, прикрыв на мгновение глаза.

Терентьев тоже отпил немного колы и поставил стакан. Пока Ольга наслаждалась коктейлем и пялилась в телевизор, витая в своих мыслях, он попытался устроиться поудобнее на стуле. Терентьев вертелся, облакачивался, упирался локтями в стойку, когда почувствовал что-то в кармане джинсов. Он достал странный предмет и с удивлением обнаружил, что это была маленькая металлическая коробочка, которую подарила ему старушка в больнице — странная старушка в красных перчатках и чёрном платье.

Терентьев положил коробочку на стойку между их стаканами.

— И вот ещё что, — сказал он, кивая на коробочку.

Ольга осторожно протянула к ней руку, и едва её пальцы коснулись гладкого блестящего металла, внутри коробочки что-то ожило и зажужжало. Она даже подскочила, словно пытаясь укусить её. Ольга тут же отдернула руку, едва не опрокинув напиток.

— Что это за штуковина? — спросила Ольга.

Терентьев пожал плечами:

— Я понятия не имею, но мне кажется, что она тоже как-то связана со всей этой историей.

Терентьев поднял коробочку и протянул на ладони, показывая, что она совершенно безопасна.

— Откуда она у тебя? Как-то связана с телефоном? — спросила она, вертя коробочку в руках.

— Чёрт бы его знал, — сказал Терентьев, не понимая, на какой вопрос ему отвечать.

Ольга надавила на одну из сторон прямоугольника, и из её центра с жужжанием выдвинулся небольшой коннектор. Она с восхищением смотрела на это новое открытие.

— Если нужна зарядка, то могу предоставить за небольшую плату, — вмешался бармен, бросив взгляд на коробочку.

— Точно! — Ольга крикнула так громко, что парни за столиками подняли головы. — Это же тайп-си!

Терентьев не успел отреагировать, как Ольга взяла свой телефон со стойки и воткнула коробочку в разъём для зарядного устройства.

— Что там? — спросил Терентьев, наклоняясь ближе к Ольге. Он почувствовал аромат её духов – сильный и слишком притягательный, учитывая обстоятельства.

— «Не подходящее устройство», — разочарованно произнесла Ольга.

— Вот же ж — огорчился Терентьев, отодвигаясь подальше.

— Наверняка эта штука будет работать с тем самым телефоном, — предположила Ольга, отодвигая коробочку обратно к Терентьеву.

Теперь она за один заход прикончила остатки «Кровавой Мэри».

— Надеюсь, ты будешь не против, если я расскажу об этой штуке Жене. Конечно, это вряд ли исправит наши с ним отношения. Но это же всё была полная чушь! Мимолётные мысли, которые я не контролировала. Надо с ним поговорить.

Бармен вновь замешивал Ольге «Кровавую Мэри», а Терентьев уставился в телевизор над светящейся витриной с алкоголем.

На экране ведущий болтал с очередной поппевицей. Девушка в слишком откровенном платье распиналась про свой новый клип, рассказывала, какую сложную работу она выполнила в качестве актрисы. Потом на экране появился глобус, вокруг которого летала надпись «Здесь и сейчас».

Другой ведущий в деловом костюме рассказывал о событиях за день. Кадры сменялись один за другим: автокатастрофа, пожар, стройка и, наконец, полицейский беспредел. Бегущая строка поясняла, что полицейские из районного участка допускают массовое попустительство и вообще ведут себя неподобающе.

Потом на экране появился мороженщик, который неудачно «подшутил» над покупателями, продавая мороженое, которое взрывалось! Крупный план – фотографии пострадавших со ссадинами на лицах.

На кадре, наконец, появился сам мороженщик, который отрицал всякую причастность. Терентьев буквально впился в экран, совсем не замечая болтовни Ольги на фоне. Позади мороженщика с телефоном в руке стоял паренёк в чёрной ветровке. Казалось, он был полностью сосредоточен на гаджете, и происходящее вокруг него нисколько не волновало. На задней стенке телефона было заметно небольшое красное пятнышко.

— О, дьявол! — воскликнул Терентьев, заставив парней во второй раз отвлечься от пива.

— Что, что такое? — испугалась Ольга, смотря в упор на Терентьева.

— Это он! — он ткнул пальцем в экран телевизора.

— Кто?

— Неважно кто. У него мой телефон! Мой чёртов телефон!

— У того мороженщика? — зрачки Ольги значительно расширились – то ли от спиртного, то ли от удивления.

Глава 34 Номер девять

При свете дня дом Ольги перестал казаться мрачным и жутким. Он стоял как ни в чём не бывало, приветливо мигая чистыми окнами, будто всё это время просто ждал. Подъездная дорожка извивалась змейкой из белого камня, ведя к светлой парадной двери, на которой висела добродушная табличка: «Добро пожаловать», а под ней – другая, поменьше, но с более строгим тоном: «Пожалуйста, соблюдайте чистоту». В стороне попрежнему торчал тот самый серебристый тополь, только теперь он казался совершенно другим – будто сменил амплуа. Его аромат был густым и дурманящим, собравшим все краски летнего дня. В этом благоухании роились букашки, шумно пируя и радуясь каждому мигу своей короткой жизни.

Терентьев заметил и троицу игрушек, устроенных на каменном бордюре у подъезда. Теперь они не выглядели зловеще – скорее нелепо и даже немного трогательно. Мишка с облезлым бантом, деревянный солдат и лысеющая кукла в платье, которое когда-то было розовым. Всё это было скорее грустно, чем страшно.

— Тому, кто их сюда поставил, следовало бы оторвать руки, — пробормотал он себе под нос, но с гораздо меньшей убеждённости, чем обычно.

Он постучал. Робко. Будто в первый раз.

За дверью послышались быстрые шаги, глухой голос:

— Господи, Шноби, не мешайся под ногами!

Щёлкнула защёлка, и дверь распахнулась.

Ольга стояла в проёме, запихивая волосы за уши обеими руками – привычным движением, в котором было что-то детское. Серебряные серёжкикапельки блеснули на свету. У её ног тёрся чёрный кот. Он зыркнул на Терентьева с недоверием, но без вражды – скорее с вежливым презрением.

Он сам не заметил, как уставился на серёжки, и чуть было не брякнул: «А где цыганские кольца?» — но прикусил язык.

Ольга, видимо, всё поняла без слов.

— Те надоели. Решила поносить эти. Иногда можно быть другой, да?

— Понятно, — кивнул Терентьев. — Я бы тоже так сделал. Если бы носил серёжки.

Она усмехнулась.

— Пойдём. Покажу, что нарыла про твоего мальчишку с телефоном.

— Слушай, ты даже не представляешь, как я тебе благодарен, — сказал он, стягивая ботинки и аккуратно ставя их у стены.

Он попытался погладить Шноби. Кот ловко увернулся, будто был для этого не создан, понюхал руку Терентьева, изогнул хвост крючком и гордо просеменил в кухню. Полный игнор. Если бы он был человеком, то наверняка оказался бы самым вредным учителем, который презирает глупых учеников.

— Ну и ну, — пробормотал Терентьев.

— А ведь ты ему нравишься, — сказала Ольга и вдруг странно покраснела. — Обычно он всех чужих обходит стороной. Женьку, например, вообще не выносил. Не знаю почему

— Ладно, я не в обиде, — фыркнул Терентьев. — Если так он проявляет симпатию, то даже не хочу знать, какой он, когда чем-то недоволен.—Тебе правда лучше не знать, — она хихикнула.— Ладно. Что там с мальчишкой?

Они прошли на кухню, и Терентьев почувствовал лёгкий укол удивления. Он никогда раньше не бывал в этой части квартиры – и будто попал в другой дом. Чистый белый кафель, идеально вымытый до прозрачного блеска, старомодный, но уютный кухонный гарнитур. Всё дышало какимто женским уютом. На стене висел календарь с видами Баварии, а под ним – магниты в виде сов, лодочек, сердечек, накопленные, наверное, за всю жизнь.

На столе стояли остатки сэндвича и чашка кофе, из которой ещё поднимался слабый пар. Между ними восседал ноутбук.

— Может, кофе? — спросила Ольга, явно не зная, как себя вести.

— Спасибо, но — он отмахнулся. Хотя кофе сейчас ему бы точно не помешал.

На одном из стульев восседал Шноби – грозный, как маленький чёрный лев.

— Эй, слазь, — буркнул Терентьев, но кот прищурился и прижал уши. Терентьев оценил угрозу и решил не лезть на рожон. Он плюхнулся на другой стул, который явно не принадлежал королевской особе.

«Вот и вся иерархия: человек, кот, мебель. В таком порядке», — подумал он.

Ольга щёлкнула мышкой, и на экране появилось окошко с запросом пароля. Фоном – фотография: она и Женя, стоящие под деревом. Их лица были почти рядом, как будто через мгновение они должны были поцеловаться. Слишком личное, чтобы смотреть.

Ольга заметила его взгляд, вспыхнула, быстро застучала по клавишам.

Неверный пароль.

— Твою мать, — прошипела она.

Терентьев сдержал улыбку.

— Может, раскладка не та?

— Блин — Ольга выпрямилась, поправила волосы и снова принялась набирать. На этот раз верно.

Рабочий стол вспыхнул живым светом, и оба облегчённо выдохнули.

Она открыла файл – кадр из новостей, тот самый, с мороженщиком и подростком на фоне. Теперь парень занимал весь экран. Смазан, не в фокусе, но

— Смотри, — сказала Ольга.

На экране – дурацкий смайлик, знакомый Терентьеву до дрожи в спине.

— Это он, — выдохнул он.

— Узнаёшь парня?

Терентьев прищурился. Мальчишке лет двенадцать, может, четырнадцать. Лицо – как сквозь мутное стекло. Даже если бы он его и знал, в таком разрешении не распознал бы.

— Нет, — сказал он тихо и опустил глаза. — Вроде бы тот самый с репортажа.

— Ладно. Смотри дальше, — она снова убрала прядь с лица.

Кадр сдвинулся: теперь в фокусе – футболка парня.

— Это же — начал Терентьев.

— Форма! Футбольная! — воскликнула Ольга с триумфом, словно только что раскрыла важное дело.

— Тогда проверим ближайшие стадионы, — кивнул он.

— Уже проверила, — гордо сказала она и щёлкнула мышкой.

На экране появилась карта. Три спорткомплекса.

— Этот – на ремонте. Здесь вообще нет секций. Остаётся этот.

— Вот он, — ткнул пальцем Терентьев. — Слушай, ты умница. Дай пять.

Ольга, не раздумывая, хлопнула его по ладони. Обоим это понравилось больше, чем они ожидали.

— А теперь смотри — она увеличила изображение. Прямоугольники на майке начали складываться в цифру.

— Девять, — прошептала она. — Номер на форме.

— Значит, спорткомплекс «Октябрь», — подытожил Терентьев. — Отличное начало.

— Мы туда и направимся, — сказала Ольга.

— Мы? — переспросил он.

— Да! Это и мое дело. Если этот телефон действительно магический и изза него у меня всё развалилось, я хочу знать правду. Я хочу доказать Женьке, что это была не я, а эта штука!

— Ольга, послушай Это может быть опасно. Реально опасно. Ты ведь и представить не можешь, с чем имеешь дело.

— А ты? Представляешь? — она взглянула на него пристально. — Мы оба в этом. И теперь назад дороги нет.

Она повернулась, достала из ящика удостоверение инспектора по делам несовершеннолетних и показала ему.

Терентьев покачал головой.

— Фальшивка. Откуда?

— Да раз плюнуть. Купила бланк на барахолке, впаяла фотку, распечатала. Работает до первого серьёзного вопроса. Надеюсь, не понадобится.

Ольга смущённо улыбнулась и хлопнула Терентьева по плечу, как старого приятеля. Тот хотел похлопать её по руке, но решил, что это плохая идея. Крайне плохая, учитывая обстоятельства.

Глава 35 Спорткомплекс

Терентьев свернул на узкую, разбитую дорожку, которая вела к спорткомплексу. Машина подпрыгивала на выбоинах, как будто протестовала против этой поездки. По обе стороны тянулись панельные дома, один мрачнее другого — словно спящие великаны, которые так и не проснулись после восьмидесятых. Унылая чередой серых, уставших стражей, наполненных людьми, домашними животными и гротескными вывесками. — Милое местечко, — пробормотала Ольга, глядя в окно. — Пахнет безысходностью.

Перед самым поворотом она заметила облупленную табличку: «Улица Тополиная». Тополей, конечно же, не было. Когдато, может, и росли — шелестели, кидали пух в лицо прохожим, но теперь от них осталось лишь название. Их место заняли торговые лотки: «Ремонт обуви», «Маникюр 24/7», «Шаурма у Тимура».

В конце улицы, как насмешка над убогим ландшафтом, возвышался спорткомплекс — странный, кособокий, будто собранный по чертежам от разных архитекторов. Синяя крыша, нахлобученная, как кепка на голову, два окна: круглое и прямоугольное. С определённого ракурса здание напоминало голову робота. Один глаз у него был меньше другого, и казалось, что он тебе подмигивает.

— Увидим парня с девяткой — поговорим, — проговорил Терентьев.

Он сбросил скорость, надеясь избежать постоянной тряски, и как мог лавировал среди выбоин и больших трещин.

Ольга хмыкнула:

— Ты вообще в секции когданибудь ходил?

— Я? — он краем глаза глянул на неё. — «Юный техник» не считается?

— Только если ты играл там в футбол, — усмехнулась она. — Он был в форме тогда. Но это не значит, что он всё время в ней. Ты как будто первый раз детей видишь.

— Я, может, и не отец года, — проворчал он, — но коечто понимаю.

Она посмотрела на него чуть дольше, чем нужно. В её взгляде не было ни упрёка, ни насмешки — чтото другое. Может, немного сочувствия.

Терентьев припарковался у самых ворот, всё ещё рассчитывая, что его версия окажется верной. Дети выходили из здания парочками и целыми компаниями. Они смеялись и подкалывали друг друга, весело размахивая спортивными сумками. По правде говоря, среди них всего паратройка детей были одеты в форму, и далеко не в футбольную.

Ольга скрестила руки на груди и бросила в его сторону взгляд, который означал: «Ну, я же говорила».

— Даже не начинай, — проворчал он, но сам криво улыбнулся.

Когда последняя группа исчезла за поворотом, они вышли из машины. Внутри их встретил администратор — сухонький старичок с весёлой и очень цепляющей улыбкой. Хитрые маленькие глазки под старой клетчатой кепкой бегали из стороны в сторону. Взгляд этот казался какимто чересчур живым, мальчишеским — что совершенно не вязалось с возрастом его обладателя.

— Добрый день, мы хотели бы поговорить с одним мальчиком. Футболистом — начал Терентьев.

— С какой целью? — перебил старик. — Кем приходится? Фамилия мальчика?

Терентьев замялся.

— Мы из ПДН, — спокойно сказала Ольга. Она достала фальшивое удостоверение и протянула старичку.

Старик склонился над фальшивым удостоверением и прищурился, будто чувствовал какойто подвох и пытался теперь его раскрыть. Сейчас Терентьев очень хорошо видел, что удостоверение с красной корочкой и нелепой, напечатанной на принтере печатью никак не походило на настоящее — скорее на купленное в лавке розыгрышей. Подсознательно он уже готовился к тому, что их раскроют, и както помрачнел.

Тем временем взгляд старика переместился на лицо Ольги, затем вновь на удостоверение. Лицо её предательски залила краска. Терентьев заметил это и чуть накрыл её ладонь своей. Она посмотрела на свою руку, но не одёрнула её, а, напротив, чуть заметно кивнула — благодарила за этот жест поддержки.

— Ничего не вижу, — буркнул старик, — но вроде всё как надо. Значит, серьёзное дело, да? Чегото натворил?

— Ничего особенного, но мы должны провести профилактическую беседу, — быстроотреагировала Ольга, будто именно эту фразу готовила заранее.

Старик кивнул: — Ну, идите к тренеру тогда. Ищите своего мальчика, — хихикнул он. — Футболисты сегодня в зале тренируются. Там, в конце коридора.

— Спасибо, — выпалила Ольга и тут же зашагала в сторону коридора, потянув за собой Терентьева.

Он не сопротивлялся. Ладонь Ольги была влажной, почти горячей. Только когда они миновали с десяток дверей, он отпустил её. Она бросила взгляд через плечо и шумно выдохнула.

— Кажись, получилось, — прокомментировал он.

Она смотрела на него всё ещё совершенно ошалевшим взглядом: — Сама не верю! Мне кажется, ещё немного – и дедуля бы нас раскрыл.

В спортзале пахло потом, резиной и дешёвым освежителем. Тренер стоял у стены, как капитан на тонущем корабле, играл со свистком и орал на мальчишку в футболке с номером семь:

— Валёк, мать твою, ты футболист или балерина? Мяч не для того, чтоб кружиться, как лебедь! Обводи! Бей! Да не жопой! Ногой!

Мальчишка пнул мяч. Он врезался в перекладину с глухим звоном. Седьмой втянул голову в плечи.

— Да ты чего, глаза забыл дома? На девчонок пялиться можешь, а на ворота — нет?

— Сорян

— Щас я тебе «сорян» покажу, засранец!

Тренер повернулся — и увидел их. На секунду завис: он явно не ожидал когонибудь видеть в своём спортзале, кроме мальчишек, отчего у него на секунду отвисла челюсть.

— Мы ищем одного мальчишка, — спокойно сказал Терентьев.

— Это вам не бюро находок. Занятия идут, ждите за дверью, — процедил тренер, делая ударение на слове «занятия», будто бы незваные гости прервали какуюто очень важную церемонию.

Провинившийся двенадцатый номер поторопился убежать к компании других детей. Тренер с досадой проводил его взглядом.

— Мы с тобой ещё не закончили! — крикнул ему вслед тренер.

— Номер девятый, мы должны с ним поговорить, — продолжил Терентьев.

Упоминание «девятки» сработало как сигнал. В лице тренера чтото изменилось: он будто бы сбросил маску, и теперь гримаса усталости и разочарования выступила наружу. Всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы понять: чтото произошло.

— Он чтото сделал? — осторожно уточнила Ольга.

— Иногда кажется, что пацан едва может штаны самостоятельно надеть. Зато вратарь он от бога, — тренер задумчиво покрутил свисток в руке. — Да, жаль. Вам какое до него дело?

— Мы из ПДН, — ответила Ольга и махнула удостоверением, закрывая пальцем печать.

Тренер всматриваться в удостоверение не стал и вообще особого интереса к ним не проявлял.

— Понятно. Чего он сделалто? — спросил он.

— Не можем сказать. Ничего сверхсерьёзного, но мы должны с ним поговорить, — ответила Ольга.

— Или с его родителями, — добавил Терентьев. — Есть данные о его семье?

— Прогуливает он. Неделю уже не появлялся. Сам уже думал звонить, но тут у меня и так всё из рук валится, а скоро важный матч. Там у меня в кабинете все записи, — тренер кивнул в сторону выхода из зала.

— Мы только запишем телефон и адрес. Не будем вас долго отвлекать, — пояснила Ольга.

Глава 36 Адрес

Кабинет оказался меньше, чем они ожидали. Стены оклеены обоями, местами пожелтевшими, отслаивающимися от влаги и времени. Их украшали плакаты с надписью «Путь к победе лежит через труд» и «Беркуты, вперёд!». Ещё там висела старая фотография в рамке: мальчишки в форме и тренер, только моложе, с усами и искрящимися от волнения глазами. Стол стоял у окна, заваленный бумагами, журналами, пачкой чайных пакетиков, которые уже не помещались в небольшое блюдо. На подоконнике – кружка с облупившимся принтом: «Лучший тренер 20». Эту часть надписи полностью уничтожило время.

— Садитесь, — буркнул тренер, доставая из ящика тонкую папку.

Ни Ольга, ни Терентьев не сели. Последний и вовсе подошёл к окну и както отстранился. Тренер немного полистал папку, остановился на нужной странице, кивнул и протянул папку Ольге. Посмотрел на Терентьева, полагая, что тот что-то тоже спросит.

Терентьев молчал. Он смотрел в окно: там, во внутреннем дворе спорткомплекса, собралась компания девочек, которые весело болтали под огромным дубом. Одна из них вскочила на скамейку и что-то рассказывала под аплодисменты своих подруг. Эти девочки были такими невыносимо живыми.

В стороне Ольга шуршала листами в папке. Тренер ещё что-то ей сказал, а потом хлопнула дверь, но Терентьев этого не услышал.

— Мать, отец, сестра. Проживает в полной семье. Есть номер телефона и адрес. Я сфотографирую. Ты знаешь, где это? — спросила Ольга.

Он представлял, каково это: когда принцесса продолжает расти, общаться с подругами, как она продолжает увлекаться скейтом. Может, у неё появилось бы какое-то другое увлечение? Какая она была бы сейчас?

— О чём ты думаешь? — тихо спросила Ольга, которая внезапно оказалась рядом.

Он обернулся:

— Не знаю. На счёт нашего парня.

— Я нашла адрес и телефон. Всё сфотографировала.

— Хорошо.

— Так что насчёт парня?

— Я ведь тоже владел телефоном. Мне кажется, он выбирает тех, кто отстраняется от мира, хочет исчезнуть. Вот и наш девятый пропал – ушёл с тренировок.

Она кивнула, помолчала:

— А ты? Ты бы исчез, если бы мог?

Вопрос повис между ними, как пыль в полосе солнечного света.

Терентьев устало кивнул и отвернулся к окну. В этот момент тонкие женские руки обвили его плечи. Она обняла его – ласково, поприятельски. Он преодолел первое желание вырваться, а потом както обмяк в её объятиях. Но ненадолго: через секунду он уже взял себя в руки.

— Идём! — скомандовал он.

Глава 37 Звонок

Терентьев проснулся внезапно, как будто его вытолкнули из кошмара. Солнце едва пробивалось сквозь плотные шторы, заливая комнату тусклым светом. Он ошеломлённо огляделся, не сразу понимая, где находится. Слишком долго он засыпал на диване в гостиной, окружённый хаосом пустых бутылок и неубранного мусора. Но сейчас всё было иначе.

Он лежал в своей постели. Комната была убрана, на прикроватной тумбочке не было обычной горы хлама. Даже запаха алкоголя не чувствовалось – только лёгкий аромат чистоты, будто кто-то проветрил всё помещение, открыв окна настежь. Проветрил так, что смог прочистить ему мозги. Алкоголь не помогал: притуплял боль, но не помогал, – а сейчас он должен быть трезвым, чтобы сделать что-то ради неё. Нельзя упускать шанс.

Он потёр лицо, чувствуя шершавую кожу, посмотрел на часы. Всего лишь пять утра – слишком рано. В десять он договорился встретиться с Ольгой. Однако он не стал изводить себя попытками снова заснуть: без алкоголя это казалось невозможным. Хорошо, что вообще удалось немного поспать. Вместо этого он нащупал на прикроватной тумбе томик Мураками и принялся читать. Он не отрывался от книги, пока часы не пробили семь утра, и нетерпеливо вскочил с постели.

На кухне Терентьев открыл холодильник. Его взгляд сразу упал на бутылки с сиропом, которые обожала Аня. Рука непроизвольно потянулась к одной из них, но он остановился, тяжело вздохнув.

— Прости, малышка, — шепнул он.

Стараясь не задумываться о том, что ему ещё предстоит сделать, он начал готовить завтрак. В холодильнике нашлись яйца, колбаса и кусочек сала. Он автоматически приступил к готовке, хотя аппетита совсем не было.

Сковорода зашипела, наполнив кухню запахом жареной колбасы. Он уселся за стол с тарелкой, полной еды, и заставил себя съесть всё до последнего кусочка. Убеждал себя, что это ему нужно.

За завтраком он вспоминал, как рассорил Ольгу с её женихом. Её лицо, полное боли и смущения, когда она наткнулась на его фотографию в ноутбуке. Теперь ему было стыдно за этот поступок. Эта злоба, что поселилась в его сердце, вдруг исчезла.

— Может, я ещё могу измениться? — пробормотал он.

Он решил привести себя в порядок: тщательно побрился, принял душ, даже воспользовался флаконом дорогих духов, который уже год пылился на полке. Закончив, Терентьев с разочарованием обнаружил, что стрелки часов показывали только восемь.

Он бродил по квартире, собирая остатки мусора и протирая пыль, стараясь хоть как-то себя занять, а когда закончил, вновь уселся за Мураками.

В начале одиннадцатого зазвонил дверной звонок. Терентьев спешно отбросил книгу и поспешил в коридор. Он не стал проверять глазок – знал, кто должен прийти. На пороге стояла самая красивая женщина из всех, которых он встречал за последнее время. Он опустил взгляд, словно пытался спрятать свои мысли.

Ольга криво улыбнулась и спросила:

— Может, я уже могу войти?

Чуть позже оба они вновь сидели на кухне – только теперь в квартире Терентьева – и обсуждали план действий.

— Мы можем наломать дров! Сейчас очень важно действовать последовательно, — говорила она своим рассудительным тоном.

— Что ты предлагаешь, мисс частный детектив? — спросил Терентьев.

— Мы же записали телефон матери мальчугана, — продолжила она.

— Так, — согласился он.

— Доверься мне, — произнесла Ольга и взяла со стола свой телефон.

Она набрала номер, считывая его с листочка.

— Что ты д

Ольга приставила указательный палец ко рту, требуя, чтобы Терентьев заткнулся. Именно заткнулся – судя по выражению её лица. Он не стал спорить.

При этом его самого словно прошибло слабым разрядом электрического тока. Он действительно ей доверился: в первый раз, когда рассказал обо всём, потом в спорткомплексе и теперь. И это при том, что он уже сто лет не подпускал к себе даже старых знакомых.

— Здравствуйте, я из спорткомплекса, где занимается Федя, — начала Ольга, дождавшись короткого «Алло». — Вы – мама Феди, верно?

— Тренер Бзыков уже звонил по поводу пропусков, мы примем меры, — раздражённо перебила мама Феди.

— Простите, я не по этому поводу. Дело в том, что мой сын тренируется вместе с вашим Фейей, и у него пропал телефон. Он говорил, что они играли вместе, и, возможно, Федя мог случайно унести его домой, — произнесла Ольга.

— Федя? Играет с кемто? — мама Феди явно удивилась.

— Ну да. Они играли в одну из этих сетевых игр, и Федя взял телефон домой.

— Этого ещё не хватало, — тон женщины сменился на тревожный. — Федя Он Понимает Он мог взять, но не потому, что хотел украсть.

— Я ни в чём не обвиняю вашего сына. Я уверена, что это просто недоразумение, — вставила Ольга.

Терентьев видел, что Ольга в разговоре идёт по минному полю: одно неверное слово – и всё пропало. Однако тон её голоса был настолько уверенным, что вероятная мать Феди даже не сомневалась в её словах. Более того, она никак не пыталась опровергнуть наличие у него чужого телефона.

— Господи, конечно, да. Хорошо. Мне кажется, я видела у него что-то в руках. Он сегодня весь день в своей комнате и — голос её надломился.

— Думаю, что ничего страшного не произошло. Могу я приехать за телефоном?

Терентьев поднял руки с поднятыми большими пальцами. Ольга улыбнулась в ответ.

— Что он ещё вытворил? — рявкнул издали мужской голос.

Терентьев решил, что это отец мальчика.

— Вот что, — продолжила мама Феди после короткой паузы. — Приезжайте сегодня в шесть. Мы всё уладим. Мы живём на Ленина, девять, в тридцать седьмой.

В трубке вновь закричал отец, но слов Ольга уже не разобрала, а потом послышались короткие гудки. Ольга повернулась к Терентьеву, который весь сиял от счастья.

— Ты просто умница! — воскликнул он, когда Ольга положила телефон.

— Ты уже говорил, — улыбнулась она.

Глава 38 Большой босс

Виталий Прозибайко и другие полицейские таскали коробки, громоздкие мониторы и даже сейфы. Весь полицейский участок переезжал в новое помещение, недавно построенное через дорогу. Планировалось, что это будет новая районная больница, но деятельный Булгорг довольно быстро отвоевал себе это здание. Теперь у него было достаточно места, чтобы подготовить всё к полноценному вторжению, а ещё – разместить свою быстрорастущую армию.

Ему вообще очень нравилась эта новая реальность, в которой он оказался. После нескольких сотен лет в мире мёртвых, где он был заперт с кучкой особенно провинившихся грешников и сворой абсолютно бестолковых церберов, человеческий мир казался ему таким великолепным и чудным местом. За время его отсутствия люди изобрели столько поистине великолепных и мерзких вещей, что ему даже не приходилось самому ничего выдумывать. Он просто поражался их изобретательности. Чего только стоили административные проволочки и юридические хитрости: изучив их, Булгорг без труда доказал, что пенсионеры и инвалиды Ленинского административного округа могут ещё несколько столетий подождать бесплатную лечебницу.

Булгорг просто обожал изучать эти новые для него механизмы и нудные справочники. Он постоянно учился: читал книжки, листал интернетстраницы и слушал радио – со всем своим демонским усердием.

Поэтому большую часть своего времени Булгорг проводил в кабинете старого начальника полиции, которого пришлось запереть в одиночной камере и заткнуть рот грязной тряпкой. Бедолага никак не хотел обращаться и ещё постоянно толкал воодушевляющие речи, чем сильно раздражал Булгорга.

Сейчас Булгорг сидел за добротным дубовым столом, который ему так нравился, и перебирал руками разные предметы, которыми тот был завален. На столе стояла милейшая статуэтка «Самый большой начальник», настольный звончок «Ring for sex», шариковые ручки, женщины в которых раздевались, если их переворачивать, а ещё – миниатюрная гильотина. Последняя была поломана, к большой досаде Булгорга, поскольку не смогла даже отрубить пальцы старому вредному начальнику полиции. Однако Булгорг решил её оставить, так как она напоминала ему старые добрые времена, когда люди устраивали самые мясные потасовки во имя благих дел.

Перед столом Булгорга переминались с ноги на ногу новообращённые им Данила и уборщик Кеша. В последнее время оба старательно отлынивали от работы и часами сидели у клетки Вейдера, делая вид, что следят за ним. Вейдер был крайне упорным чёрным цербером, так рьяно преследовавшим Булгорга, что увязался за ним напрямиком из преисподней. Кличку для него придумал первообращённый дежурный Прозибайко – по совместительству ярый фанат всех фильмов. Он посчитал свою затею остроумной, а Булгоргу было совершенно наплевать.

— Куда подевался Вейдер? — спросил Булгорг, перегнувшись через стол.

Вся голова его – от кончиков ушей до рогов – сейчас искрилась адским электричеством и приводила в дикий ужас любого приспешника. Уже не раз Булгорг в порыве гнева испепелял нерадивых работников своей смертоносной способностью.

— Его нет, — просто заявил Кеша.

— То, что его нет в клетке, я и так знаю! — зарычал Булгорг. — Я спрашиваю, почему эта мерзкая псина сбежала?

— Он както пробил электрическую стенку, которую вы поставили, — пожал плечами Данила Бочка.

— Там огромная дыра в стене, — подтвердил Кеша.

— Вы два совершенно бестолковых и никчёмных идиота, способных только на разные непотребства! — Булгорг ударил кулаком по столу, и россыпь синих искр метнулась в разные стороны. — Именно такие обычно мне нравятся, но знаете, кто мне нравится ещё больше?

Данила Бочка и уборщик Кеша замотали головами.

— Исполнительные никчёмные идиоты! — рявкнул Булгорг, и парочка в испуге прижалась друг к другу.

— Простите нас, господин, — проговорил Кеша. — Этого больше не повторится.

— Ещё бы вы ухитрились повторить, чтобы Вейдер сбежал! К сожалению, убить вас дважды я не могу, но могу обещать, что если вы, кретины, ещё раз ослушаетесь моего приказа и будете прохлаждаться в пивной, то я сдеру с вас кожу. Ещё прослежу, чтобы вы были живы всё время, пока мои мастера с вами не закончат!

— Мы найдём его, — заверил Данила в кратком приливе желания трудиться в поте лица.

— Вы не способны даже найти свои собственные задницы. К счастью для вас, у меня есть одно неотложное задание. Попробуйте его провалить – и лучше вам сразу отправиться в ад!

— Мы всё сделаем, — заявил Данила.

— Да, босс, — Кеша запнулся.

Смотря на спины выходящих из кабинета Бочки и Кеша, Булгорг думал, что люди за много столетий много всего переделали, но так и остались в большинстве своём совершенно жалкими созданиями. «Что ж, тем больше работы предстоит сделать», — заключил он и провёл пальцем сверху вниз по миниатюрной гильотине. Когданибудь он разберётся, как её починить.

Глава 39 Пока все спят

Ольга и Терентьев осторожно пересекли пустынный двор. Квартира, которую они искали, находилась на первом этаже. Окно гостиной было приоткрыто, и из него лился блёклый свет телевизора. Терентьев остановился и, прикрыв глаза ладонями, прижался лицом к стеклу.

Ольга с интересом покосилась на него. Со стороны это выглядело так, будто он подглядывал за кемто.

— Ну что там? — прошептала она, едва сдерживая улыбку.

— Тсс! — отмахнулся Терентьев.

В комнате на диване кто-то сидел. Фигура казалась неподвижной, подобно большой кукле. По телосложению он распознал мужчину – довольно крупного, с внушительным животом. Глаза закрыты. Подругому и быть не могло: иначе это адское мерцание синего экрана могло просто свести с ума.

Ольга, желая заглянуть внутрь, подкралась ближе и дотронулась до плеча напарника.

— Александр

Тот вздрогнул так, что едва не впечатался лбом в стекло.

— Да чтоб тебя! — прошипел он, оборачиваясь.

Ольга его не слушала. Она вглядывалась в темноту комнаты, и выражение её лица стремительно менялось.

— Там — начала она, но осеклась.

— Да, вижу. Рано для выводов. Пошли внутрь.

Они поднялись к двери и позвонили. В ответ раздалось ровно ничего: ни шагов, ни приглушённого голоса, ни скрипа пола. Терентьев надавил на звонок ещё раз – снова тишина.

Ольга дёрнула дверную ручку – та поддалась. Дверь открылась, издав характерный скрип. Они вошли в узкий коридор. Здесь пахло чужим домом: смесью стирального порошка, чьего-то сладковатого парфюма и жареных овощей.

Слева в ряд висели три ветровки: одна мужская, серая, и две женские – в ярких тонах. Столько же пар летней обуви стояло внизу. Дальше на тумбе стояла увесистая фарфоровая ваза, на пузатом теле которой увядали синие тюльпаны. Терентьев, чувствуя себя бывалым детективом, осторожно передвигался вдоль противоположной стены. Он остановился перед входом в кухню – и в его спину тут же врезалась Ольга, заставив его обернуться. Взгляд Терентьева упал на вазу в её руках – ту самую, что стояла в коридоре. Он приподнял брови, а она в ответ лишь пожала плечами.

На кухне стоял порядок. Обеденный стол убран, текстильные салфетки с голубыми рыбками аккуратно разложены по краям, ваза с цветами – посередине. Кухонный гарнитур блестел чистотой; мойку украшали несколько перевёрнутых кружек и тарелка с недоеденным бутербродом.

Они двинулись дальше и замерли у входа в гостиную. На диване попрежнему сидел мужчина. Он не двигался.

Ольга подошла ближе, машинально прижав вазу к груди, словно собиралась защищаться от когото. Терентьев осторожно подошёл к мужчине. Как оказалось, тот сидел с открытым ртом. Глаза его были напротив открыты и смотрели в никуда.

— Ох — выдохнула Ольга.

— Подожди.

Терентьев протянул руку и легонько толкнул его в плечо. Мужчина покачнулся – и вскрикнул. Вернее, он просто громко всхрапнул, но в тишине это прозвучало так, будто кто-то пытался завести бензопилу.

Ольга взвизгнула и едва не выронила вазу.

— Да чтоб тебя! — выдохнул Терентьев, прикладывая руку к сердцу.

Мужчина что-то пробормотал сквозь сон и ещё раз хрюкнул носом.

— Похоже, мы его не разбудим, — заключил Терентьев, оглядывая пустую бутылку на полу.

Оставив хозяина квартиры, парочка направилась в соседнюю комнату и обнаружила там женщину. Она раскинулась на кровати, зажав руками огромного плюшевого медвежонка.

— Похоже, это мама Феде, с которой я разговаривала, — произнесла Ольга.

— И тоже спит, — констатировал Терентьев.

— Что с ними?

— Не знаю, но спят они уж слишком крепко. Возможно, воздействие телефона.

Ольга и Терентьев зашли в последнюю комнату, на двери которой красовался чёрнобелый плакат с Эйнштейном, показывающим язык.

В углу – стол, заваленный журналами комиксов и обёртками от шоколадных батончиков. Небольшой потёртый диванчик у противоположной стены расправлен. Кто-то небрежно скомкал одеяло в самый край и разбросал пижаму с кометами. На стене – большая фотография: усатый мужчина из гостиной и женщина прислоняются щеками, а между ними – мальчишка и девочка-подросток.

Терентьев всмотрелся в лицо мальчика, пытаясь понять, почему следующим телефон выбрал именно его. Приятные черты лица, чёлка, сбившаяся на левую сторону, и весёлые маленькие глазки. Конечно, не красавчик, но и уродом его вряд ли можно назвать. Обычный прыщавый подросток со своими проблемами. Только вот с какими?

В этот момент со стороны коридора раздался глухой удар. Они замерли. Стук повторился. Где-то за стеной явно кто-то был.

— Александр, это уже не смешно — прошептала Ольга, сжимая вазу так крепко, что у неё побелели костяшки пальцев.

Они вернулись в коридор, где стук был громче. Кто-то колотил в дверь ванной изнутри.

— Выпустите меня! Федя, если это ты, то я тебе башку оторву, маленький засранец! — послышался женский крик изза двери.

— Кто там? — спросил Терентьев.

Наступила непродолжительная пауза, потом в дверь вновь ударили.

— Это вы кто? Выпустите меня отсюда! — последовал ответ.

Терентьев нащупал дверную ручку и замочную скважину под ней. Нашёл небольшую выемку обратного поворота замка.

— Я сейчас! — крикнул он и убежал на кухню.

Вернулся он уже с консервным ножом в руках, сунул его в выемку замка и повернул. Дверь открылась – и из ванной вышла девочка лет шестнадцати. Одета она была в цветастую футболку с надписью «Если мне надо, то я делаю». В русых волосах – красные и синие косички, свисавшие на плечи. Глаза её не показались Терентьеву странными – скорее они горели вполне понятным ему вызовом. Она смотрела то на него, то на Ольгу, которая неловкими движениями пыталась пристроить вазу на журнальный столик.

— Какого такого хрена вы тут делаете? — спросила девочка.

— Мы услышали шум, — начал Терентьев.

— Мы из ПДН, — одновременно произнесла Ольга.

Девочка задержала взгляд на Ольге. Казалось, слово «ПДН» ей известно не понаслышке.

— Соседи услышали шум и сказали, что с детьми что-то стряслось, — поправилась Ольга. Она достала из сумочки всё то же фальшивое удостоверение и продемонстрировала его девочке, закрывая большим пальцем кривую синюю печать на фотографии. Девочка, как и тренер, не должна была отличить оригинал от фальшивки.

— Что у вас тут стряслось? — спросил Терентьев.

— Я не знаю как, но мой брат! Это всё мой тупоголовый братик! Он усыпил родителей. Они запретили ему уходить из дома и просили отдать какойто телефон. Похоже, балбес стырил чейто телефон или чтото типа того. Он типа так взбесился, хлопнул дверью, а потом закрыл меня в ванной и усыпил родителей.

— Может, он чтото им подсыпал? — уточнила Ольга.

— Не думаю, — девочка замотала головой. — Придурочный слишком тупой для этого. Ему ктото помог. Я точно вам говорю!

— Ты сказала, что он кудато ушёл, — сказал Терентьев.

— Я слышала, как он выходил. Кричала ему, но он лишь игрался со своим телефоном. Он типа с кемто говорил, что ли. Какоето бормотание я слышала. Ну, типа как из трубы говорят.

— Ты не знаешь, куда он мог пойти? — спросил Терентьев.

Он думал о том, что мальчика направлял телефон. Скорее всего, телефон помог ему усыпить родителей и подготовил всё для следующего этапа. Теперь он вёл мальчика, как когдато вёл и самого Терентьева, — готовил к совершению чегото действительно ужасного.

— Нужно осмотреть его комнату, — скомандовал Терентьев.

— Вы типа, может, хоть объясните — начала девочка.

— Потом! — оборвал он.

Глава 40 Тайник

Комната мальчика казалась живой – захламлённой, но посвоему уютной. Терентьев порылся на столе, перебрал ворох брошюр, цветные стикеры с супергероями, карандаши и анимезначки. Он не мог себе признаться – и уж тем более признаться Ольге, – что сам не знал, что именно хотел найти. Надеялся, что в комнате мальчик ему что-то оставил: что-то, что могло помочь понять, как действовать дальше.

Постепенно он добрался до выдвижных ящичков, поднял ворох странных и нелепых рисунков, шоколадных обёрток. В одном из ящичков он нашёл фигурку Флэша, изучил её и отбросил на пол.

Ольга стояла в дверном проёме, скрестив руки.

— Что мы ищем? — спросила она.

Терентьев заглянул под стол, вытащил стопку картонных карточек «Звёздных войн», ещё полосатый носок и клубки пыли. Перебрался дальше – под кровать. Тоже ничего, лишь старый футбольный мяч, который пролежал там, наверное, целую вечность.

— Александр, — повторила Ольга.

Она продолжала наблюдать, не зная, стоит ли вообще вмешиваться. Возле неё уже стояла сестра мальчика и неодобрительно косилась на копошащегося в вещах Терентьева.

— Алё, — сказала она, — если этот придурочный что-то прячет, то под шкафом.

Ольга вздохнула и обернулась к девочке:

— Послушай, нельзя же так о брате

Но её слова утонули в глухом звуке: носком ботинка Терентьев легко задел цоколь шкафа, и тот подался, сдвигаясь внутрь. Он тут же наклонился, убрал планку в сторону и заглянул в тёмную нишу – место, куда никто не должен был проникнуть.

Там обнаружилась металлическая коробочка от чая. Он потряс её – внутри что-то звякнуло.

— Похоже, ты нашёл сокровище, — сказала Ольга.

— Если в этой комнате есть то, что поможет нам отыскать мальчишку, то это здесь, — ответил Терентьев.

Он смахнул со стола груды хлама, который сам выгреб из ящиков, поставил коробку посередине и сделал шаг назад. На крышке коробки шагал гигантский слон, украшенный цветной попоной и золотым платком на голове.

— Чего мы ждём? — спросила Ольга, оказавшись прямо у него за спиной.

— Там всё равно один хлам, — предположила девочка, тоже оказавшаяся рядом.

Терентьев аккуратно подцепил пальцем крышку и отложил её в сторону. Внутри лежал телефон. Надежда мелькнула в голове: возможно, Федя какимто образом вышел из дома без телефона!

Он вытащил его и сразу же понял, что ошибся: обычный старенький телефон с треснувшим экраном. Судя по всему, Федя нашёл ему достойную замену – замену в виде адского телефона Яала.

Ещё в коробке оказались пластиковые фигурки солдатиков, фишки от «Монополии», маленький перочинный ножичек и несколько вырезок из газет и статей из интернета – все сокровища мальчика.

Он вытащил одну из вырезок и пробежался взглядом по заголовку: «Скоро команды юношей поборются за летнее первенство». На небольшом листочке – открытое футбольное поле с надписью «Заря», список команд и время проведения матчей. Дата стояла сегодняшняя.

Другие вырезки оказались не менее интересными. Качество печати оставляло желать лучшего, но с первого взгляда стало понятно, что все они посвящены новому городскому злодею – «Отмороженному». Именно так прозвали преступника, который взорвал в парке лавку мороженщика. Ещё одна статья рассказывала о взрыве мусорки в том же районе. В третьей описывались оба случая сразу, а в конце большими буквами стоял вопрос: «Куда в следующий раз ударит Отмороженный?»

— Вы что, типа хотите сказать, что это Федя? Ну, фигня же. Он придурочный, но не маньяк, понимаете? — спросила девочка. Голос её был явно обеспокоенным.

— Я хочу сказать, что Федя в беде, — отреагировал Терентьев. — И мы должны ему помочь.

— Да что случилось? Я вообще уже не врубаюсь! — сказала девочка.

— У Феде неприятности. Очень нехороший человек может вовлечь его во что-то ужасное, — попыталась объяснить Ольга.

— Так, стопэ. Какойто урод вовлёт моего брата в какое-то дерьмо, и мы ещё здесь?

Терентьев продолжал перебирать вырезки. Он смотрел на заголовки, на изображения, даты. Пазл складывался.

— Парень кое-что задумал, — тихо сказал он. — Кажется, я догадываюсь, что именно.

Ольга посмотрела на него с тревогой. Девочка тоже замерла и настороженно вскинула брови.

Терентьев медленно поднялся, держа в руках вырезки:

— Нам надо спешить.

Глава 41 Стадион "Заря"

Федя приехал к стадиону «Заря» за час до игры. Слишком рано, но после того, что он вытворил у себя дома, он просто не знал, куда ему ещё пойти. Он прекрасно понимал, что мама и папа будут в бешенстве, когда узнают, что он не только не вернул телефон, но ещё и ушёл из дома. Только вот это теперь его телефон. Кто бы там что ни говорил, это был его собственный телефон, и он должен был изменить его жизнь. С помощью этого телефона он надеялся стать супергероем. Больше никто не будет смеяться над ним, избегать и обзывать тупицей. Оставалось только выполнить одно большое дело – и на этот раз у него всё должно получиться, потому что с ним телефон.

Он старался избегать толп подростков в спортивных костюмах, групп родителей, которые занимали, наверное, половину всей парковки. Они громко галдели, хлопали своих сыновей по плечу и громко смеялись.

— Общее фото! Давайте общее фото! — кричала одна из женщин.

Группа детей и родителей собралась вместе, обнимая друг друга за плечи. Они образовали одну небольшую цепь из людей, и женщина в сиреневом платье сделала несколько снимков.

Двери стадиона распахнулись, и появился важного вида дядька, одетый в рубашку с короткими рукавами и брюки. Он отстегнул красную верёвку с проходной, и к нему потянулась вереница посетителей и участников соревнования.

Точного плана у Феде не было, и он несколько минут стоял на парковке, наблюдая, как люди один за другим пропадают в стенах стадиона. Телефон не сказал ему, как себя вести до того, как он попадёт внутрь, а сам он не способен придумать какой-либо план. По крайней мере, он так думал. Поэтому Федя просто присоединился к толпе.

Когда приблизилась его очередь пройти через турникет, сердце мальчика замерло. Ему казалось, что важного вида дядька что-то о нём знал. Он внимательно смотрел ему прямо в глаза, и от этого Феде стало совсем не по себе: «Сейчас он даст ему затрещину, отберёт телефон и отправит домой», — думал Федя.

— Ты чего всталто? Иди уже! — закричал кто-то сзади.

Федя сделал шаг навстречу турникету, и он раскрылся перед ним. Важный дядька протянул к нему свою ладонь:

— Твой билет, парень.

— У меня — Федя покачал головой, чувствуя, что непокорные слова опять застряли у него в горле.

— Что у тебя, сынок? Здесь нужен билет, — настаивал дядька.

— Давай уже быстрее! — подгонял кто-то позади. — Тормозишь всех! — кричал другой.

Федя впал в ступор, не зная, что делать. Он ощупал свои карманы, пытаясь ухватиться за телефон – единственное, что сейчас способно было ему помочь. Он считал, что телефон на его стороне.

— Потерял? — спросил дядька в рубашке.

— Пропустите тогда нас уже, — вновь прозвучали возмущённые голоса.

Дядька их словно и не заметил. Он смотрел прямо на Феде – маленького, растерявшегося мальчика с большими глазами, который будто и не знал, что от него хотят. Кто-то опять начал кричать, но мужчина вытянул руку в сторону толпы, показывая ладонь. Федя наконец отыскал телефон в кармане – и хотя никакого эффекта это не произвело, но ему сразу стало спокойней. Ведь он знал, что эта штука способна на невероятные вещи.

— Сынок?

Он поднял взгляд на мужчину и кивнул, толком не разобрав, что тот ему сказал.

— Всё в порядке, сынок, — мужчина похлопал его по плечу. — Просто сядь на последний ряд и смотри матч. Наверное, половина стадиона сегодня будет пустой.

Федя опять кивнул, не веря своим ушам. Он был так благодарен этому деловому здоровяку в рубашке, но ничего не смог ответить. В очередной раз он проклинал свои недоделанные мозги за то, что они не работали как надо, – и он не смог сказать простое «Спасибо». Тут же вклинилась совершенно чужеродная мысль о том, что он подведёт этого дядьку, а ещё других хороших людей – подведёт, когда выполнит то, что сказал ему телефон. Он откинул её как ненужную: такие мысли только всё испортят. Он не верил Яалу, но теперь верил телефону и считал себя его хозяином.

На стадионе действительно было полно свободных мест, и Федя поднялся на самый верхний ярус, как и обещал дядьке. Подумал, что хоть в этом он его не подведёт. Он сел на одно из кресел и посмотрел на поле. В центре игроки из разных команд разминались, советовались с тренерами.

Среди них Федя увидел и своего тренера Бзыкова. Мальчишки из Фединой команды собрались вокруг него, а он бойко жестикулировал и тыкал пальцем в сторону разных участков поля. Мальчики дружно кивали в ответ. Один из них упирался ногой в футбольный мяч и то и дело посматривал на трибуны. Было сложно разглядеть лицо, но номер тринадцать на его футболке Федя хорошо видел со своего места. Это был Костя. Хотя Федя и не считал его своим другом, но всё же Костя всегда относился к нему хорошо. И чем он ему отплатил? Неважно. Сам виноват, что полез тогда к этой девчонке. Испортил всё.

Несмотря на эти мысли, ему стало не по себе – уже второй раз за время пребывания на стадионе. Сделать что-то плохое Косте ещё раз ему не хотелось: с него уже достаточно. Он надеялся, что всё же никто особо не пострадает, как вышло со взрывом мороженого.

Ещё Федя надеялся, что Костя и другие ребята не увидят его на трибуне, хотя и не задумывался о том, что его футболка с Флэшем, в которой он всё время ходил, слишком примелькалась в команде.

Костя сказал что-то тренеру, и тот нацелил на Федю палец, изображая пистолет, сделал воображаемый выстрел: «Попался!» Другие ребята тоже смотрели теперь на Федю: некоторые с сочувствием, некоторые с насмешкой. Но Федя смотрел на тренера, а тренер – на него. Сердце Феде учащённо забилось, костяшки рук, сжимающих подлокотники, побелели. Ему показалось, что Бзыков даже сделал шаг в его сторону, когда прозвучал свисток, оповещающий об окончании подготовительного этапа. Команды спешили освободить поле, и тренер, всё ещё посматривая на него, увёл свою команду. Федя вздохнул и растёкся в кресле.

Трибуны продолжали заполняться. Как и говорил деловой дядькоохранник, людей действительно было не так много, чтобы занять все места, – сектор Феде оставался почти пустым.

Мимо Феде медленно прошла старушка в шляпке и красных туфлях, а за ней плелась громадная псина. Федя даже не знал, что собаки такого размера бывают. Казалось, что тело животного вылито из сплошного куска чёрного мрамора с красными разводами. Глаза у пса будто налиты кровью, но при этом он выглядел вполне дружелюбно. Феде показалось, что он даже вилял хвостом с блестящими чёрными иглаиволосами.

Федя проводил их взглядом и увидел, как старушка села и закурила сигарету. Мальчик не был уверен, можно ли курить на стадионе и можно ли вообще сюда приходиться с животными. По крайней мере, он решил, что не против последних, а с остальным должны разбираться дядьки в деловых костюмах. Старушка в шляпе заметила его взгляд и помахала рукой в красной перчатке, делая цветной зигзаг из сигаретного дыма. Федя машинально помахал в ответ.

— Пришёл посмотреть на игру друга? — спросила приветливая старушка.

На трибунах начался галдёж, и Федя едва её услышал.

— Конечно, — прокричал он в ответ, думая, что как раз у него и нет ни одного друга.

На самом деле только Яал теперь являлся его другом. Федя видел его всего раз, иногда переписывался по телефону, но этого было достаточно для мальчика, которого всю жизнь все избегали и гнобили. К тому же Яал обещал помощь. До этого никто не хотел понастоящему помочь Феде – многие лишь делали вид.

— А ты не думал, что будет потом? — спросила старушка, перекрикивая толпу.

— Потом? — вполголоса спросил он.

— Сможешь стать как они, когда всё закончится, а? — старушка кивнула на мальчишек на поле. — Примут потом тебя в команду?

Федя не понимал эту старушку. Что значит это «потом»? Для себя он решил, что выполнит задание мобильника, мозги его заработают как надо – и все будут любить его и принимать. Даже старшая сестра, которая через слово называла его «Тупицей». Он не брал в расчёт тот факт, что они могут узнать о том, что он делает. «Они не узнают», — замотал головой Федя. Яал ему сказал, что всё будет как нельзя лучше. Федя отвернулся от старушки и нащупал телефон в кармане. «Как только матч начнётся, — думал он, — тогда я нажму на кнопку, и всё встанет на свои места».

В нижнем ряду, где собралось уже полно людей, появилась тележка с хотдогами. На цветном баннере над ней красовалась сочная сосиска, разрезанная пополам полоской горчицы и кетчупа. Продавец в коричневом фартуке – худой дёрганый мужчина с такой же сосиской – позвал своего напарника, и рядом возник лысый верзила, который не говорил, а только кивал.

Из глаз и ушей обоих валил дым и струился огонь, но никто этого не замечал – кроме старушки с сигаретой. Потом верзила наклонился и заполз под шторку тележки, где осторожно соединил большую цистерну с металлическими шайбами и свёрток со взрывчаткой.

Федя этого не видел и не мог знать наверняка. Зато об этом говорил телефон долгими одинокими вечерами, которые мальчик проводил в своей комнате. Телефон без конца нашептывал; иногда Федя думал, что он шепчет прямо у него в голове – долго и монотонно. Шептал обо всех подробностях того, что произойдёт на стадионе, о том, что он должен сделать. Но телефон не говорил одного: что будет потом? Да, Яал сказал, что он станет новым супергероем и все его проблемы улетучатся. Но как он станет играть на стадионе, которого не станет?

В его воображении яркими красками всплывали сцены из предстоящего будущего. Он видел, как взлетают в воздух все первые ярусы, как огонь разносит в щепки стулья и ограждение, а маленькие металлические шайбы заканчивают дело, убив и покалечив добрую часть собравшихся. «Так не поступают супергерои»

Глава 42 Перед бурей

Старенький «Форд» Терентьева держался на честном слове – в последнее время он практически перестал за ним следить. Машина ехала на пределе своих возможностей, дребезжа и протестуя на каждом ухабе. Обычно она едва разгонялась до семидесяти, но сегодня, словно преодолев скоростной барьер, мчалась, рассекая вечерний воздух.

Терентьев сжал руль, с напряжённым вниманием следя за дорогой. Он работал коробкой передач, нервно переключая скорости, и жёстко закладывал виражи, не оставляя попутчикам ни мгновения покоя.

Ольга сидела на пассажирском сиденье, сжавшись и вцепившись в поручень. Каждый раз, когда «Форд» обгонял очередную машину, она невольно жала воображаемые педали, пытаясь хоть как-то контролировать ситуацию.

— Так мы до стадиона вообще не доедем! — крикнула она, перекрикивая шум мотора.

В ответ Терентьев лишь сильнее надавил на газ. Впереди маячил розовый «Жук», который плыл по дороге неспешно, будто наслаждаясь вечерней прогулкой. Терентьев раздражённо ударил по клаксону, сигналив так настойчиво, что водитель «Жука» – испуганная женщина средних лет – с негодующим взглядом перестроилась вправо. «Форд» пронёсся мимо в опасной близости, едва не задев боковое зеркало.

Терентьев протянул руку мимо колен Ольги и начал шарить в бардачке. Машина при этом слегка вильнула, но он ловко выровнял её, не сбавляя скорости. Нашупав нужный предмет, он молча передал его Ольге – небольшой серебристый прибор, полученный им от старушки в больнице. Она посмотрела на него с недоумением, но всё же взяла, словно заранее зная, что так и должно было случиться.

— Пусть будет у тебя, — буркнул он, глядя вперёд.

— Что? Зачем? — нахмурилась Ольга, внимательно осматривая устройство.

— У меня плохое предчувствие. Если что-то случится, попробуешь его в деле.

— Что может случиться?

— Чёрт, да всё что угодно! Кто знает, какие ещё сюрпризы припас телефон

— Хорошо, но пообещай, что будешь осторожен, — пробормотала она, тяжело вздохнув.

Терентьев несколько секунд смотрел на неё, будто осозная сказанное, а затем кивнул.

На мгновение в машине повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь рёвом мотора и шумом проносающегося мимо воздуха. Наконец Терентьев снова заговорил, голос его прозвучал неожиданно глухо:

— И прости меня.

Она повернула голову, пристально глядя на него, не понимая, что он имеет в виду.

— За вас. За твоего жениха. Я тогда не думал — он запнулся, не зная, как закончить фразу.

Ольга отвела взгляд.

— Ты так и не объяснил, зачем выполнял задания телефона, — тихо сказала она. — Что он обещал тебе взамен?

Терентьев молчал. Сердце гулко билось в груди. Хотелось сказать правду, рассказать про дочь, которая нуждалась в чуде, но он не смог. Вместо этого выдавил:

— Да, обещал. Но сейчас это не важно. Просто прости меня.

Ольга посмотрела в окно, и если бы Терентьев в этот момент взглянул на неё, то увидел бы, как по её щеке скатилась одинокая слеза.

Машина вылетела на встречную полосу, обгоняя целый ряд автомобилей. С заднего сиденья послышался восторженный голос:

— Крутяк! Во ты даёшь, дядя!

Сестра Феди буквально прилипла к стеклу, восторженно наблюдая за гонкой. Её растрёпанные волосы топорщились во все стороны, глаза блестели от возбуждения. Но даже она, несмотря на браваду, крепко держалась за ремень безопасности.

Девчонка сама настояла на том, чтобы отправиться с ними. Уверяла, что знает брата лучше всех и сможет его отыскать быстрее. Терентьев и Ольга пытались её отговорить, но она оказалась упрямой. Даже пригрозила вызвать полицию, если её не возьмут с собой. В конце концов пришлось согласиться.

Теперь она сидела в машине, с азартом следя за дорогой, и только по крепко сжатым пальцам на ремне безопасности можно было понять, что даже ей эта поездка казалась чересчур сумасшедшей.

Глава 43 Беркуты

На поле вышел звёздный состав «Беркутов», который лично отбирал тренер Бзыков. Среди них Федя узнал знакомых ему ребят по команде, в том числе Костю, здоровяка Лёху, а также Коровкина и Сашу Головина – неугомонных, как их любовно называл Бзыков. Оба были в защите и постоянно друг друга подзуживали.

Вот и сейчас Федя наблюдал, как две команды выстроились в линии напротив друг друга и готовились обменяться приветствием, а эта парочка без конца пиналась и брыкалась. Один Пухлый – вратарь и по совместительству «мистер дырявые руки» – стоял поникший.

«Видать, опять получил по первое число от тренера», — думал Федя. Парень всегда выходил на поле в таком подавленном состоянии, когда тренер особенно сильно на него наседавал.

После приветствия команды разбежались в разные стороны поля и сбились в кучки. Команда противника, одетая в оранжевую форму, склонилась над капитаном команды, пока один из игроков – патлатый мальчуган с конопатым лицом – всё время смотрел на другую сторону поля, вытянув длинную шею. Точьточь как зверёк в норе.

Даже Федя знал, что «оранжевые» гораздо лучше натренированы и подготовлены. По сути, у «Беркутов» не было шансов, тем более с таким бездарным тренером-самодуром, как Бзыков. Последний так хорошо чувствовал настроение команды, что обозвал и награждал пинком буквально каждого игрока перед игрой.

«Беркуты» долго не совещались. Честно говоря, они просто обсудили, куда пойдут после матча, когда наступит время их позорного и разгромного, они в этом не сомневались, поражения. Коровкин настаивал на кафе «Буратино», но остальные считали, что нужно пойти к Коровкину, поскольку его родителей не было дома. Все согласились, за исключением, разве что, самого Коровкина.

Внизу какаято женщина растягивала небольшой плакат «Лисы, вперёд!», и её лозунг поддерживали большинство болельщиков нижнего сектора. Однако один мужичок, осознав, вероятно, что попал во вражеский стан, быстро перебежал в другой сектор и подсел к небольшой группе родственников «Беркутов». Надо было отдать им должное: вся немногочисленная поддержка «Беркутов» кричала так, словно случился апокалипсис, извержение вулкана и распродажа – причём всё одновременно. Лысоватый мужичок с чипсами, который только что присоединился к ним, вообще просто завопил: «Аааа!»

Начался первый тайм. Все игроки на местах, и лысый здоровяк, которого когда-то звали Кеша, ещё раз нырнул под шторку прилавка, чтобы проверить устройства. Оба лежали в деревянном ящичке и были готовы разнести всё к чёртовой бабушке. Стоит только дожидаться сигнала с мобильного. Кеша старательно прикрутил проволокой последний компонент – мобильный телефон, соединил провода с детонатором. Он пользовался плоскогубцами с режущей кромкой и орудовал ими довольно ловко.

«Беркуты» ввели мяч в игру. Его повёл полузащитник Пуговкин, который несколько неуклюже передал пас Косте. В этот момент оранжевый игрок с выбритыми молниями над ушами развил просто бешеную скорость и перехватил мяч, разбивая все планы на робкую атаку «Беркутов».

У ограждения Бзыков с красным лицом что-то кричал Косте, и Федя решил, что он точно не желал ему доброго дня. После игры парня ждала серия обидных оскорблений, которыми так гордился Бзыков.

Парень с молниями в это время вёл мяч всё ближе к воротам противника. Защитники «Беркутов» стояли к нему спиной, будто забыли о своей роли. Молния ударил из штрафной и прострелил нижний угол ворот. После того как мяч уже оказался в воротах, Пухлый – вратарь, понимая, что нужно хоть что-то сделать, запоздало упал на землю.

— Гоооол!

Секция, поддерживающая «лис», моментально взорвалась диким криком. Женщина с плакатом подпрыгивала выше кресел и постоянно скандировала какуюто кричалку, слова которой сливались с общим криком, и Федя не мог ничего разобрать, кроме «Лисы» и «Вас всех».

Лысый мужик, видимо, решил, что лучше находиться вместе с победителями, и вернулся обратно в сектор «Лис». Тут же присоединился к общему ликованию и под шум открыл банку пива.

Федя нащупал телефон в кармане джинсов и погладил пальцами экран, который казался ему слегка горячим. Будто сам телефон не терпелся поскорее активировать бомбу и покончить со всем этим позором. Федя знал, что «Беркуты» уйдут с поля полными лузерами и надолго запомнят этот день как суший кошмар.

«После второго гола», — решил Федя, оттягивая то, что планировал совершить. Мобильнику это не понравилось – Федя тут же ощутил лёгкую вибрацию в кармане.

На поле другой игрок «оранжевых» — с русыми афрокосичками – в подкате сбил Пуговкина. Парнишка всю изобразил дикую боль и состояние, близкое к смерти, чтобы ему позволили спокойно покинуть матч. Мужчина в полосатой футболке остановил игру. Федя мысленно поблагодарил Пуговкина за эту заминку.

Глава 44 Хот-доги

Хотдоги пахли так, как им и положено пахнуть в такой приятный летний день. Запах был настолько притягательным, что легко можно было представить хорошо прожаренную сочную сосиску, одетую в хрустящую булочку, капли густого кетчупа на рубашке и луковые кольца в качестве добавки.

Именно такую сосиску представлял себе Терентьев, выйдя в проход из подтрибунного помещения и шурясь от солнца. Вот чего он себе не представлял – так это Данилу, раздающего те самые сосиски.

Данила в фартуке убирал потные волосы со лба. Он заметил Терентьева как раз в тот момент, когда тот заметил его. В это мгновение они обменялись таким количеством информации, которой хватило бы для довольно содержательной – и весьма неприятной – беседы с разными обидными высказываниями. Это отчётливо проявлялось на лицах обоих: каждый мускул, казалось, был напряжён до предела.

Придя в себя, Данила пнул Кешу, который всё ещё торчал под прилавком. Тот лениво поднялся и звонко ударился головой о металлический каркас вывески. Терентьеву показалось, что здоровяк ещё больше подрос со дня, когда они встречались в квартире Ольги. Терентьев также заметил, что помимо роста в нём ещё что-то изменилось. Изменилось в них обоих. Только вот понять, что именно, Терентьев так и не смог. Он, как и большинство обычных людей, просто не замечал демонического облика обоих мужчин.

Ольга трясла его за руку, точно маленький ребёнок.

— Найди мальчишку и забери телефон. Я выясню, что они тут делают. Здесь они точно не для того, чтобы продавать сосиски, — сказал Терентьев.

Ольга несколько секунд молча обдумывала его слова. Приблизиться к этой парочке ей совершенно не хотелось. Более того, её била дрожь при одной мысли об этом. На самом деле она была только рада уйти, но что-то ей подсказывало, что она бросает Терентьева в беде.

— Слышишь меня? Что-то ужасное должно произойти. Если эти никак не замешаны, то я готов пуститься в пляс, — добавил Терентьев.

Ольга решительно кивнула.

— И то устройство Не знаю Используй его. Думаю, хуже точно не будет, — продолжил он.

Ольга опять кивнула, но никуда не ушла.

— А как же ты? — спросила она.

— Я как-нибудь справлюсь. Жаль, что здесь нет твоего кота, — Терентьев улыбнулся.

Ольга обогнула по широкой дуге тележку и кинулась в ряды болельщиков, перешагивая через кресла и рассыпая извинения.

Кеша вышел вперёд, прикрыв собой тележку и Данилу.

— Что у тебя в руках? — спросил Терентьев.

Кеша старательно делал вид, будто только сейчас заметил здоровенные плоскогубцы, зажатые у него в ладони.

— Прекрати упорно засовывать их в карман! Я прекрасно их вижу! Что вы тут делаете?

— Потихе, приятель, мы не хотим проблем, — произнёс Данила, подняв руки вверх.

— Телефон послал вас? Снова? — спросил Терентьев.

В этот момент Кеша уже оставил свои попытки спрятать плоскогубцы и замахнулся ими. Терентьев ожидал этой атаки. Он нырнул под руку Кешы ещё до того, как плоскогубцы описали полную дугу вверх, после чего, как игрок в регби, ухватил Кешу за талию и сбил с ног. Кеша повалился на ближайшие кресла. Казалось, они сделаны из картона, поскольку он просто смял их своим весом.

В этот момент все скучающие на креслах перестали скучать, а истинные болельщики перестали болеть и смотрели только на разворачивающуюся сцену у тележки с сосисками. Лысый мужичок, успевший к тому времени набраться пивом, пересел ближе.

Всем было уже совершенно наплевать, что Молния ударил по воротам, но попал в игрока «Беркутов», который свалился на спину и тоже изображал дикую боль. Парнишку уводили с поля в сопровождении медиков.

В тот самый момент, когда Кеша без особых усилий скинул с себя Терентьева и собирался дубасить его ножкой от кресла, в проход вышел охранник в белой рубашке.

Он открыл рот и глубоко вдохнул, стараясь вобрать в себя весь воздух стадиона. Глаза его и щёки удивительным образом надулись, а потом он вложил в рот розовый свисток и яростно свистнул.

Звук был настолько звонким, что передние ряды мгновенно закрыли уши, а Кеша, Терентьев, Данила и даже некоторые игроки на поле посмотрели на охранника стадиона. За этим звуком последовал другой, но уже более привычный для ушей: охранник крыл нарушителей порядка отборным матом и в конце вежливо попросил спуститься в проходную стадиона. Публика огорчённо охнула.

— Ты испортил драку! — крикнул кто-то с передних рядов.

— Пусть уж разберутся! — с надеждой предложил другой.

— Дада, пусть закончат, что начали! — верещал третий.

Тогда охранник надулся второй раз, и свист повторился – только ещё более яростный и злой, чем прежде. Теперь у всех окончательно заложило уши, и никто уже не сомневался, что лучше спокойно досмотреть матч, чем лишиться слуха.

Охранник взял под локти Терентьева и Кешу, после чего вывел обоих в подтрибунное помещение. За ними торопливо заковылял Данила.

— Ну, что вы здесь устроили? — спросил недовольный охранник, оглядывая верзилу Кешу и Терентьева, которые стояли, опустив головы, как провинившиеся школьники в кабинете директора.

— Два взрослых мужика и такое — продолжал охранник.

Терентьев, который твёрдо решил, что не станет оправдываться и только скажет, что он больше так не будет, поднял голову. Глаза его округлились. Взгляд из виноватого стал тревожным и теперь направлялся прямо за спину охранника.

— Берегись! Сзади! — только и успел крикнуть он.

— Вздумал в игры играть? — пренебрежительно рявкнул охранник.

В этот момент послышался глухой удар, и он повалился на пол. Теперь на месте охранника стоял Данила, держа за дуло увесистый пистолет. Данила подбросил его в ладони, потом перехватил за рукоять и направил в сторону Терентьева. Кеша радостно прищёлкнул языком и тут же наградил Терентьева пинком в живот.

Глава 45 Супергерой

— Чего вам надо? Вы же ничегошеньки обо мне не знаете! — сказал Федя, и его голос сорвался на крик.

— Это могла бы быть интересная игра. Жаль, но, кажется, парни в белом уже сдались, — произнесла старушка, обращаясь к Феде и одновременно как будто ни к кому.

— Понятное дело! — не выдержал Федя. — Те парни – профессионалы!

— Тогда всё ясно, — старушка хлопнула в ладоши, словно на неё снизошло божественное озарение. — Им не стоило тратить время на тренировки. Даже не стоило сегодня приходить на матч! Слабаки всегда остаются слабаками.

— Чего? — у Феде округлились глаза.

— Этот парень у тебя на футболке, — старушка указала дымящейся сигаретой на бегущего Флэша, — он просто получил суперсилу и всегда выигрывал?

Федя опустил подбородок на грудь, будто впервые увидел своего любимого супергероя.

— Вообще Флэш много тренировался! — парировал он. По его мнению, старушка зашла на опасную территорию, и теперь любой спор, который она затевала, ей точно не выиграть. О супергероях он знал всё!

— Управлять суперскоростью оказалось реально непросто. Нужно было заново учиться, подстраиваться и всякое такое. На самом деле он постоянно усовершенствовал свои способности! — продолжил Федя.

— Похоже, что он очень усердный парень, — кивнула старушка.

Федя вернулся к телефону, заглянул в раздел сообщений, но ничего нового там не нашёл. Почему он не пишет? Ему так хотелось, чтобы всё поскорее закончилось. Как только закончится, Яалу ничего не останется, кроме как выполнить свою часть сделки. Он вызвал меню действий, ещё раз оглядел поле и парней, с которыми когда-то тренировался, отказался от этой идеи и сунул мобильник обратно в карман.

— Если бы твой Флэш ради своей суперскорости сделал что-то понастоящему плохое, — вновь заговорила старушка – с Федей и вроде бы ни с кем, — ты бы попрежнему считал его таким крутым парнем и носил его портрет на футболке?

Федя недоумённо посмотрел на старушку:

— Тогда, наверное, он был бы суперзлодеем!

— Значит, ты всё же видишь разницу? — спросила старушка. — Ты можешь сейчас сделать то, что очень сильно изменит твою жизнь. Решение у тебя есть. Кое-что даже ОН не сможет у тебя отнять.

Федя сжал руки в кулаки. Голоса толпы на стадионе доносились откудато издалека, как из чужого мира. Старушка продолжила говорить – медленно, спокойно, но так, что её слова проникали прямо в голову. И это казалось естественным – таким же естественным, как и всё остальное.

— Всё зависит от того, что именно ты сделаешь. У тебя есть шанс всё изменить. На самом деле он всегда у тебя был. Холодно, страшно, больно, невыносимо – да, бывает. И как бы ни было больно, в конце ты всё равно сам решаешь, кто ты. Никто за тебя не сделает этого выбора. Даже я.

Она с интересом посмотрела на поле, глубоко затянулась – в небо полетели очередные разноцветные кольца дыма. Потом она хлопнула собаку по спине, и пёс, словно по команде, рванулся через весь стадион.

Трибуна в очередной раз взорвалась овациями. На этот раз гол забил кто-то из «Беркутов», и Федя внимательней присмотрелся. Здоровяк Лёха под номером двенадцать шёл через поле, опустив голову, но толпа продолжала улюлюкать и показывать на него пальцем.

— Это лучший на свете гол, пацан! — крикнул кто-то из толпы.

— Только почему в свои ворота? — приснул пьяный смех с первых рядов.

Федя посмотрел на табло и увидел счёт: четырёноль в пользу «Лис». Чёрт бы его побрал. Поэтому телефон так бесился? Он ведь обещал, что активирует действие после второго гола.

Оставшееся время первого тайма «Беркуты» носились по своей штрафной площадке, как кучка потерявшихся щенят. «Лисы» наступали. Они уже настолько были уверены в своей победе, что забыли про защиту. Молния без конца таранил ворота белых. Мощные удары несколько раз прилетали прямо в грудь Пухлого, который отчаянно пытался держать оборону. Парни из защиты – Костя и Лёха – все уже готовились к своему поражению, но не сдавались. Однако очередной удар прилетел прямо в цель за несколько секунд до окончания второго тайма.

На противоположной стороне стадиона Бзыков вскочил со своей скамейки, сорвал с головы кепку и начал яростно её топтать. Поникшие «беркуты» шли в его сторону, словно стадо овец на заклятие. Лишь Костя поднял голову, посмотрел в сторону Феди и помахал.

Федя думал, что Бзыков станет в очередной раз ругаться со своей командой, но нет. Как только парни к нему приблизились, он выпрямился и стал давать указания, резко жестикулируя. Всё как обычно. А потом, в какой-то момент, он вновь посмотрел в сторону, где сидел Федя. По крайней мере Феде так показалось.

Однако тренер Бзыков высоко поднял руку и махнул ему, приглашая присоединиться. Федя видел, как другие парни в команде одобрительно закивали. Он всё ещё не верил в происходящее. Потом Костя наклонился к скамейке и поднял что-то белое. Флаг? Костя растянул его высоко над головой. И там, на флаге – точнее, на футбольной майке – красовался номер девять. Его номер. Сердце Феди замерло. Он посмотрел на старушку. Она кивнула ему в ответ и широко улыбнулась.

— Федька! Тупой засранец! — прокричал кто-то с другой стороны.

Он обернулся и увидел свою сестру. Она шла ещё с какой-то молодой женщиной. Лица у обеих были обеспокоенные, тревожные. Телефон в его кармане дребезжал.

— Ты что думал, что можешь вот так просто взять и свалить? — закричала сестра.

— Насть, я Ты прости

— А ну заткнись! — оборвала она. — Извиняться он вздумал! Ты что тут вытворяешь, а? Ты же всё испортишь! Мы же тебя любим, придурочный, и совсем не хотим, чтобы с тобой что-то случилось.

На другой стороне Костя продолжал махать майкой с номером девять. Молодая женщина подходила всё ближе. В руках у неё Федя заметил маленький блестящий предмет.

— Насть, мне правда

— Ты думаешь, ты один такой, да? Сломался? Жалеть тебя я не стану, но ты должен собрать себя в руки и пойти всё исправить!

Федя стиснул кулаки, глубоко вдохнул. Потом вдруг решительно поднял голову.

— Я как раз это и собираюсь сделать!

Он достал жужжащий телефон Яала и со всей силой, что у него была, швырнул его об пол. Экран загорелся синим. На нём вспыхнула надпись: «Задание провалено», — после чего телефон, будто только вспомнил, что ему следовало разбиться, развалился на детали.

— Нет! — крикнула молодая женщина, пытаясь ухватить падающий телефон.

Федя развернулся и резко побежал вдоль трибун к противоположному концу стадиона. Его шаги становились всё твёрже с каждым движением. Парни в команде ликовали, будто уже выиграли этот матч.

Глава 46 Цербер по кличке Вейден

Цербер по кличке Вейден бежал, переворачивая по пути сиденья и лавочки. Он не обращал внимания на вопящих зрителей, которые периодически бросались в него едой и отпрыгивали в стороны. Он понимал, что является самым большим и бронированным псом, а потому тем, кто вставал на его пути, оставалось либо уйти с дороги, либо попытаться остановить Вейдена. Таких, к слову, оказалось немного.

Цербер влетел в подтрибунное помещение, ударившись головой о двери. Обе створки с грохотом врезались в стены и затрепетали на петлях.

Недолго думая, Вейден бросился на Данилу, схватил его за запястье и сдёрнул его руку с пистолетом вниз – за секунду до выстрела.

Толпа снова была на ногах: знаменовала начало второго тайма. Мяч оказался в игре. Звук выстрела потонул в очередном крике болельщиков, которые совершенно забыли о недавней потасовке.

Цербер рванул руку Данилы в сторону, раскусив пополам, как сладкую соломку. Пистолет отлетел на пол. Половина руки закатилась под одно из пустующих кресел.

Данила жалобно взвыл и стал кататься по полу, зажимая обрубок своей руки, из которого лилась кровь – так думали большинство людей. На самом деле она истекала чёрной дымящейся жижей. Кеша отступил на пару шагов, тогда как Вейден принял боевую стойку, широко расставив лапы.

— Хороший пёсик. Ведь ты же хороший пёсик? — с сомнением спросил Кеша.

Хороший пёсик Вейден, не раздумывая, повалил Кешу, придавив его к полу огромными лапами.

— Стой! Прекрати! — крикнул Терентьев.

Пёс поднял большую лохматую голову, осматривая Терентьева. Во взгляде этого необычного громадного зверя не было враждебности – только тревога и беспокойство.

Конечно, Терентьев не мог знать, что творилось у того в голове: понимал ли он, что творит, или же просто считал Данилу и Кешу своей добычей? Но он знал одно: если бы не эта псина, то он, возможно, уже был бы мёртв. Теперь же человек, который наставил на него пистолет, лежал в луже собственной крови и тихонько стонал. Причём звуки, которые он издавал, становились всё слабее и слабее.

— Хорошо! А теперь ты, — Терентьев указал пальцем на Кешу, — что вы двое здесь делали?

— У нас небольшое собственное производство. Мы готовим и продаём хотдоги в общественных местах, — скороговоркой проговорил Кеша, словно читал заученный текст.

— Прекрати нести чушь! Ты с этим ублюдком здесь не для того, чтобы печь сосиски!

Огромный пёс оскалился, и из его пасти обильно капали слюни на лицо Кеша.

— Небольшое собственное производство Мы готовим — начал было Кеша.

Пёс зарычал.

— Ещё продаём хотдоги в разных местах, — с трудом проговорил он, зажмурившись.

— Вот что, мужик. Или ты перестаёшь нести эту хрень, или я уйду и оставлю тебя один на один с лохматиком.

— У нас небольшое — начал Кеша.

При этих словах Терентьев театрально развернулся к двери. Пёс недовольно зарычал.

— Ладно, ладно! Чёрт, ладно! — взмолился Кеша, отвернувшись от смертельно опасной пасти.

— У тебя минута, — сказал Терентьев.

— В тележке. Там, под шторкой, бомба, — выпалил Кеша.

Глаза Терентьева округлились. Он громко выругался, кинулся к двери, но на полпути его обогнал пёс и первым выбежал наружу.

Во второй раз оказавшись на трибунах, Терентьев сразу побежал к тележке с хотдогами, рядом с которой он увидел огромную чёрную тень с глазами. Только это была не тень. Терентьев точно знал, что она из себя представляет.

Пёс нетерпеливо гавкнул и застучал хвостом, выбивая нестройный ритм.

Терентьев заглянул под прилавок. От увиденного у него перехватило дыхание: два предмета, соединённых проводами – какойто старенький мобильник и продолговатый коричневый свёрток.

Не нужно было быть экспертом, чтобы сообразить: перед ним лежала бомба. Прямо посреди чёртова стадиона, набитого людьми! Самая настоящая БОМБА, готовая сдетонировать в любой момент.

Виски бешено пульсировали, а по лицу уже бежали струйки пота. Он даже не заметил, что вместе с ним под тележку заглянул и чёрный пёс, который так же тяжело дышал, как и он сам.

Они переглянулись. Затем пёс зачемто лизнул Терентьева в лицо, и тот едва не разбил голову о верхнюю часть тележки.

— Погоди, приятель!

Пёс гавкнул – в знак понимания или возмущения.

Не раздумывая, Терентьев схватил тележку за ручки и помчался между рядами. Сосиски, булочки, банки с горчицей и зелень летели во все стороны – часть прямо на головы болельщиков. Все они ругались и кричали.

Только какойто лысоватый мужчина принял сосиску как божественное подношение. Он с наслаждением понюхал её, откусил и запил чемто из жестяной банки.

На какоето мгновение всё замерло.

Даже Терентьев на секунду остановился, чтобы понять, что произошло. Он увидел, как игрок в белой майке под номером девять стоит перед воротами противника. Оранжевые игроки остановились за его спиной, словно не понимая, что вообще здесь происходит.

Потом он бьёт. Мяч летит. Точно.

Сектор белых взрывается криками. Затем и весь стадион ревёт. Мальчик в футболке с номером девять падает на колени.

Какойто мужик на другом конце стадиона – похоже, тренер белых – показывает язык тренеру оранжевых. Лысый мужик на переднем ряду порвал на себе майку и закричал.

Глава 47 Бомба

Терентьев стиснул зубы, толкая перед собой ржавую тележку, колесо которой начало гадко поскрипывать – это здорово действовало на нервы. За ним неотступно следовала огромная псина, которая вертела головой, как антенной, сканируя окружение настороженными глазами. Она молчала, только изредка гавкала.

Под крики болельщиков он ворвался в гулкое, полутёмное подтрибунное помещение. До этого ему казалось, что здесь было куда больше света. К тому же воздух теперь стал густым, пропах металлом и кровью.

Его взгляд моментально упал на Кешу. Тот стоял на коленях перед неподвижным телом Дурова.

Он держал Дурова за руку, словно надеясь, что тот вотвот очнётся, и тихо бормотал что-то себе под нос. Другую руку приятеля Кеша туго перемотал тряпками, насквозь пропитанными кровью. Поверх бинтов закрепил ремень, который, видимо, должен был остановить сильное кровотечение.

Когда Терентьев приблизился, Кеша поднял голову. Его глаза были покрасневшими.

— Я пытался Я пытался остановить кровь! — выдавил он хриплым голосом. — Очень старался

— Ты говоришь? — удивился Терентьев.

— Господин Булгорг дал мне голос.

— Булгорг? Впрочем, хрен с ним! Если мы прямо сейчас не займёмся этой чёртовой бомбой, то взлетим все вместе, понял?

Терентьев почти добрался до выхода, когда тележка со скрежетом замерла, будто упрямылась и упиралась, не желая больше двигаться. Её передние колёса увязли в какой-то выемке, скрытой под грязью и осколками стеклянной двери. Яма казалась совсем небольшой, но изза большого веса тележка словно приросла к полу. Терентьев выругался, бросившись к передней части тележки. Он обхватил её края, пытаясь приподнять. Металл звенел, руки скользили.

— Да чтоб тебя! — прошипел он сквозь зубы, чувствуя ноющую боль в плече. Перед его мысленным взором предстала бомба, которая выпала из телеги и упала на асфальт. Что-то в ней активировалось, и она, издав пронзительный писк, рванула. Ключья тележки разлетелись в стороны

Он встряхнул головой, пытаясь избавиться от гадких мыслей. Зажмурился, стараясь не думать о том, что находилось прямо перед ним, и сосредоточил усилия на том, чтобы сдвинуть её.

Позади раздался громкий, зычный лай. Терентьев не обернулся – смысла не было. Уставившись на неподатливое колесо, он ещё сильнее навалился локтями и плечом. И вдруг почувствовал, как тележка слегка подаётся вперёд.

Он оглянулся.

С другой стороны тележки стоял Кеша, вцепившись руками в ручки. Ноги упирались в бетон, а лицо исказила гримаса напряжения. Рядом с ним – чёрный пёс, который, видимо, всётаки не решил разорвать его на части.

Раздался скрип. Колёса, сопротивляясь, выбрались из проклятой ямы. Телега выкатилась на следующий участок бетонного пола.

— Я могу помочь, — пробормотал Кеша, запыхавшись.

— Уже помогаешь, — бросил Терентьев, удерживая равновесие, пока груз снова скатился на ровную поверхность. — Давай медленней, мы ведь не сосиски перевозим!

— Понял, — кивнул Кеша, хватаясь крепче за ручки.

Вместе они выкатили тележку на парковку. Там всё ещё толпились люди: родители и друзья спортсменов, ничего не подозревающие о том, что в метре от них, под остатками уличной еды, лежит начинённая смертью бомба. Терентьев оглядывался в поисках подходящего пути. На карте он видел рядом со стадионом зелёную зону и озеро.

Времени на раздумья не оставалось. Терентьев ускорил шаг, всем своим видом показывая, что всё под контролем. На самом деле у него ком подступал к горлу – контроль уже давно был утерян. В его сознании уже гремел взрыв, который уносил сотню жизней.

— Я ведь могу всё исправить, — произнёс Кеша.

Шум толпы, резкий запах бензина и раскалённого бетона словно отдалялись всё дальше и дальше.

— Чего? — переспросил Терентьев, глядя на обескураженное лицо Кеша.

— Могу всё исправить? — повторил тот. Его голос был тихим, отчаянным, будто чужим.

На мгновение Терентьев задумался. Потом мотнул головой.

— Откуда мне знать? — прорычал он, отводя глаза. — Нашёл же время.

Кеша опустил голову, и некоторое время они катили тележку молча. Скрип колёс смешивался с отдалёнными криками на стадионе и гулом машин; где-то за спинами мелькали беспокойные силуэты людей. Миновав парковку с хаотично разбросанными автомобилями, они выкатили свою ношу на тропинку, ведущую к пустынному берегу озера. Неровный асфальт заменил жёсткий утрамбованный песок, по которому гружёная тележка шла ещё труднее, упрямо буксуя и скрипя.

Слава богу, шумный квартал остался позади. Никого, кроме них, на этой тропинке не было – ни детей с родителями, ни болельщиков. Тревога не то чтобы растворилась, но словно стала какой-то приглушённой, терялась в тишине и лёгком плеске воды издалека.

— Думаю не всегда есть шанс что-то исправить, — вдруг заговорил Терентьев, не поворачивая головы. Его голос звучал хрипло, словно из глубокого колодца, полуглухой от усталости и напряжения. — Но нужно хоть попытаться. Оно того стоит, понимаешь?

Кеша лишь молча кивнул и ничего не ответил. Но в том, как он крепче сжал ручки тележки и выровнял спину, было что-то похожее на согласие.

Терентьев уверенно вёл их дальше, торопясь к озеру. Песчаная тропинка извивалась среди сухой травы и пустых бетонных плит, оставленных, вероятно, строителями. Это место казалось почти вымершим, и именно поэтому у него был шанс. Что-то внутри него подсказывало, что они сделали правильный выбор. Но другой, куда более громкий внутренний голос бил тревогу: а что, если они не успеют? Бомба была как пиявка, прилипшая к его мыслям, болезненно лишаящая уверенности с каждым следующим шагом.

И тут он его увидел.

Чуть дальше у берега, метрах в двадцати от ямы, стоял огромный экскаватор – словно металлический динозавр, ожидавший приказа действовать. А у ковша, рядом с внушительными гусеницами машины, сидел водитель: тучный мужик с широкой грудью и мясистыми руками, куртка которого еле сходила с живота. Он неспешно разворачивал массивный бутерброд в промасленной бумаге – кусочками свисающий бекон источал такой запах, что даже Терентьев его почувствовал. Водитель откусил край бутерброда и с громким чмоком принялся пережёвывать его, смакуя каждый кусочек. Масло, кетчуп и что-то ещё капало на землю.

— У нас БОМБА! — заорал Терентьев.

Его голос разорвал тишину, как удар хлыста.

Водитель поднял на него сонные и ленивые глаза и не спеша проглотил кусок бекона, потом слегка вздохнул, как будто наполняя лёгкие воздухом для второго укуса.

— А у меня бутерброд, — отозвался он бесстрастно, со спокойствием человека, для которого концы света случаются раз в неделю.

— Беги! Дурак, она рванёт сейчас! — рявкнул Терентьев, прибавляя шагу. Его взгляд перескакивал с ямы на ленивую тушу водителя.

На секунду тот продолжал неторопливо дожёвывать, явно взвешивая, стоит ли слушать двоих сумасшедших с сосисочной тележкой или доест бутерброд. Потом что-то встревожило его. Возможно, он действительно смог разглядеть мигающее устройство за болтающимися занавесками, поскольку в следующее мгновение он бросил свой обед и ринулся прочь от экскаватора.

Терентьев оставил тележку, первым добежал до края ямы и застыл. Она оказалась глубокой, больше двух метров, с рыхлыми земляными стенками, будто только что вырытой. На дне виднелись груды свежей влажной земли и глины. Видимо, водитель трудился на совесть, а не только жевал бутерброды.

— Это идеально, — сказал Терентьев, переводя дыхание.

Он вернулся к тележке и помог дотащить её до обрыва.

— На счёт три! — скомандовал Терентьев.

Они переглянулись и вместе взяли руками за ручки тележки.

— Один, два

Телега качнулась несколько раз, словно раздумывая – катиться вниз или остаться на месте, — но сила притяжения взяла своё. С громким металлическим скрежетом она сорвалась в яму и начала лететь вниз, издавая грохот, как будто рвала сам воздух. Ржавые колёса задрожали и отломались, отлетев кудато в стороны. Контейнер сорвался с верхней части телеги, а из него посыпались нераспроданные закуски – сосиски, булочки. Тележка приземлилась с глухим металлическим ударом, боком воткнулась в землю.

Терентьев и Кеша бросились наземь, падая всем телом в протоптанную у ямы траву. Собака, поддавшись общему инстинкту, тоже легла, пригибаясь к земле. На пару мгновений всё стихло.

Казалось, ещё секунда – и ударная волна их настигнет. Огромный огненный столб рванет из ямы, словно из дула ружья, разметает всё вокруг. Может, даже похоронит под собой экскаватор. Но ничего. Тележка и бомба спокойно лежали на дне ямы. Взрыва не было.

Терентьев, не отрывая головы от земли, открыл один глаз, затем второй. Его сердце всё ещё бешено колотилось. Он перевернулся на спину, тяжело дыша, чувствуя, как осознание ситуации начинает медленно просачиваться в разум.

— Мы живы? — пробормотал Кеша, поворачивая голову с осторожностью, будто боялся, что любое движение может активировать бомбу.

Затем Терентьев рассмеялся. Тихий смешок перерос в искренний, громкий хохот. Кеша, будто заразившись, хохотнул в ответ – сперва сдержанно, потом громче и ещё громче. Они оба смеялись, и в этом смехе не было веселья – только облегчение. Дикая, тупая радость выживших. Они заливались, как два сумасшедших, которые не могли остановиться.

Собака зевнула, замотала хвостом и коротко гавкнула, выражая своё нетерпение.

Кеша, ещё улыбаясь, сел, тяжело дыша, и достал из кармана блокнот. Потёртый, с загнутыми уголками; на облезшей обложке – старая Эйфелева башня. Он провёл по ней пальцами, как по лицу давно потерянного друга.

— Всё исправлю — прошептал он. Голос у него дрожал. — Я больше никогда. Никогда. Он поцеловал блокнот осторожно, как будто боялся потревожить что-то внутри.

Терентьев молчал. Он просто смотрел. Подумал о том, что нужно вызвать полицию, вернуться к Ольге, узнать про телефон.

И тут послышались шаги – тяжёлые, ритмичные, много шагов. По земле – ровно, синхронно, словно эти звуки издавали не разные люди, а один единый механизм с десятками ног. Терентьев повернулся.

Иzza деревьев вышли полицейские. Лица – сосредоточенные, пальцы на спусковых крючках. Шаг за шагом. Воздух словно потяжелел. Казалось, Терентьев должен был обрадоваться их появлению, но что-то было в их лицах – что-то, что заставило его насторожиться.

Кто-то вышел вперёд. Не полицейский. Дуров.

Руки у него попрежнему не было. Вместо неё болтался пустой рваный рукав, однако теперь, похоже, это совершенно ему не мешало. Создавалось впечатление, что Дуров потерял эту руку давно и давно свыкся с её отсутствием. Никакой крови он не терял, да и вообще выглядел живее прежнего. Бойко размахивал другой, здоровой рукой, в которой держал пистолет Макарова.

Он взглянул в яму. Потом – на Кешу.

— Дебил, — проговорил он медленно. — Какой же ты дебил.

Чёрный пёс ошетинился, шерсть на загривке встала дыбом. Он зарычал, но никакого впечатления ни на Дурова, ни на его отряд это не произвело.

За его спиной тут же вскинули ряд стволов. Прозвучали шелчки предохранителей.

— Пожалуйста — Кеша поднял руки. Он говорил тихо, умоляюще, почти плача. — Это всё ошибка. Мы не хотели Мы не должны были!

Выстрел.

Кеша дёрнулся. Голова откинулась назад. Красное пятно вспыхнуло у него на лбу, будто кто-то брызнул на него краской. Он осел медленно, как будто внутри него выключили свет. Потом уже мёртвое тело повалилось в яму и глухо ударилось там о землю.

Блокнот вылетел из руки, перевернулся в воздухе, шлёпнулся рядом. Страницы распахнулись, и лёгкий ветерок нетерпеливо листал страницы – одну за другой. Что-то пытался найти, но все страницы оказались пустыми. Хлопхлопхлоп.

Терентьев закрыл глаза. Что-то горячее скатилось по щеке. Он не был уверен – кровь это или слёзы. Возможно, и то и другое.

Пёс взвыл и метнулся прочь, исчезая в высокой траве, как будто знал: здесь ему больше нечего делать.

— Что вы наделали?! — закричал Терентьев. Он рванулся вперёд, но его тут же повалили – два человека мгновенно, как будто ждали сигнала. Прижали к земле. Он вырывался, кричал, пытался дышать, но в горле стоял вкус крови.

— Александр Терентьев, вы подозреваетесь в совершении террористического акта, повлёкшего смерть людей, — отстранённо произнёс один из полицейских.

— Это не я! — кричал Терентьев. — Это не я! Вы не понимаете! Что с вами?

Наручники хрустнули на запястьях. Железо обожгло кожу.

— Конечно, не ты, — отозвался Дуров. Он подошёл ближе, присел рядом. В его глазах не было ни злости, ни радости – только интерес. — Слушай.

Он повернул голову, прислонил к уху открытую ладонь. И в этот момент

Стадион взорвался. Не грохнул, не треснул – взорвался. Сначала до Терентьева долетел звук – страшный, громкий и всепоглощающий. А потом удар. Воздух сжался, словно втянулся в себя, и выплеснулся наружу. Терентьев успел только повернуть голову и увидел, как над деревьями со стороны стадиона поднимается чёрный столб дыма. Как чернота заполняет собой небо.

И всё слилось в один сплошной гул. Земля дрогнула. В груди что-то оборвалось. Сердце бешено колотилось.

Он смотрел на клубы дыма, и в голове вспыхнуло: «Ольга». Там была Ольга. И дети. Сколько их было – пятьдесят? Сотня? В голове тут же всплыл яркий образ Ольги, которая уходит от него, теряясь между рядами болельщиков.

— А ты думал, бомба была одна? — прошептал Дуров. — Телефон попросил только одну, но новый хозяин – мудрый хозяин. Он предложил заложить вторую. Похоже, что он знал, что ничего не выйдет.

Его лицо озарила вспышка света. В этом свете он был неживой. Нет, живые люди так не выглядят. Однако и мёртвым он не был.

Гдето рядом продолжал шелестеть блокнот. Он яростно теребил страницы, словно пытался что-то там найти. Но ничего там не было. Только пустота.

А в этой пустоте, как будто из другой вселенной, раздался смех Яала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.